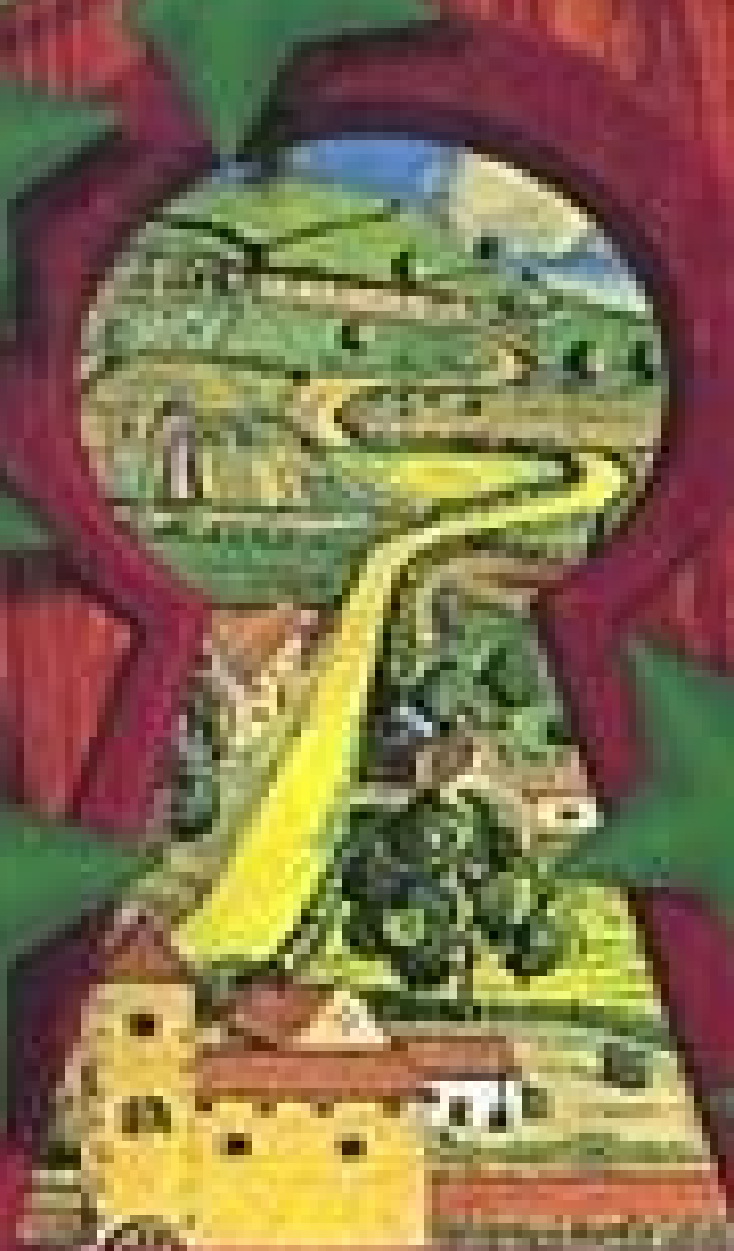

Н. Бонналь

ТОЛКИЕН
Мир чудотворца

Annotation

Эта книга удивительна тем, что принадлежит к числу самых последних более или менее полных исследований литературного творчества Толкиена — большого писателя и художника. Созданный им мир - своего рода Зазеркалье, вернее, обратная сторона Зеркала, в котором отражается наш, настоящий, мир во всех его многогранных проявлениях. Главный же, непреложный закон мира Толкиена, как и нашего, или, если угодно, сила, им движущая, — извечное противостояние Добра и Зла. И то и другое, нетрудно догадаться, воплощают в себе исконные обитатели этого мира, герои фантастические и вместе с тем совершенно реальные: с одной стороны, доблестные воители — хоббиты, эльфы, гномы, люди и белые маги, а с другой, великие злодеи — колдуны со своими приспешниками.

Чудесный свой мир Толкиен создавал всю жизнь. И венцом его творения в конце концов стало всемирное признание: не случайно мир этот, равно как и его герои, пережили своего создателя (чем не доказательство успеха!).

Итак, читатель, мы зовем тебя следом за нами в увлекательнейшее путешествие в мир Толкиена, где путеводителем тебе послужит эта книга. И да будет легкой твоя поступь!

- [Толкиен. Мир чудотворца](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
  - [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
-

Толкиен. Мир чудотворца

Часть первая

ИСТОКИ

Глава первая

Толкиен, провозвестник Традиции

Роман «Властелин Колец» входил в число послевоенных бестселлеров (тридцать пять миллионов распроданных экземпляров) наряду с «крестными отцами» Марио Пьюзо и шпионскими романами Ладлэма и Форсайта. Не удивительно, что со стороны университетской элиты Толкиен в свое время не заслужил ничего, кроме порицания: ее представители всегда относили его к категории авторов «героической фэнтези»⁽¹⁾, которые жаждут одного лишь патетического самовыражения и совершенно не способны на что-то более серьезное...

Наша книга призвана восстановить справедливость по отношению к Толкиену. Творчество его заслуживает всеобъемлющего и глубокого изучения, тем более что в изначальном его контексте угадывается стремление автора создать собственную Книгу Бытия (в «Сильмариллионе») и воспеть доблесть героев минувших времен в трагическом противостоянии двух миров — земного и потустороннего («Властелин Колец»). Подобно великим своим предшественникам, Лавкрафту⁽²⁾ и Нервалю⁽³⁾, Толкиен достиг такого чарующего совершенства, при котором повесть обращается в песнь, то есть легенду.

С литературной точки зрения, мастерство Толкиена выглядит таким безупречным, будто всю жизнь он только тем и занимался, что выстраивал и оттачивал внутренние связи в своем творчестве, воссоздавая некий литературный микрокосм, достойный творения Господня. Это целая космогония со своими ритуалами и героями, со своей безукоризненной логикой, идущей из глубины веков и остающейся незыблемой на фоне сюжетных перипетий и приключений героев — Фродо и Гэндальфа, Берена и Лучиэни, Турена и Феанора. Следуя этой логике, Толкиен посвятил свою жизнь созданию языков, кодов и жестов, достойных идеализированной античности и средневековья, а также воображаемого мира, живущего по непостижимым строгим законам.

Именно воспроизведение (воспроизведение) этого мира и придает вес роману, который англичане признали лучшей книгой XX столетия. Будучи страстным патриотом и ревностным католиком, весьма далеким от догм англиканской церкви, Толкиен сумел создать произведение всемирной значимости: оно сродни величайшим легендам и сказаниям, объединенным

в единую мировую Традицию. Всемирный успех этого произведения говорит о том, насколько органично оно вошло в так называемое коллективное бессознательное, выразителем которого сначала выступает отдельный человек, а уж потом и все человечество.

Следует признать, Толкиен блестяще показал истинный смысл противоборства добра и зла — зла зримого и пережитого, подобного той силе, что лежит в основе всего сущего. И в наш жестокий век, когда понятие природной красоты считается устаревшим и подвергается едва ли не поруганию, став жертвой технического прогресса, воплощенного в двигателе внутреннего сгорания, нет ничего удивительного в том, что часть человечества с головой ушла в мир писателя, страстного приверженца Традиции, хорошо понимающего вселенское значение зла.

Я упомянул о Традиции. Так вот, на мой взгляд, Толкиен стал ее провозвестником, потому что он перенес традиционный феодальный стиль жизни эльфов в безмятежный, совершенный мир хоббитов, носителей истонных жизненных ценностей. Традиция сродни юности мира, когда все вещи покуда еще предстают в неразрывном единстве. Человек и окружающая природа, или среда, как принято выражаться сегодня, человек и животные, человек и его божества, — все это покамест едино; деревья умеют разговаривать, лисы — слушать, собаки — рассуждать, точно в волшебных мирах, существовавших, по латинскому выражению, *in illo tempore*⁽⁴⁾, в благословенном первозданном мире, где все означало Одно. Мир Толкиена традиционен в прямом смысле слова; это мир добродушных дикарей, так пленивших Запад, который, подобно Хоббитании, замкнулся в своем тесном мирке технического прогресса. О том же говорят и небезызвестные строки Шатобриана:

«Счастливые дикари!.. Вы безропотно согнулись под бременем оков и живете, не ведая счета дням. И ваша правда зависит от ваших же нужд».

Руссо также славил время рождения мира, когда все было цельно. Первые дни Хоббитании, как и первые годы жизни эльфов, прибывших в Арду прославлять божественное творение, оставляют впечатление чего-то уже знакомого во вселенском смысле слова, что и обуславливает успех «Властелина Колец» и «Сильмариллиона». Стало быть, под «традицией» следует понимать некое отдаленное место и исходный момент времени, когда все вещи пребывали в единстве. Это целый мир, состоящий из неразрывных частей. И Толкиен стал провозвестником той самой благодатной эпохи, когда, как утверждал Мерлин⁽⁵⁾ в фильме «Экскaлибур»⁽⁶⁾, человек, зверь и дерево являли собой одно целое.

Именно единство первозданного мира и гармоничный союз, который славословил еще Мейстер Экхарт⁽⁷⁾, и придают силу и цельность творчеству Толкиена. Таким образом, в своих книгах он словно возрождает платоновский идеал о первичном мире. При всем том Толкиен никогда не считал свои произведения и героев аллегорическими. Ибо они, по сути, тавтогоричны, то есть обращены к самим себе, подобно мифам и мифологическим героям, каковыми их считали те же немецкие романтики. Это — мир в самом себе, и оживает он благодаря богатому воображению писателя, обладающего поистине энциклопедическими познаниями, чья главная забота — сохранить в своих произведениях внутреннее поэтическое единство.

Войти в мир Толкиена можно, только погрузившись в него полностью. К тому же, необходимо некоторое время, чтобы освоиться в бесконечной череде событий и героев, связанных между собой строгим повествовательным сюжетом, который придает стройность и выразительность всему замысловатому целому, складывающемуся из причудливых взаимоотношений между драконами и эльфами, чудищами и хоббитами, иссушенными пустошами и благодатными краями. Всякий, кто хочет читать Толкиена, должен прежде всего уметь перечитывать его. В самом деле, Толкиен — такой писатель, которого лучше перечитывать, чем читать; только миновав «преддверие» и ознакомившись в общих чертах с картинами природы, героями и перипетиями их жизни, можно продвигаться дальше, мало-помалу вовлекаясь в литературную игру, в ходе которой только и можно познать этот переливающийся яркими красками мир. Лично я открыл для себя Толкиена лишь после того, как совершил несколько путешествий, что называется, на край света, и все эти пути-дороги связывались у меня со странствиями героев нашего писателя. А Толкиен — как раз тот самый писатель, которого лучше всего читать в пути: только в дороге и возможно проникнуться истинным духом его творчества, вкусив все его прелести сполна. Творчество Толкиена — для истинных любителей путешествий, странников-непосед, «одиноких ковбоев» и вечных скитальцев, для искателей приключений, словом, неутомимых путников. К тому же, дорога — лучший способ ощутить свойственную Толкиену и не передаваемую словами ницшеанскую

Но мир Толкиена — это мир странствий не столько «вовне», сколько «внутри», ибо он постепенно заполняет сознание читателя целиком. И в этом смысле, конечно, легко понять, отчего миллионы почитателей Толкиена сделали из него культового писателя. Тем более что он не только создал целый мир, но и подарил ему религию с особыми обрядами и

Таинствами, верховными жрецами, подобными Гэндальфу, и их паствой в лице хоббитов, стремящихся к духовному совершенству.

Между тем ключ к постижению творчества Толкиена кроется в Библии и скандинавской Эдде⁽⁸⁾, пронизанной благородным нордическим духом, рожденным в самом удивительном краю Европы. «Мне так полюбился этот дух, — признавался Толкиен, — что я всегда старался воссоздать его доподлинно». Исследуя творчество Толкиена, необходимо постоянно обращаться и к «чудотворному» католицизму, который он исповедовал, дабы выявить парадокс, существующий в мире, где боги до того далеки, что может показаться, будто их нет вовсе, злые духи могущественны и вездесущи, а ангелы и люди совершенно бессильны. Авторскую идеологию поможет нам понять простая интуиция: она подскажет, что истории Толкиена насквозь пронизаны Традицией, возникшей «в те времена», когда мир был юн и совершенен, но закат его уже ощущался везде и всюду.

Эта книга вовсе не обязывает читателя помнить «Властелина Колец» в мельчайших подробностях. Пусть она послужит путеводителем как человеку несведущему, так и ярому поклоннику Толкиена, — только путеводителем не описательным (в выходивших доселе исследованиях, увы, уделялось больше внимания «географическим» описаниям, нежели анализу литературному и философскому), а толковым. Пожалуй, только такой путеводитель оправдает ожидания почитателей нашего замечательного автора, число которых растет день ото дня.

Уроки биографии

О жизни Толкиена сохранилось достаточно сведений, представляющих для нас безусловный интерес. Сам он был в точности таким, каким мы его себе воображаем: всегда хранил верность традициям прошлого, духовным ценностям рыцарской эпохи. Если, по Марксу, буржуазия утопила средневековые идеалы в ледяной купели расчетливого эгоизма, то Толкиен и близкие ему по духу мыслители, напротив, низвергли идеологический оплот модернизма, утвердив на его руинах идеалы и традиции эпох минувших.

Толкиен с детства был влюблен в деревья. Воображение уносило его во времена атлантов: он будто наяву переживал постигшую их трагедию. Снова и снова его настигала громадная волна, стершая с лица земли великую Атлантиду; и в сознании его уже тогда рождался потоп, которому в конце «Сильмариллиона» было уготовано поглотить Нуменор. Мать

Толкиена была ревностной католичкой. И столь рьяная приверженность католической вере как, пожалуй, ничто другое помогает понять отношение Толкиена к Средневековью, далекому прошлому, традиции, неумолимым канонам катехизиса. С ранней юности Толкиен интересовался языкознанием — но не чистой наукой о языке с ее правилами и законами, а, скорее, формой и музыкой слов, которая зазвучала в нем с того дня, как мать принялась учить его латыни. Эта любовь к словам и словосложению привела к тому, что в один прекрасный день он взялся создавать свой собственный язык. Еще подростком Толкиен встретил свою будущую жену Эдит — она была старше его года на три. Впрочем, он казался старше своих лет, а она выглядела моложе, была на редкость ухоженной, миниатюрной, словом, просто очаровательной. Верно и то, что она не разделяла его страсти к языкам, — должно быть, потому, что образование ее оставляло желать лучшего. Несходство в этом смысле с женой сказалось не только на жизни писателя, но и на его творчестве: не случайно в произведениях Толкиена сколь-нибудь значимых героинь буквально раз-два и обчелся (по крайней мере на первый взгляд). Так что в том возрасте, когда большинство юношей только-только постигают чары женского общества, наш герой старался их избегать, отодвигая романтические увлечения на задний план. Ну а прочие радости жизни он вкушал последующие три года не в обществе Эдит, а с друзьями-приятелями — не случайно эти самые радости ассоциировались у него именно с мужским обществом. В этом смысле Толкиен вел себя как истинный англичанин и сохранил такой стиль жизни до конца своих дней, точно в соответствии с инициационными обрядами, принятыми в иных мужских сообществах и описанных Мирчей Элиаде⁽⁹⁾. Тогда же Толкиен написал стихотворение «Лес под солнцем»:

«Явитесь с песней звонкой,
Чудесных сказок дивные герои,
Подобные виденьям окрыленным,
Из нитей света сотканные будто.
Ступите на ковер, из бурых трав сплетенный,
Но только не спешите сгинуть прочь!
Явитесь, о лесные духи! И танцуйте! Явитесь же!
И пойте, пойте мне! А после возвращайтесь в ночь!»

Незадолго то того как ему исполнилось двадцать лет, Толкиен открыл

для себя «Калевалу»⁽¹⁰⁾ — сборник песен (рун), составляющих основу карело–финского эпоса, чуждого — и это немаловажно — индоевропейскому мировосприятию. Спустя время он весьма лестно отзывался об «этом странном народе и новоявленных богах его, об этих мятежных героях, не ведавших притворства и морали», которые были ему близки по духу, как никто другой. Позднее Толкиен даже изучил финский, чтобы перечитывать «Калевалу» в подлиннике. Для него это было то же, что «проникать в винный погреб и вкушать диковинного, сладостно пьянящего вина».

Поэтика рун существенно повлияла на языки, которые он придумывал сам. Толкиен отказался от неоготического стиля и под сильным влиянием финского принялся создавать свой собственный язык — и однажды тот проявился в его книгах в виде «квеньи», древнего наречия эльфов. Под влиянием того же финского Толкиен как-то заметил, что «эти сказания отражают тайную первобытную культуру, которую европейская литература тщиалась стереть из памяти народа–носителя».

В то же самое время (в 10–е годы минувшего века) Толкиен начал изучать валлийский язык. Правда, он так и не удосужился побывать в Уэльсе. Вообще Толкиен бывал лишь в немногих странах, литературу которых он изучал: мешали обстоятельства, а главное — не было желания. Что верно, то верно: зачастую средневековые тексты видятся куда более выразительными, нежели современная действительность страны, их породившей.

Толкиен погружает нас по собственному примеру в воображаемый красочный мир, разительно отличающийся от тоскливой современности. Пресловутая легкость самоощущения в чужой стране, столь восхваляемая туристическими агентствами, — ничто в сравнении с возможностями, которые открываются, когда читаешь «традиционный» текст. Ибо текст, согласно Борхесу, воздействует на воображение сильнее, чем любая поездка, поскольку он предоставляет читателю прекрасную возможность совершить путешествие с посвящением в некую тайну. Точно так же путешествует и читатель Толкиена: он попадает в сказочный мир авторского текста — волшебную страну, не похожую ни на одну другую на Земле. При этом язык и миф становятся частью пространства, порожденного поэтическим воображением автора: к примеру, имя Эарендил происходит от древнего англосаксонского слова, означающего «Лучезарный ангел». Тогда же Толкиен увлекся скандинавской Эддой, особенно «Прорицаниями вёльвы» — ведуньи, которая рассказывает об истории Вселенной от самого ее рождения и до конца, предрекая ей

неотвратимую гибель. Эдда была сложена в конце языческой эпохи, незадолго до того как северные народы обратились в христианство, отрекшись от древних своих богов. И все же сказание это производит сильное впечатление, ибо, по языческим представлениям, хранит в себе самую главную тайну мироздания. Не удивительно, что Эдда буквально пленила Толкиена.

Столь же сильное влияние оказал на Толкиена и более современный текст — «Дом сынов Волка» Уильяма Морриса⁽¹¹⁾. Действие книги происходит в некоей стране накануне римского вторжения. Это история одной семьи, вернее, рода, жившего у большой реки, на опушке Мирквуда (Темного леса, который у Толкиена, в «Хоббите»⁽¹²⁾, называется Темнолесьем), — название, взятое из древнегерманского эпоса. В этой истории было немало такого, что пленило Толкиена: архаический стиль и поэтические инверсии, придающие ей легендарный дух. Помимо всего прочего, Моррис обладал изобразительным даром и довольно точно и красочно живописал природу. Таким же даром обладал и Толкиен, посвятивший добрые три сотни страниц хождению Сэма и Фродо в Мордор. Этот талант, безусловно, был следствием наблюдательности в том смысле, какой Бодлер вкладывал в выдающиеся способности Бальзака: гениальность, с какой тот описывает предметы мебелировки и кулуары, присуща и Толкиену, когда он живописует лесные тропы.

Свои излюбленные пейзажи Толкиен открыл в Корнуолле вместе с отцом Винсентом, местным священником. Вот что наш герой писал в письме к Эдит:

«По песчаной равнине добрались мы до Кайнанской роции, взобрались на холм... и солнце ударило нам в глаза с силой, подобной мощи громадных валов, гонимых со стороны Атлантики и с оглушительным грохотом бьющихся о прибрежные скалы. Море пробило в их тверди таинственные бреши и, врываясь в них вместе с ветром, оно зычно трубит, извергая пенные брызги, точно огромный кит, кругом, куда ни глянь, темно-красные утесы и белая пена, вскипающая над озаренными багрянцем изумрудными волнами».

Уже в этих строках Толкиен словно воспроизводит обитель Ульмо, бога вод в «Сильмариллионе», где меж скал парит благословенный Эарендил, обратившийся по собственной воле морской птицей.

Описательный дар проявился у Толкиена довольно рано, и свидетельство тому — вот эти строки, которые он записал в дневнике после долгой прогулки с неизменным своим спутником отцом Винсентом:

«Мы спустились к берегу Хелфорда (в этом месте он напоминает фьорд), а на другой поднялись такими же тропами, как в Девоншире, и выбрались на проселочную дорогу, петлявшую то влево, то вправо, то вверх, то вниз, — так она тянулась до самого горизонта, где багровое солнце растворялось в надвигавшихся сумерках. После долгих блужданий вышли к пустынным печальным дюнам... Потом двинулись прямо и прошли эдак мили четыре по траве, дав отдых натруженным стопам. Ночь застала нас у Руан–Майнора, и мы снова оказались на берегах, озаренных таинственным свечением. Порой забредали в рощицы — там ухали совы и шелестели крыльями летучие мыши, нагоняя на нас страху; иной раз мы вздрагивали от протяжных вздохов дряхлой кобылы, маявшей за изгородью, или от хрюканья вдруг пробудившейся свиньи; а сколько раз оступались и падали в ручей — и вовсе не счесть. Наконец, отмахав четырнадцать миль, — две последние путь нам озарял свет Лизардского маяка — добрались до цели под нарастающий рокот прибоя: море становилось все ближе».

Толкиен был более одиноким странником, нежели Руссо; к тому же, он отчетливо помнил не только каждую прогулку, но и едва ли не каждый свой шаг. Уже в этом коротком воспоминании о прогулке, которую будущий писатель совершил в юности, содержатся, пусть в виде наметок, роскошные описания пейзажей и странствий из «Властелина Колец». Точно так же летом 1914 года Толкиен мало–помалу проникся и образом главного своего героя Эарендила, которому даже посвятил поэтические строки:

«И устремился к чаше океанской Эарендил,
Ночного мрака путы разрывая на ходу,
Подобный свету, бьющему из круга тьмы,
Сошел он в струг свой быстрый, серебристый,
Готовый отвалить от тусклых золотопесчаных берегов.
И вот, поймав попутный бриз вечерний,
Уже бежит он прочь от беспросветной мглы земной».

Как отмечал Хамфри Карпентер, «образ небесного морехода, чей корабль мчит по небосводу, навеян ему воспоминаниями об Эаренделе, герое поэмы Кюневульфа⁽¹³⁾, хотя у последнего этот персонаж предстает совсем в ином свете. В сущности, то был первый легендарный герой Толкиена».

То же самое можно сказать и об основной главе в «Сильмариллионе»,

посвященной походу Эарендила на войну Великого Гнева...

В 1915 году Толкиен пишет первые истории о Валиноре и Таникветиль. На войне он освоил еще один «язык» — азбуку Морзе: его взяли на радиослужбу. Тогда же Толкиен решил заняться мифотворчеством всерьез.

Плоды этого творчества, надо сказать, Толкиен возвращал для своих сограждан, дабы укрепить в них боевой дух: за годы Первой мировой войны англичане понесли большие потери — семьсот тысяч погибшими, то есть в три раза больше, чем во Вторую мировую.

Вот что спустя десятилетия писал об этом Толкиен:

«И тогда пришла мне однажды мысль написать сборник легенд, более или менее связанных между собой, — от крупных повествований на космогонические сюжеты до романтических сказок — и посвятить их Англии, моей родине».

И родина не осталась перед ним в долгу, признав, хоть и много позже, в 1995 году, «Властелина Колец» книгой века. А Толкиен писал:

«Пусть это зазвучит по-новому, свежо и чисто, чтобы и дышалось легко, так, как дышится нашим «воздухом» (исходящим с небес и от северо-западных земель — то есть Британии и ближайших европейских берегов, только не Италии, не Греции и, уж конечно, не Востока), во всяком случае, мне бы того очень хотелось; пусть это будет пронизано таинственной кристальной красотой, которую кое-кто считает чисто кельтской (хотя у древних кельтов она проявляется довольно редко); пусть это будет чем-то «возвышенным», не вульгарным, а родным повзрослевшей земле, издревле опоенной поэзией».

Здесь Толкиен имеет в виду кельтскую мифологию, не прижившуюся во Франции, потому что там уже давно пустили корни античная греко-латинская и иудео-христианская культуры, чуждые кельтской. А кельтская, в свою очередь, означает «исполненная грез». Впрочем, предания британской старины мало вдохновляли Толкиена по сравнению с древнегерманскими легендами, той же «Калевалой» или англосаксонским эпосом. Однако Толкиен использует определение «кельтский» лишь применительно к форме, поскольку ему предстоит создать совсем новую мифологию, самую что ни на есть правдивую, — будто в подтверждение слов Мопассана о том, что искусство должно быть правдивее самой правды. Свои намерения Толкиен развивает в предисловии к творческому кредо «Сильмариллиону»:

«Иные сюжеты, самые важные, я распишу в подробностях, а большинство других — как бы в общих чертах, дабы они заняли свое место

в целом. Периодичность их также будет связана с величественным целым, с развитием других характеров и талантов, призванных привнести новые краски, музыку и драматизм».

Из этого колоссального целого возникло всего лишь несколько сказаний и одна большая книга — «Властелин Колец», представляющая собой продолжение истории, изложенной в «Сильмариллионе», этой гигантской творческой копии. Ах, если бы последователи Толкиена умели черпать из нее богатства!..

Вместе с историями Толкиен создавал и особый язык, вернее языки: *квенья* на основе финского и *синдарин* на основе валлийского. Говорил он и на своем «черноземе из основных языковых составляющих». При этом изобретение новых слов отнимало у него не меньше времени, чем написание самих историй.

В дальнейшем Толкиен обосновался и преподавал в Лидсе, почерневшем от копоти городке, так не похожем на сказочные города эльфов, как, например, тот же Гондолин. Там, в Лидсе, он вместе со своим коллегой Джорджем Гордоном создал Клуб викингов. На собраниях члены клуба пили пиво, читали вслух саги и распевали удалые песни. Просто поразительно и даже невероятно, что хоббитов из «Властелина Колец» мог сотворить безвестный преподаватель, специалист по среднеанглийскому языку и уэст-мидлендскому диалекту, скромный обитатель предместий, занимавшийся воспитанием детей и возделыванием сада.

Впрочем, Толкиен был вполне доволен своим незаметным местом в обывательском мирке, уродливом, однообразном, грязном и удручающе банальном. И все же себя он мнил не кем иным, как Береном, а свою тихую жену — огненно-темпераментной Лучиэнью.

Склонность к простоте проявлялась у Толкиена и в манере одеваться, причем подобные вкусы охотно разделял с ним его близкий друг, писатель и литературовед Клайв Стэплз Льюис. Их объединяло почти гротесковое пристрастие к твидовым пиджакам, фланелевым брюкам, невообразимым галстукам, коричневым кожаными ботинкам, кирпичного цвета плащам, бесцветным шляпам и короткой стрижке. Манера одеваться свидетельствует о том, что Толкиен обладал множеством положительных качеств, предпочитал умеренность, был человеком рассудительным, держался непринужденно — словом, являл собой образ типичного англичанина. Однако внутренний его мир, сложный, изощренный, был для окружающих тайной за семью печатями. Толкиен во многом походил на хоббита: образ тихого, мирного, живущего по средствам обывателя сочетался в нем с непоколебимой стойкостью им же придуманного

народца; при этом ему были присущи богатое воображение и поразительная работоспособность писателя–домоседа, если куда и выбирающегося, то в места самые что ни на есть привычные.

Но это ничуть не мешало ему иметь свои, не совсем обычные суждения об окружающем мире. Толкиен, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было ощущал уязвимость природы перед натиском технического прогресса. Вот, к примеру, какие впечатления о пребывании в Сэйрхоле, маленьком рае своего детства, описал он в дневнике по возвращении в Бирмингем, в лоно семьи:

«Теперь о той безмерной тоске, какую испытал я, проезжая по Холл–Грину. Отныне он превратился в нелепый, чудовищных размеров пригород, загроможденный трамваями, и среди них я ощущал себя совершенно потерянным. От бывших дорожек, по которым я так любил бегать, когда был совсем маленький, не осталось и следа. А наш домик теперь будто раздавлен кирпичными громадами новостроек. Старушка мельница пока еще стоит... а на распутии, позади запруды, теперь шумит опасный перекресток, беспрестанно мигающий красными огнями, — только успевай уворачиваться от машин. На месте «Белого людоеда» разместилась автозаправка; большей части Шорт–авеню, с вязами и переулками, как не бывало. Как же я завидую тем, кого при виде всех этих безрассудных мерзостей не бросает в дрожь».

Эти строки удивительным образом перекликаются с отрывком из «Властелина Колец» — в главе «Оскверненная Хоббитания»:

«И стало им грустно, как никогда в жизни. Все выше торчала перед ними огромная труба, а подъехав к старой приозерной деревне, они увидели сараи по обе стороны дороги и новую мельницу, унылую и мерзкую: большое кирпичное строение, которое оседлало реку и извергало в нее дымные и смрадные отходы. Все деревья вдоль Приречного Тракта были срублены».

А Сэм чуть погода воскликнул:

«Да это хуже Мордора! Гораздо хуже, коли на то пошло. Говорят: каково в дому, таково и самому, и вот он, наш дом, загаженный и оскверненный, точно память обманула!»

Эти строки были написаны в конце 1940–х годов, и можно легко себе представить, что сказал бы Толкиен сегодня, в начале нового тысячелетия, когда бы увидел, сколько кругом скверны и пошлости.

Толкиен не остался равнодушным и к опустошениям, к которым привело строительство вокруг Оксфорда военных аэродромов и прокладка к ним дорог. Со временем, когда самые сокровенные его мысли обернулись

навязчивыми идеями, он очень сокрушался при виде того, как в одном месте дикий луг рассекла пополам дорога: «Вот и конец последнему оплоту английской земли!» Тогда же он пришел к печальному выводу, что в Англии не осталось ни одного нетронутого леса, ни одного цветущего поля, а если они где и сохранились, то смотреть на все это он не собирался: слишком велик был его страх обмануться. И все же с возрастом, когда денег у него стало больше, Толкиен, вместо того чтобы уединиться в каком-нибудь диком, безлюдном краю (правда, для этого ему пришлось бы покинуть Англию), решил остаться на родине. «В едином мире нет уединения», — писал Ги Дебор. Вопреки себе Толкиен поселился в местечке, «облагороженном» человеческими руками, — пригороде Оксфорда, а позднее перебрался в предместье Борнмута, столь же нелепое, как и Сэйрхол, обросший кирпичными громадами новостроек. Точно так же, вопреки себе, он в 1940-х годах попытался сесть за руль автомобиля.

Карпентер попытался объяснить отношение Толкиена к проблеме осквернения-разрушения мира с метафизической точки зрения:

«Реакция его... возникла из убежденности, что все мы живем в скверном мире... да и мать свою он потерял оттого, что мир оказался немилосердным; старый добрый Сэйрхол и тот разрушили за здорово живешь... и, тем не менее, ко всему происходящему он относился с поистине христианской терпимостью».

Как бы то ни было, нетрадиционные воззрения Толкиена распространялись только на экологию — в том смысле, что он радел о безусловном сохранении не только природной среды, но и прежнего общественного и политического порядка. Иными словами, Толкиен стоял на правых позициях. Причем, судя по его ярко выраженным антидемократическим и антиреспубликанским взглядам, он принадлежал к правым экстремистам. Хотя при всем том человек он был вполне традиционный, не чета тем же Местру⁽¹⁴⁾, Берку⁽¹⁵⁾ и Генону⁽¹⁶⁾, считавшим, что все революционные новшества подлежат уничтожению, потому как, возникая стихийно, они нарушают размеренную эволюцию духовного развития и самый ход времен. Однажды в споре с Льюисом и Дайсоном Толкиен позволил себе заметить, что «наши мифы хоть и иллюзорны, но ведут к истине, тогда как материалистический «прогресс» влечет человечество в пропасть, осененную железной десницей зла».

Сохраняя непоколебимую веру в истинность мифологии, Толкиен выразил суть своей писательской философии в глубинах «Сильмариллиона». Но к этому мы еще вернемся.

Подобное мировоззрение часто ввергало Толкиена в черную

меланхолию, что, конечно же, отражалось на настроении его жены и на дневниковых записях: в глубоком унынии он ощущал собственную никчемность и бренность мира; а поскольку как раз в таком расположении духа он чаще всего брался за перо, дневник хранит самые безрадостные свидетельства его душевного состояния.

К счастью, профессионализм и неподражаемое мастерство рассказчика позволяли Толкиену легко преображать тот же университетский класс в роскошную залу замка, где сам он превращался в барда, а мы — в гостей, внимающих ему за пиршественным столом. Во всяком случае, так казалось его студентам, о чем один из них как-то по окончании университета написал Толкиену:

«Прежде я все никак не решался поделиться с вами незабываемым впечатлением, которое вы произвели на меня, когда читали нам «Беовульфа». Ваш голос был сродни гласу Гэндальфа».

Толкиен и сам переживал жизнь своих легендарных героев: хотя он не очень-то верил, что когда-то по земле действительно бродили эльфы, орки и гномы, зато был убежден, или по крайней мере надеялся, что его истории олицетворяют правду. Об этом он не раз говорил своим студентам:

«Дракон — не досужая химера. Даже сегодня, невзирая на поголовное неверие, найдется человек, который охотно внимает легендам, героическим историям, который не только наслышан о легендарных героях, но и видал таких сам и был пленен их диким очарованием».

Толкиен говорил с упоением сказочника, а поскольку, по словам К.С. Льюиса, ему удавалось добраться до самой потаенной сути языка, то он вполне мог проникнуть и в самое логово дракона.

Толкиен находил и другие источники вдохновения — в тех же закрытых клубах, где встречался с близкими ему по духу друзьями — «Инклингами», продолжая вращаться исключительно в мужском обществе. В связи с этим вспоминаются слова Льюиса:

«А чем в это время занимались дамы? Откуда мне знать? Я мужчина и никогда не интересовался секретами кибел».

Точно так же, если верить его биографу, рассуждал и Толкиен:

«Он прекрасно понимал, что мужская дружба значила для него больше, чем брачные узы, и хотя он усматривал в том одну из причин вырождения мира, в целом ему казалось, что мужчина имеет полное право на свои мужские радости и в случае надобности должен его отстаивать».

Так что главная загадка литературного успеха Толкиена кроется в его стремлении к личной и духовной независимости. Хотя он был не единственным крупным писателем, ведущим самую обычную жизнь за

рамками необычного литературного творчества.

Но хоббиты не прямая аналогия с его личностью. Как-то Толкиен заметил в одном интервью:

«Хоббиты — простые английские селяне, а маленькими я сделал их затем, чтобы показать, что при всей ограниченности воображения в душе они исполнены силы и отваги».

Толкиен хотя и не был демократом (вернее, поскольку он им не был), любил свой маленький народец и писал по этому поводу следующее:

«Я всегда поражался, до чего мы дошли, и все благодаря непоколебимой отваге маленьких людей, лишенных, казалось бы, всяких шансов на успех».

Однако Толкиен вовсе не собирался писать бестселлер для детей:

«Меня не интересует, — говорил он, — ребенок как таковой, ни современный, ни какой бы то ни было другой, и я никогда не пытался найти к нему подходы. Тот, кто стремится быть с ребенком «наравне», ведет себя неправильно, потому что это бессмысленно (если ребенок глуп) или опасно (если имеешь дело с умницей). И все же я, Толкиен, признаю, что написал «Хоббита» под влиянием современных иллюзорных взглядов на детские сказки и на самих детей».

Вот откуда возникает немыслимо, невероятно огромная и притом безусловная значимость «Хоббита», хотя это произведение может не понравиться тем, кто уже успел насладиться изысками долгих строгих притч в «Сильмариллионе».

Но настоящим подвигом для Толкиена было написать «Властелина Колец» — начиная с Кольца Всевластья и маленьких обитателей Хоббитании, которым суждено было целиком завладеть воображением их создателя. В самом деле, Толкиену понадобилось одиннадцать лет, чтобы закончить шедевр, сюжет которого, как и в «Песни о нибелунгах»⁽¹⁷⁾, развивался вокруг волшебного кольца (правда, Толкиен не любил подобных сравнений, да и связанную с Кольцом Саурона интригу он развивает принципиально иначе).

Позднее Толкиен писал своим издателям Аллену и Анвину:

«Произведение вышло у меня из-под контроля, и я сотворил чудовище —бесконечную запутанную историю, довольно печальную, даже ужасную и уж совсем не детскую (возможно, непригодную ни для кого вообще)».

Затем, словно спохватившись, он бодро прибавляет, что «христианин, вкусив из такого рога изобилия, попадает в фантастический мир, становясь соучастником богатого, яркого и многообразного творческого процесса».

Успех пришел нежданно-негаданно. Издательство «Аллен и Анвин»

рассчитывало продать всего лишь несколько тысяч экземпляров книги. Но, несмотря на резкую критику, она молниеносно разошлась в Англии, а затем стала культовой в Соединенных Штатах, где с Хоббитанией, Гэндальфом и Фродо стал ассоциироваться дух свободы. Однажды в Голландии за стилизованным обедом «а-ля хоббит» Толкиен заметил:

«Как я погляжу, у Сарумана немало потомков. У нас, хоббитов, нет волшебного оружия, чтобы защищаться. И все же, достославные мои хоббиты, я предлагаю выпить за здоровье хоббитов. И да переживут они сарумановых отпрысков и да узрят новую весну и деревья в цвету».

В 1965 году был продан миллион экземпляров «Властелина Колец». В Соединенных Штатах появились значки с надписями вроде «Фродо жив!», «Гэндальф жив!» или «Айда в Средиземье!». В Америке, как и в Англии, создавались общества Толкиена, но нашему герою это было не по душе, особенно то, как молодые американцы истолковывали его истории. Ведь некоторые усматривали в курительной травке или грибах старого Бирюка едва ли не призыв к полной разнузданности...

Толкиен не был счастлив в старости: сперва ушел из жизни его верный друг, потом — жена, а сам он видел, как мордорцы неумолимо наступают на последний оплот Переднего края. В Оксфордском университете он высказал несколько колких замечаний по поводу все возрастающей моды на исследовательскую работу: о новых веяниях он отзывался как о «перерождении настоящей увлеченности и любознательности перед натиском «плановой экономики», при которой плоды долгих исканий заворачиваются в более или менее стандартную упаковку, точно формовочные сосиски, одобренные к употреблению в пищу популярной кулинарной книгой».

Пожалуй, только дети и радовали Толкиена на старости лет: один из них, Джон, служил кюре, двое других, Майкл и Кристофер, преподавали в университете, а Присцилла, самая младшая, трудилась в службе надзора за несовершеннолетними правонарушителями. Толкиен продолжал отвечать на письма своих читателей, не испытывая, впрочем, ни малейшей гордости от того, что они сотворили из него кумира. Вместе с тем, ему все никак не удавалось завершить «Сильмариллион»: он столько раз перечитывал и, не щадя себя, переписывал или выбрасывал в корзину написанное, что этому, казалось, не будет конца.

О жизни Толкиена можно в полной мере судить по его письмам, дневникам и интервью (в конце жизни Толкиен мечтал записать и распространять речь эльфов на долгоиграющих грампластинках). Житейские перипетии, войны, изменение облика английской провинции и

традиционной «хоббитовской» природы — все это побудило К.С. Льюиса написать такие вот строки:

«Реальность вдруг стала превращаться в то ужасное, что породила его фантазия».

Решительно отвергая такое понятие, как аллегория, и считая его пустым и условным, Толкиен воссоздал в трех главных своих произведениях историю современного мира, сбившегося с пути истинного.

Глава вторая

Анархист и реакционер

У Толкиена сложилось собственное представление о мироустройстве. И благодаря этому мировоззрению он, автор «Властелина Колец», кажется человеком довольно необычным для своего времени, когда другие писатели, как заметил Пол Джонсон, зачастую стремились во что бы то ни стало оказаться на переднем крае прогресса. Толкиен был человеком Иного мира. Он вполне мог бы сказать про себя словами Христа: «Ego non sum de hoc mundo» — «Я не от сего мира». Как человек он исповедовал традиционные ценности, а как университетский преподаватель — пытался привить своим студентам общественно–политические взгляды другого времени, вернее, даже другого тысячелетия. В этом смысле Толкиен был ярким реакционером, сродни маркизу де Франкери или Жозефу де Местру. Ценности, которые он провозглашал и отстаивал как человек, были, по сути, глубоко консервативными, если не реакционными. То были феодальные, патриархальные ценности западно–христианского средневекового мира.

Между тем, Толкиен совершенно не похож на идеолога–революционера — воинствующего консерватора или реакционера. Он прежде всего человек творческий, с богатым воображением, вдохновленный эпохой Средневековья, — временем иконографического и поэтического возрождения. Средние века, говорил Леон Блуа⁽¹⁸⁾ - это пиршество поэзии. И Толкиен, вещавший на современном английском (впрочем, изрядно приправленном традиционной архаикой), был на этом поэтическом пиру как дома.

Будучи, как истинный англичанин, противником любой идеологии, Толкиен превзошел самого Берка: он решительно отвергал значение Французской революции, вознамерившейся раз и навсегда покончить с прошлым. С другой стороны, он напоминает эдакого анархиста, оправдывающегося за то, что его творчество встретило отклик и в кругах, для которых оно не предназначено априори (главным образом, американских леваков и прочих бунтарей–противозаконников 1960–х годов). Толкиен, в первую очередь, защищает жизненный уклад хоббитов и независимость малой страны (как тут не вспомнить древнюю Гельвецию) с ее маленьким храбрым народом, не желающим пасть ниц перед рыцарями

ночи или борцами за «совершенствование», сплотившимися под железным венцом скверны. Маленький мир хоббитов олицетворяет насмешку над системой, которую клеймили позором всякого рода экстремисты–шестидесятники. Таким вот образом, как ни парадоксально, из Толкиена сделали анархиста и реакционера в одном лице (одного из тех, кого великий немецкий писатель Эрнст Юнгер окрестил «анархами», столь же похожими на анархистов, как монархи — на монархистов), иначе говоря — такого человека, для которого истинная мораль не имеет ничего общего с моралью установленной, а истинная политика — с политикой навязанной.

Оставаясь независимым писателем, Толкиен берег и свою независимость как преподаватель — не случайно лекции его очаровывали студентов, как баллады трувера, возвещавшего воскрешение усопших богов, древних нордических греческих и библейских традиций. И, разумеется, христианских — в общепринятом понимании слова. В этом смысле Толкиен, как и многие другие английские или французские писатели, сродни средневековому бунтарю, искушающему романтические умы великолепием времен минувших. В числе таких писателей — не только Уильям Моррис, Беллок⁽¹⁹⁾ и Честертон⁽²⁰⁾, но и не менее достойный их соотечественник К. С. Льюис, а из французов — Леон Блуа, Вилье де Лиль–Адан⁽²¹⁾ и Бернано⁽²²⁾. Все они одной закваски; в рамках Средневековья — четких и вместе с тем нечетких, размытых, но и ясных, — все они ощущали себя не в своей тарелке.

А вот как представляет нашего героя его биограф: «Толкиен, выражаясь по–современному, был «праваком», поскольку он славил короля и свою родину и не верил в то, что народ может управлять государством; а демократию он не принимал потому, что не видел в ней никакого проку. Однажды он написал:

«Я не «демократ», потому что смирение и равенство, эти чисто духовные понятия, извращаются теми, кто стремится их механизировать и формализовать, но не ради всеобщего смирения, а ради возвеличения повальной гордыни, подобно тому, как орк завладевает Кольцом Всевластия, вследствие чего мы оказываемся у него в рабстве».

Эта цитата любопытна во многих отношениях. Во–первых, в ней усматривается уловка, поскольку Толкиен не подпадает ни под один современный шаблон: он ни правый, ни левый; он вне системы искусственного расслоения общественно–политических воззрений, действующей вот уже два столетия. Строго говоря, Толкиен — ярко выраженный «ультра». Он за монархию в рамках феодального общества. В

то же время, вышеприведенные строки свидетельствуют о платоновских воззрениях Толкиена на демократию. Для него, как и для Платона в VIII книге «Государства», демократия есть не что иное, как движущая сила анархии, опасная тем, что она рискует облегчить приход к власти тирана — «орка». Ведь фашизм и нацизм возросли на демократической почве, сложившейся в первой половине XX века, когда творил Толкиен; кроме того, это было время жесточайшей сталинской тирании, вершившейся именем народа, то есть «демоса».

Нынешняя демократия, разумеется, более прочна, но в чем ее можно упрекнуть, так это в диктатуре рыночной экономики, заклеянной тем же Дебором, и в пресловутой политкорректности, запрещающей любой спор о сути современного общества, переживающего глубокий кризис, который и порождает политических экстремистов вроде толкиеновских орков.

Что же касается добродетелей древнефеодального общества, то вот что по этому поводу однажды сказал Толкиен, выразив свое отношение к чиновничеству:

«Если бы я обнажил голову перед сеньором, быть может, это не доставило бы ему никакой радости, зато я был бы тому очень рад».

Хотя он сказал это в шутку, в словах его прозвучала очевидная дань традиции. Впрочем, ритуально-почтительное отношение к старшим, восходящее ко временам античности, Толкиен пытается внушить нам и через «Властелина Колец». Так, облеченный брэнной властью Арагорн смиренно преклоняет колено перед Гэндальфом, наделенным властью духовной — непреходящей. Поднявшись же с колена, он весь преображается:

«Когда же Арагорн поднялся с колен, все замерли, словно впервые узрели его. Он возвышался как древний нуменорский властитель из тех, что приплыли по Морю; казалось, за плечами его несчетные годы, и все же он был в цвете лет; мудростью сияло его чело, могучи были его целительные длани, и свет снизошел на него свыше»⁽²³⁾.

Толкиен высоко чтит не только монархию, но и религию (хотя кое-кому подобный союз армии и церкви не пришелся бы по душе). Он был христианином, причем христианином-традиционалистом. И его приверженность к христианскому вероучению и католической церкви была безоговорочной. Но это вовсе не означает, что вера служила ему единственным, незаменимым утешением: он избрал для себя строгие правила поведения, сводившиеся, например, к тому, что, прежде чем принять причастие, следует непременно исповедоваться; если же он не был готов к исповеди (а такое случалось нередко), то отказывался от причастия,

что всегда приводило его в уныние.

В последние годы жизни Толкиена постигло глубокое разочарование, и причиной тому послужило очередное нововведение: богослужения стали проводить на так называемом народно-разговорном языке. Толкиен переживал безмерно, слушая литургию на английском, а не на латыни, которую он знал и любил с детства. И в этой связи Карпентер пришел вот к какому выводу:

«Причащение доставляло ему огромную радость и удовлетворение, как ничто другое. Религия значила для него многое, очень многое — она занимала важное место в его жизни».

Карпентер усматривает в ревностном отношении Толкиена к религии причины чисто психологические, однако ему и в голову не приходит, что в основе умонастроений нашего героя кроются причины духовные, поскольку мы его теперь знаем как самого настоящего, закоренелого реакционера. Итак, Карпентер пишет:

«После смерти матери он все видел в черном свете, вернее, начал испытывать самые противоречивые ощущения. Когда не стало матери, он уже не чувствовал себя в безопасности, а его природная жизнерадостность уступила место глубочайшей неуверенности в себе... — вот вам первое противоречие. В дурном расположении духа он терял веру в себя и окружающих».

Не исключено, что причины скрытой меланхолии Толкиена (как тут не вспомнить «Меланхолию» Дюрера⁽²⁴⁾ и подобные сюжеты мастеров Возрождения) крылись как раз в его религиозности.

С другой стороны, однажды, во время круиза по Средиземному морю, Толкиен вдруг понял, что попал в самый центр христианства или, по крайней мере, в истинный храм Христов. Плавая по каналам Венеции, он ощутил, что как будто избавился от «проклятого наваждения» — в образе вездесущего двигателя внутреннего сгорания, — грозящего погубить мир».

Позднее он писал: «Венеция показалась мне ослепительно прекрасной, как настоящая страна эльфов: она словно возникла из грез о древнем Гондоре или Пеларгире, какими увидели их со своих стругов нуменорцы, перед тем как вернуться во мрак».

Францию Толкиен не любил так же сильно, как любил Италию, и этого он ни от кого не скрывал. Как истинный англичанин, Толкиен презирал французов за «вульгарность, невнятную речь, манеру плевать и непристойное поведение», в чем он признавался в одном из писем жене. Недолголюбивал он французов и за то, что они кичливо называли себя детьми Великой революции. Но самой чудной (непостижимой) причиной

его франкофобии, граничившей с яркой ненавистью, было даже не тлетворное влияние французской кухни на англичан, а нормандское нашествие: он переживал эту историю так болезненно, как будто сам был ее невольной жертвой. Как истинный, почитающий традиции англичанин, Толкиен был на стороне саксонцев и Робина Гуда на протяжении всей истории нормандского завоевания, в котором он усматривал одну из главных причин последующего разгула модернизма. Хотя на самом деле, если верить «Книге Страшного суда» — своду материалов всеобщей поземельной переписи в Англии от 1086 года, — английское королевство в те времена процветало. И в этом смысле Толкиен предстает куда большим ретроградом, чем саксонец, кельт или нормандец; нормандец — по тем самым причинам, о которых мы уже говорили, а кельт — постольку, поскольку он никогда не питал интереса ко временам короля Артура и кельтской эпохе вообще, потому считал ее чересчур мрачной.

Критики встретили «Властелина Колец», в общем-то, благожелательно. Они, по-видимому, не обратили внимания на реакционно-пессимистическую, уводящую от современности сущность книги. Больше того: они по-ребячески, как какие-нибудь бойскауты, безоговорочно заняли сторону героев книги. И если по отношению к «Хоббиту» это казалось нормальным, то в данном случае — применительно к главному творению мастера — это было по меньшей мере неуместно.

А вот что, вопреки расхожему мнению, писал в «Обсервере» небезызвестный поэт и критик Эдвин Мьюир⁽²⁵⁾:

«Герои его — те же дети, переодетые во взрослых героев... Хоббиты, этот маленький народ, — обыкновенные мальчишки, похожие на эдаких героев-пятиклассников, которые лихо рассуждают о женщинах, хотя знают о них лишь понаслышке. Даже эльфы, гномы и духи у него похожи на вечных, нестареющих мальчуганов».

Однако, насколько нам известно, женщинам у Толкиена нашлось место не только в жизни (на самом деле общения с ними ему хватало), но и в книгах. Не стоит забывать об Эовин, валькирии, влюбленной в Арагорна, Галадриэли и Арвен из «Властелина Колец» или о богинях — Валие и незабвенной Лучиэни из «Сильмариллиона» и того же «Властелина Колец». Увлечшись охотой за привидениями, Мьюир не преминул упрекнуть Толкиена в упрощенном представлении противоборства добра и зла:

«Мистер Толкиен берется описывать величайшее противостояние добра и зла, от которого зависит жизнь на Земле. Но добряки у него — сами ангелы доброты, а злыдни — неискоренимые злодеи, так что в его

мире даже не осталось места для истинного, трагического воплощения зла — сатаны».

А как же быть с Боромиром, Денэтором или Горлумом, самым таинственным и непостижимым существом в Средиземье?

Другой критик, Питер Грин, отмечал:

«Он лавирует между прерафаэлитским стилем и бойскаутским».

«Прерафаэлитский» — очевидный намек на средневековый стиль произведения, а эпитет «бойскаутский» звучит как серьезный упрек.

Еще один критик, Дж.У. Ламберт, коротко заметил:

«Ни малейших признаков религиозности, как и женского начала, с точки зрения нравственности».

Впрочем, о женщинах мы уже говорили, хотя обвинение Толкиена в женоненавистничестве не лишено оснований. Но какая классическая приключенческая история в этом смысле не без греха? К тому же приключенческая литература, по сути, рассчитана на мальчишек — тех же бойскаутов. А ведь книги Толкиена — не любовные романы, и если уж он берется за любовную историю, как в «Сильмариллионе», то обычно вплетает ее в канву трагического повествования, будь то история любви Мелиан и Тингола, Берена и Лучиэни или Туора и Идрили. Любовные союзы у Толкиена смешанные: они объединяют эльфов с майар (в лице Мелиан), или людьми. Любовь порой решает судьбы целых народов, и тут уж ее никак не сбросишь со счетов. Однако куда более странно то, что Толкиена упрекали в безбожии. С одной стороны, о христианском благословении и впрямь не упоминается ни на одной из тысячи с лишним страниц «Властелина Колец». Но ценности, которые Толкиен отстаивает в главной своей книге, иначе как христианскими не назовешь (тем более что, как мы видим, герои его, подобно средневековым рыцарям, доблестно защищают свои рубежи от вторжения чужеземной скверны), хотя он нигде и ни одним словом не упоминает о храме Господнем или каком-либо ином культовом месте. Гэндальф — чародей, а не пастырь. Он олицетворяет тайную суть духовности, которой уготовано вступить в противоборство с темными силами, поскольку они есть суть мрака. У Толкиена ни один герой не творит крестное знамение и не поминает ни Господа, ни святых, и это удивляет больше, чем Жюль Верн, поскольку мы ощущаем себя в подлинной атмосфере Средневековья. А между тем Толкиен то и дело взывает к смирению, хотя вовсе не ставит себе целью написать нечто вроде катехизиса. Так что этот упрек допустим лишь в той мере, в какой «Сильмариллион» можно причислить к легендам, пронизанным языческо-мифологическим духом. Но Толкиен сам опровергает этот упрек, заявляя,

что благодаря приверженности к христианской культуре истинный христианин постигает чудо естественным — или — сверхъестественным — путем. Упоминания о религиозной жизни редко встречаются и в средневековых рыцарских романах: валлиец Персиваль отправляется странствовать, даже не представляя себе, что пути–дороги в конце концов приведут его к храму Господню...

Но куда более восхитительно и вместе с тем категорично высказывался К.С. Льюис:

«Эта книга — как вспышка молнии на безоблачном небе. Сказать, что описанное в ней ослепительно яркое героическое приключение увидело свет в эпоху, напрочь лишенную романтизма, значит не сказать ничего. Для нас, живущих в эту странную эпоху, обращение к прошлому, безусловно, очень важно. Однако применительно к истории романистики, восходящей к «Одиссее» и еще дальше в глубь времен, это обращение даже не к прошлому, а к будущему, и революционность ее в том, что она зовет к открытию и освоению новых земель».

Льюис, как видно, точно понял подрывной смысл книги, написанной для меньшинства, каковое составляют последние бойскауты, бунтари и дон–кихоты, отверженные эпохой великой потребительской революции.

В своей книге «Четыре любви» К.С. Льюис пишет о своей дружбе с Толкиеном и рассматривает понятие мужской дружбы вообще. Он рассказывает о том, как товарищество у него с Толкиеном переросло в дружбу, когда у них обнаружили общие интересы, и как без малейшей взаимной ревности они сходились в дружбе с другими, и что такая дружба бывает только между мужчинами, и какая это радость оказаться вместе с друзьями у одного очага, после того как целый день проведешь в дороге... Вот именно: долгие годы дружбы, долгие прогулки и дружеские сборища вечерами по четвергам у Льюиса. Таков был дух времени: нечто похожее на подобное товарищество можно найти и в рассказах Честертона, поскольку многие мужчины того поколения чувствовали одинаково, даже если того и не осознавали. В некотором смысле к этому привела Первая мировая война, когда столько друзей потеряли друг друга, что оставшиеся в живых ощутили сильнейшую потребность объединиться. Это было поразительно, неизбежно и вполне естественно. Хотя такая дружба не имела ничего общего с гомосексуальными отношениями, она напрочь исключала женское присутствие. В этом—то и заключалась величайшая тайна жизни Толкиена, и мы никогда не поймем его самого, если не попытаемся разгадать эту тайну. К тому же, если мы сами не познали такой дружбы, нам ее никогда не понять. Но если и этого будет недостаточно, что ж, придется искать

разгадку во «Властелине Колец». Проблема гомосексуализма в британском обществе не заслуживает того, чтобы о ней здесь вспоминать. В действительности речь идет не о чем ином, как о «командном», чисто скаутском духе, который был так дорог Киплингу. Толкиен считал себя защитником древней британской традиции. Как во всяком традиционном обществе, британцы четко делят мир на мужчин и женщин, хотя Лучиэни с Эовин удалось воссоединить его благодаря своим ратным подвигам.

В связи с этим было бы вполне уместно сослаться на Честертона. Гилберт Кит Честертон принадлежит к тому поколению англо-американских писателей, которое, подобно Т.С. Элиоту, К.С. Льюису и Толкиену, воспитывалось в духе неприятия общественной модели, утвердившейся после победы промышленной революции, потрясшей не только Англию, но и всю Европу.

Для Честертона гарантия подлинности статуса королевства с точки зрения бытия значит куда больше, нежели имперское могущество, потому-то он и упрекал Киплинга в имперских замашках, нисколько не считая его при этом патриотом. Точно так же и Толкиен, как истый католик, защищал чисто «британский» жизненный уклад хоббитов, подвергавшихся имперским нападкам зловещего Саурана Мордорского. Не менее решительно осуждал Честертон в «Шаре и кресте», а также в других своих произведениях, «демоническое» влияние современной науки и современный тоталитаризм — советский и нацистский. Таким образом, Честертон, как и его друг Хилари Беллок, француз по происхождению, отстаивал и восхвалял классическую, даже средневековую модель Британии. Будучи страной свободной, не изнуренной войнами, сохранившей традиционную социальную и духовную организацию, Британия представляла собой своеобразный островок всемирного консерватизма, надежно защищенный от губительных веяний современности... И английский парадокс заключается, несомненно, в противоречии между традиционными формами жизненного уклада и тем фактом, что весь современный мир ведет начало от англосаксов, сделавших свой исторический выбор сообразно со своими идеалами... Даже Ленин, в конце концов, признавал в статье «Государство и революция», что англосаксонские страны, поносимые сегодня почем зря во французской печати, были оазисом свободы в сравнении с другими крупными европейскими державами. Честертон, написавший книгу о заслугах Соединенного королевства и Соединенных Штатов в деле сохранения традиционной общественной модели, ссылается на нее и в «Летучем трактире», где упивающаяся пивом вольная кельтская Англия

противопоставляется исламской диктатуре, вознамерившейся запретить всякое потребление спиртного в мусульманском мире... А в «Возвращении Дон-Кихота» Честертон идет еще дальше. Он ратует за возвращение к средневековым идеалам — чести, вере и отваге, негодуя оттого, что если прежде золотыми буквами писали имя Господа, то сегодня — само слово «золото»... И все потому, объясняет он, что взрослые, точно дети малые, дерутся за идеалы, которые им уготованы на небесах.

В романе «Наполеон из Ноттингхилла» Честертон описывает, как один лондонский квартал решает образовать свое собственное феодальное государство и отделиться от империи. Здесь Честертон показывает, что такое «муниципальный патриотизм», который для Токвиля⁽²⁶⁾ из «Старого режима и революции» служил одним из столпов западного средневекового общества.

В работе «Ортодоксальность» Честертон развивает свои представления о парадоксальном христианстве. Хотя, поясняет он, христианство обвиняют в организации крестовых походов, женоненавистничестве и стремлении к роскоши, тогда как оно покровительствует всем, кто его исповедует, допускает присутствие женщин в храмах и защищает обездоленных, это вовсе не значит, что христианская вера несправедлива.

В 1935 году в своей книге «Логика и чудотворцы», посвященной современным английским писателям, Андре Моруа⁽²⁷⁾ писал:

«Честертон — демократ. Он превозносит обывателя, того самого, который днем ухаживает за своим садом, а вечера коротает в пивной. К тому же, думается мне, Честертон недолюбливает технарей... Откровенно говоря, открытие новых земель делает мир маленьким. Мир стал меньше благодаря телеграфу и пароходам; только под микроскопом он видится огромным».

Дальше Моруа не без оснований замечает:

«Честертон защищает от всего экзотического маленькую деревушку и городок, имеющие явные преимущества перед современным государством, что не заметит разве только слепец. Человек, живущий в малом сообществе, возвращается в куда более широком мире; он лучше понимает враждебность и непримиримые разногласия, во всех их проявлениях, разделяющие род человеческий. Людей мы по-настоящему узнаем в своей семье и на нашей улице».

Подобные высказывания вполне можно отнести к хоббитам и прочим сообществам, созданным Толкиеном. По поводу же иррационального

Честертон писал, что «если люди перестали верить в Бога, это не значит, что они вообще ни во что не верят, а вместе с тем это означает, что они верят во все...»

То же самое с эльфами и гномами. Моруа подытоживает мысль Честертона так:

«Отрицая тайну, вы обрекаете себя на страдания. Простой человек не страдает потому, что верит в тайны. Он постоянно беспокоен тем, что есть правда, а что нет, и где в этом логика... В легенду он верит больше, чем в исторический роман. Легенда обыкновенно создается большинством деревенских жителей, людей здоровых. А роман обычно пишет один человек, причем, как правило, одержимый... Традиция — это демократия мертвых».

Честертон объясняет, почему десятки миллионов читателей узнают в героях Толкиена самих себя: причина этого — жажда чего-то поэтического, сокровенного, волшебного, героического и величественного, как это понимал К.С. Льюис и как это еще до Толкиена представлял себе Киплинг. О том же пишет в своей книге и Андре Моруа:

«Герои, подавляя в себе лень, желание, страх, гордыню и влечение или, по крайней мере, умаляя эти страсти, приходят в смятение, которое, если герои не очнутся, передается всему обществу, отчего оно становится бессильным».

Что же касается многобожия, Моруа поясняет:

«Киплинг поминает богов на каждом шагу, как и Гомер... их мир буквально кишит богами. Они неизменно витают среди людей».

Приводя все эти рассуждения, я вовсе не хочу сказать, что Толкиен соединил в своем лице Честертон и Киплинга. Просто я пытаюсь показать, что он был одним из достойнейших представителей «чудотворцев», которыми восхищался Моруа...

В заключение приведем другие восторженные слова Моруа, которые также помогают понять, почему столько читателей узнавали самих себя в книгах нашего героя-анархиста и реакционера:

«В своих сокровенных мыслях и снах мы такие же древние, как наши праотцы. В нас вмещаются одна за другой все религии человечества. Леса для нас остаются священными чащами, города — императорскими святилищами. Подобно зародышу, проходящему все этапы развития биологического вида, дитя человеческое в детстве, отрочестве и юности верит в чудеса точно так же, как и его далекие предки. И все мы пережили тот этап, когда волшебное кажется настоящим. В определенный момент жизни все мы, подобно древним египтянам, обожали животных... Потому—

то всякое воспоминание о юности человечества трогает нас до глубины души».

Что же касается Толкиена, он неизменно прославлял «*In illo tempore*», когда мир был юн, а потом состарился. И его невероятный успех заключается как раз в том, что он лучше, чем кто бы то ни было, сумел в нужный момент обратить ностальгию по исконному в модную реальность. Ужасающее наступление технического прогресса, безответственное наращивание силы и потребительская гонка привели к тому, что миллионы людей потерялись в этом мире, забыв о своем истинном предназначении. И тут на выручку заблудшим приходит благородный англичанин, по роду занятий имеющий прямое отношение к прошлому, и начинает растолковывать им, каким было это самое прошлое и почему оно бесценно.

Глава третья

Германские корни в творчестве Толкиена

Мир Толкиена изобилует всевозможными заимствованиями. Это вовсе не удивительно, тем более если учесть, что «Мастер» обладал поистине энциклопедическими знаниями, в том числе в области языкознания. Но чтобы понять, откуда берет начало его мир и где корни его творчества, необходимо обратиться прежде всего к германским источникам. Для этого мы с вами воспользуемся своеобразным путеводителем — небезызвестной книгой Режи Буайе «Верования народов Северной Европы», опубликованной в 1970-х годах. Эти верования и лежат в основе мироздания Толкиена, в чем мы и убедимся. Впрочем, о том же говорил и сам Толкиен в 1941 году, когда, по воспоминаниям его биографа, он глубоко переживал, что началась война, которой суждено продлиться так долго:

«Англичанам, похоже, невдомек, что нашим врагам, немцам, присущи истонные добродетели (именно добродетели) — смирение и патриотизм, причем куда более ярко выраженные, нежели у нас самих. Лично я ненавижу жалкого, ничтожного Адольфа Гитлера, развязавшего эту войну, ибо он погубил, извратил и опорочил навеки благородный нордический дух и идеалы, исповедовавшиеся в лучшей европейской стране, которую я так любил и старался представить в самом выгодном свете».

В ссылке на «благородный нордический дух» явно ощущается влияние саг и северной мифологии, сказок братьев Гримм, «Песни о Нибелунгах» — словом, всей совокупности германо-скандинавских культурологическо-традиционных ценностей, восхищавших и вдохновлявших Толкиена, тем более что ничего подобного он не мог найти даже у тех же французов, за что и недолго любил их как нацию. Эти самые ценности и были теми идеалами, которые отстаивали хоббиты и другие члены Братства Кольца: степенность, взыскательность, честь, верность, здравомыслие, трудолюбие и работоспособность. И все эти ценности, по ясному разумению Толкиена, были уничтожены Гитлером: он использовал их как щит в крестовом походе за идею магического социализма для безумцев. Гитлер будто нарочно вознамерился растоптать идеалы и символы, которые и до него осквернялись веками, если не тысячелетиями, и, в конце концов, оказались утерянными навсегда.

После Гитлера, после его бесславного поражения, стоившего жизни шестидесяти миллионам европейцев, чувства патриотизма, долга и чести

обрели совсем иной смысл — отрицательный. И всякий, кто тщился возродить германистические идеалы в их истинном блеске, был обречен на неудачу, например, до войны, когда за лоском пышных средневековых шествий и атлетических парадов, в частности во время Берлинской олимпиады, скрывались ужасы концлагерей и «Хрустальных ночей». Поэтому всякий традиционалист признателен Толкиену за то, что он сумел возродить и возвысить истинные идеалы, поруганные самым одержимым из немцев. Толкиен предпринял свой крестовый поход — литературный во славу возрождения тысячелетнего наследия, едва не уничтоженного Гитлером и не сгоревшего в горниле Второй мировой войны; и вот оно обрело былое величие благодаря Господу и вере самих англичан. Но парадокс в том, что Толкиен и его верноподданные герои-реакционеры стали кумирами для читателей, родившихся в «упадническую» — потребительскую эпоху, не признававшую никаких авторитетов. Впрочем, такое случается не впервые — когда тлетворные идеалы соединяются с идеалами традиционными, вследствие чего ценность и значимость последних только возрастает.

Что касается войны против Саурона, живого воплощения злого духа, так похожего на Локи из скандинавских легенд, Толкиен однажды написал строки, навевающие мысли о борьбе Англии против Германии, борьбе, в общем-то, тщетной, потому что она привела к разрушению Европы и ее зависимости от двух экстраевропейских сверхдержав — Соединенных Штатов и Советского Союза:

«Война не закончилась (вернее, закончилась частично, хотя она практически нами проиграна). Думать иначе — явное заблуждение, потому что войны всегда оборачиваются поражением, к тому же они никогда не прекращаются, и малодушие тут ничего не значит».

Заключенные в скобки слова о войне, нареченной кем-то крестовым походом за демократию и практически проигранной, по мнению Хамфри Карпентера, означают, что Толкиен ставил себя выше схватки и не воспринимал Германию как прародину зла. Не Германия потерпела поражение, а мы с вами — европейцы-северяне-традиционалисты. Давайте хорошенько запомним приведенные выше слова Толкиена, прежде чем перейдем к северной мифологии, служившей ему неисчерпаемым источником вдохновения.

Итак, согласно северной мифологии в начале всех начал царит бесконечная пустота. Иначе говоря, в самом начале мир предстает в виде разверзшейся бездны — Гинуннгагап. И в этой бездне вершится извечная борьба льда и огня. А у Толкиена Вала Мелкор, восставший против Творца

Эру, или Илуватара, играет со льдом и огнем. На севере лежит Нифльхейм, мир туманов и стужи, а на юге — Муспелльсхейм, мир света и огня. Боги сотворяют мир, начиная с подземного мира, полного геотермических парадоксов. Из ресниц великана Имира боги воздвигают стены и обносят ими землю — плоть Имира. Стены эти стали так называемым Мидгардом, что буквально означает «огражденная середина» и напоминает толкиеновское Средиземье и, в то же время, Валинор, жилище богов. Затем великаны возводят крепость богов Асгард. Надо отметить, что все боги из скандинавских сказаний смуглы, как и отрицательные герои Толкиена, — орки, или пришельцы с Востока.

Между тем сотворение мира продолжается: рождается луна — в виде мальчика по имени Мани. Солнце возникает в образе девочки по имени Соль. У эльфов Толкиена солнце тоже женского рода, а луна — мужского. Ветер в скандинавской мифологии предстает крылатым существом по имени Хресвелг — «Пожиратель мертвецов». Он напоминает нам зловещих назгулов из «Властелина Колец».

У Толкиена существует девять колец, а в скандинавской мифологии — девять миров. Мир света, мир тумана, мир великанов, мир асов и мир ванов, мир эльфов (Альвхейм), мир троллей, мир гномов и, наконец, мир людей. Самые таинственные из перечисленных существ — эльфы, или светлые альвы; они и у Толкиена играют далеко не последнюю роль. Иногда эльфы называются духами света, в отличие от гномов — духов тьмы. Будучи воздушными, легкими и светящимися, эльфы редко показываются на глаза людям и всякий раз стараются спрятаться — как у Толкиена. Чаще всего незримые, неосязаемые, обычно безмолвные, они окружены легендами и тайнами. Сила их непостижима, а власть крепка и основательна. Про гномов, или темных альвов, известно больше. Живут они под землей, в пещерах, и только и делают, что перебирают да пересчитывают свои сокровища. Толкиен упоминает про них в «Хоббите»: он восхваляет гномов, хранителей подземных сокровищ, равно как и царя их Балина. Первородные гномы, как и у Толкиена, работающие и сноровисты; Толкиен наделил их недюжинной силой и стойкостью, так что «им всякая ноша по плечу». Гномы могут перерождаться, превращаясь в злодеев, однако живут они вдали от мира людей и предпочитают с ними не встречаться.

В скандинавских верованиях, как и в мире Толкиена, существует священное дерево — знаменитый Иггдрасиль, ясень (или тис, в зависимости от традиции), соединяющий корнями разные миры. Под корнями его сокрыты три источника, и один из них, источник Мимира, дает разум и

мудрость всякому, кто изопьет из него. А у Толкиена, по аналогии, есть два волшебных дерева — Тельперин и Лаурелин. Единство дерева и источника типично для мировой классической литературы: то и другое образуют «Дивное Место», священное, защищенное и благодатное. Иггдрасиль, по выражению Мирчи Элиаде, есть древо жизни и, вместе с тем, ось мира. В отличие от двух деревьев Толкиена, загубленных Мелкором, Иггдрасиль стерегут и орошают три норны.

Из скандинавской мифологии известно также о соперничестве между ванами (богами плодородия и хранителями богатств) и асами — между богами первого и второго поколений, хранителями высшей светской и высшей духовной власти. В результате противоборства верх одерживают асы. Впрочем, для нас с вами в этой истории интересна не столько победа асов, сколько их борьба. Дабы подорвать высокие нравственные устои асов и вызвать в них алчность и зависть, ваны засылают к ним злую колдунью Гульвейг, что значит «сила золота». С ее помощью ваны надеются искушить и развратить асов. Подобная аналогия об отказе от накопленных богатств прослеживается, в частности, в «Сильмариллионе», а также во «Властелине Колец». Феанор души не чает в своих Сильмариллах; не может расстаться, по выражению из «Бхагавад-гиты»⁽²⁸⁾, с плодами своих деяний (сокровенным градом Гондолином) Тургон; Бильбо с Фродо и в большей степени Горлум оказываются во власти пагубных чар Кольца. Таким образом, чары ванов переносятся в мир Толкиена.

Верховным богом в скандинавской мифологии по праву считается Один, сопровождаемый везде и всюду парой воронов (эти же птицы играют не последнюю роль и во «Властелине Колец»). Одину известен тайный смысл рун (у Толкиена их сочиняет менестрель Тингола Даэрон). Он облачен в плащ-невидимку, которым укрывается и Лучиэль, когда ей надо скрыться от Саурона и Моргота. Один разъезжает на восьминогом коне Слейпнире, на которогсмюхож Светозар, конь Гэндальфа (кстати говоря, имя Гандальв носил один из гномов в «Эддах»). Кроме того, у Одина имеется золотое кольцо Драупнир. Оно символизирует плодородие земли и мудрость разума. Драупнир служит залогом изысканности ума и процветания земли. Восседаая на поднебесном троне, Один взирает на мир одним-единственным глазом. У Толкиена он предстает в облике Илутара, повелевающего всем и вся, и злого колдуна Саурона с его одним, но всевидящим оком.

Один имеет трех жен — столько же, сколько ликов у Земли, и первая из них — Фригг. Она олицетворяет величие, грозную силу и плодородие земли, возделываемой людьми. У Толкиена образ Фригг воплощен в

Йаванне:

«Она — та, что приносит плоды. Она любит все, что произрастает на земле, и облекает все растущее в бесчисленные формы — от высоких деревьев... до мхов... это статная женщина в зеленом... Эльдар величают ее Кементари — Королевой Земли».

Сильнейший из богов — Тор, никогда не разлучающийся со своим молотом Мьёлльниром. В «Сильмариллионе» Тор представлен в облике Тулкаса, которому предначертано сражаться, нередко безуспешно, со злодеем Мелкором. Другой прославленный бог зовется Бальдром. Он считается богом судьбы и юности, и женат он на смертной по имени Наина. А в пантеоне Толкиена майа Мелиан выходит замуж за эльфа Тингола. Бог Хеймдалль, по прозванию Светлейший из асов, напоминает толкиеновского Ульмо. Это бог-мореход, возникший из морской пучины. Он покровительствует знаниям и бодрствует днем и ночью, не ведая ни сна, ни покоя.

Самый же причудливый из богов в скандинавском пантеоне — конечно же, Локи. Он большой озорник и злопыхатель, повинный в крушении мира. У Толкиена он представлен под именем Мелкор, или Моргот, и, по словам Феанора, считается злейшим врагом мира. Локи, ко всему прочему, коварный искуситель, то и дело строящий козни другим асам, притом совершенно безнаказанно. И все потому, что он, как и Мелкор, наделен непостижимой злой силой, делающей его неуязвимым. В мире «Сильмариллиона» невозможно противостоять коварным силам зла, приближающим сумерки и гибель мира.

Главный чертог Асгарда — Вальхалла, где Один встречает павших в бою воинов. Впрочем, о ней известно много, и повторяться здесь мы не станем. Зато у Толкиена ничего подобного нет. Однако у него есть диковинный лес Дориат, где все листья на деревьях блещут золотом, и этот лес сродни райским кущам «Сильмариллиона» и волшебным Лориэнским чащам.

Кодексом воинской чести ведает валькирия Сигдрива — она дает воинам одиннадцать заветов, один из которых требует не нарушать клятв. В противном случае «клятвопреступник обречен на неимоверные страдания». Теперь понятно, почему сыновья Феанора были не в силах нарушить клятву, данную отцу, хотя тот их обездолил и ускорил гибель нолдор, восставших против Валар. Напомним в связи с этим, что Феанор попрекает Валар родством с Мелкором — родством наподобие того, что связывало Локи с асами. Силы зла и силы добра рождаются из единого источника.

Скандинавские боги, кроме того, пьют волшебный на-) питок — мед

поэзии, подобный чудесному напитку онтов из Фангорна. Этот напиток замешан на крови древнего бога–посланца Квасира, убитого вероломными гномами, и меде священных пчел.

Боги могут превращаться в кого угодно. У Толкиена Валар сохраняют форму ради формы, если можно так выразиться. Но Мелкор набирает рост и вес, а Саурон преобразуется по собственному желанию. В «Хоббите» Беорн по желанию может превращаться в медведя. Один в скандинавской мифологии предстает то червем, то орлом, напоминая таким образом, Гваихира, который возносит Гэндальфа в поднебесье. Один сталкивается с великаном, тоже умеющим превращаться в хищную птицу. У Толкиена хищные птицы играют не менее важную роль, чем в скандинавской традиции. Однако судьба тяжким бременем легла на скандинавских богов, как, впрочем, и на обитателей Средиземья. Надо сказать, что у Толкиена Валар искони были недосягаемы для Злого Рока, тогда как на скандинавских богах то и дело отыгрывался злопыхатель Локи. Вызванные им сумерки определяют гибель богов, а у Толкиена Валар укрываются в своем Валинорском убежище, недосягаемом для небожественных существ.

В скандинавской традиции гибель богам предвещает вырвавшийся на волю волк Фенрир. Боги посадили это гигантское чудище на цепь; одному из них — Тюру оно успело откусить руку (у Толкиена такая же судьба постигла Берена, получившего поэтому прозвище Однорукий). Волк день ото дня становился все больше; разрастались у него клыки и когти. Фенрир был сыном Локи и колдуньи–великанши Ангрбоды. В «Сильмариллионе» он представлен сразу в виде двух чудовищ — Кархарота и Драуглуина, выкормышей Мелкора и Саурана; сразить обоих чудовищ удастся только гончому псу Хуану Валинорскому, который, в конце концов, погибает.

Боги знали, что Фенриру уготовано погубить их. У Фенрира есть сестра по имени Хель — чудовищная великанша. Боги низвергают ее в Нифльхейм, мир туманов, и она становится хозяйкой царства мертвых, подобного Мордору или Утumno. Царство Хель обнесено стеной Эльвиднир. Чтобы попасть в Хельхейм, нужно перебраться через студеные реки, глубокие овраги и пропасти. Хель — хранительница мертвых, а ворота в ее царство сторожит громадный пес Гарм, дикий и хищный, с окровавленной грудью, прикованный тяжелой цепью. От имени Хель, кстати, происходит английское слово Hell, что значит ад.

Был у Локи и колдуньи Ангрбоды еще один отпрыск гигантский змей Ёрмунганд, известный также под прозвищем «Змей Мидгарда». Ёрмунганд и впрямь огромен: он опоясывает землю своим телом, таясь на дне

мирового океана. И как тут не вспомнить драконов Толкиена, к примеру, Смауга из «Хоббита» или Глаурунга из «Сильмариллиона»... Можно упомянуть и дракона Анкалагона, которого одолел Эарендил. Однако следует отметить, что Толкиен, обожавший море, никогда не населял его воды безобразными существами. Как и Бодлер, он считал, что свободный человек всегда будет любить море, где простирается царство Ульмо, друга эльфов и людей.

Итак, сумерки на богов наслал Локи. Поначалу «сны» бога Бальдра, по прозванию Светлый, испугали остальных богов. А в своих снах Бальдр видел, как ему грозит смертельная опасность. Дабы узнать судьбу Бальдра, Один расспрашивает вёльву, одну из провидиц из царства Хель. И та рассказывает ему, что Бальдр умрет от руки одного из своих братьев, слепого бога Хёда, — тот ненароком убьет его прутом из омелы, единственного растения, против которого не был заговорен Бальдр. Но главным виновником его смерти боги признали Локи и обрушили на него свой гнев, в точности как Валар ополчились против Моргота во время войны Великого Гнева. Валар, напомним, сковали Моргота двойной цепью, как асы — Фенрира.

Сумерки богов ознаменовались началом страшной «великанской зимы» Фимбульветер. Но природный хаос был лишь прелюдией к куда более тяжким напастям, как и у Толкиена. Вспомним хотя бы Карадрасские снегопады, громы и молнии, кроившие небо над Мордором. Фимбульветер продолжалась долго — несколько лет кряду — и сопровождалась жестокими бурями, снегопадами и градом. Под стать стихии вели себя и люди: они ополчились друг против друга, отец пошел на сына, брат на брата. Тем временем волк Сколь проглотил Солнце, а другой волк, Хати, — Луну. На землю пришли тьма и стужа. Волк Фенрир сорвался с цепи Глейпнир, на которой он до того сидел на острове Лингви. С разверзшейся клыкастой пастью помчался он по земле, опустошая ее на ходу на пару с мировым змеем Ёрмунгандом, другим сыном злого Локи.

То же самое и в «Сильмариллионе»: Мелкор захватывает осажденный Ангбанд, воспользовавшись разгулом стихии. Мировая битва разгорается под покровом Сумерек богов, и богу Тору, как и Берену в «Сильмариллионе», грудь разрывает волк. В конце концов, Фенрир пожирает Одина, а Хеймдалль и Локи убивают друг друга. В живых больше не остается ни одного бога.

Сумерки богов знаменуют начало эры людей: подобно толкиеновским эльфам и Валар, скандинавские боги уступают место людям, разделившись на три касты, — во главе со светлокожим военачальником

Йарлом, напоминающим хоббита–беляка, вольным землепашцем Карлом и смуглым невольником Троллом (пришельцем с востока у Толкиена).

Толкиен, создавая свой мир, многое заимствовал из упомянутых выше скандинавских легенд. Впрочем, пользовался он, разумеется, и другими источниками. При чтении «Сильмариллиона», к примеру, обнаруживается сходство с библейским Бытием, хотя бы в стиле — довольно высокопарном и возвышенном. Сонм ангелов из христианской традиции предстает у Толкиена в образах Валар, будто хором исполняющих пролог к великой вагнеровской опере. Схватка их с Мелкором, неистовым, демоноподобным Валой, очень напоминает мятеж Люцифера против Господа. Можно было бы сослаться и на другие мифологии, например греко–римскую, чтобы истолковать и понять ту или иную страницу у Толкиена. Однако чаще всего у него встречается слово «Доом» — «Рок», синоним судьбы и всемогущего бога у тех же скандинавских народов, о чем напоминает нам и Режи Буайе: «У верховного бога тысячи имен, но зовется он судьбой». Судьбой предопределена и трагическая участь Феанора, его сыновей и нолдор, и это лишний раз подтверждает, что Ананке⁽²⁹⁾ столь же всевластна в толкиеновском мире, как и в мире древнегреческих богов. Это своего рода языческий Рок, однако ж он довольно органично вплетается и в христианскую логику, определяющую падение Адама — падение, последствия которого ощущаются всегда, особенно в конце какого–либо периода времени. И в этом случае древнескандинавский Рагнарёк⁽³⁰⁾ вполне соответствует индуистской Калиюге⁽³¹⁾, железному веку у древних греков и ожиданию Мессии перед концом света, согласно ветхозаветной традиции.

Часть вторая

ОБЩЕСТВА

Глава первая

Маленький народ хоббиты

Толкиен был влюблен в рослых светловолосых воителей, всемогущих чародеев и статных сероглазых дев. Но всемирную славу он снискал себе, создав хоббитов, босоногих получеловечков со ступнями, поросшими густой шерсткой, — «невысокликков», одевающихся во все пестрое (преимущественно желтое или зеленое) и умело скрывающихся от человеческого глаза. Толкиен и себя самого считал хоббитом:

«В сущности, я тот же хоббит — во всем, кроме разве что роста. Люблю сады, деревья и земные плоды, взращенные вручную; курю трубку и предпочитаю добрую, простую (немороженую) еду... обожаю грибы (собранные в лесу или в поле); чувство юмора у меня самое что ни на есть незатейливое; ложусь я поздно и поздно встаю. К тому же, я закоренелый домосед».

Таким образом, из слов самого Толкиена следует, что хоббит — существо простое, притом настолько, что ему нет надобности ни слишком высоко расти, ни строить дома. Ютятся хоббиты, как выясняется из первой же строчки повести «Хоббит», в норах; грамоте не все из них обучены, зато они знают толк в стряпне и огородничестве и в случае чего вполне могут за себя постоять.

Успех детской книги зависит от того, насколько полно она позволяет ребенку отождествлять себя с главными героями. В случае с толкиеновскими получеловечками подобное отождествление происходит сразу, без предварительного посвящения в историю описываемого приключения. Хоббиты такие же маленькие, как дети, то есть одного с ними роста. Живут они в норках, то есть в потайных местечках, где любят прятаться ребятишки, когда играют в прятки. Они отходчивы, как дети. Хоббиты схожи с детьми и во многом другом. Двадцатидевятилетний Пиппин во «Властелине Колец», проникшись симпатией к Бергилу, малышу из Минас-Тирита, играет с ним в разные игры. Мир хоббитов, будто осененный девизом «Small is beautiful»⁽³²⁾, модным в эпоху так называемых «кампусов», студенческих городков, центров контркультуры⁽³³⁾ 1960-х годов, — точно такой же маленький замкнутый мирок, простой и безмятежный. Мирок, не знающий ни потрясений, ни законов экономического и технологического соперничества. А вот что сам Толкиен

говорил об этом маленьком рае — рае республиканском, похожем на тот, о котором писал еще Руссо: «...привычно довольные своим, на чужое они не зарились — так что земли, фермы, мастерские и заведения хозяев не меняли, а мирно переходили по наследству».

Это застывшее в своем развитии общество служило Толкиену своеобразной идеальной моделью, благо корнями оно уходило глубоко в монархическую историю:

«От стародавнего князя они вели все свои законы и порядки и блюли их истово и по доброй воле, потому что законы — они и есть самые правильные Правила, и древние, и справедливые».

Единственной властью в Хоббитании обладал городской голова — его переизбирали раз в семь лет во время летнего солнцестояния, и он «обязан был главным образом возглавлять большие пиршества по случаю хоббитанских праздников».

Отсутствие правительственного и чиновничье-бюрократического аппаратов разительно отличает этот уклад от любой государственно-политической системы наших дней, равно как и от лихолетья, наставшего в Хоббитании в результате вторжения полчища злодеев Сарумана. Сочетание так называемой «*aurea mediocritas*»⁽³⁴⁾ и святой простоты в государственном устройстве Хоббитании вполне соответствует мечте о первозданном мире.

Так что это самый обыкновенный детский мирок, тихий и спокойный, если не считать финала «Властелина Колец».

В то же время хоббиты предпочитают мелкобуржуазный уют на английский манер. Ведь большей частью они принадлежат к среднему сословию (даже рост у них средний...), довольствующемуся простыми радостями жизни. Впрочем, благоустроенность английских жилищ уже стала притчей во языцех, и говорить об этом лишний раз не имеет смысла. Другое дело — мир хоббитов: они так любят и ценят домашний уют, что редко жертвуют им ради странствий в неведомые края. И тут, конечно же, вспоминается традиционная, или средневековая Англия, как у Чосера⁽³⁵⁾ или Честертона, — Англия, еще не знающая ни внутренних границ на общинных землях, ни смрадных поветрий индустриальной революции, ни дымного тумана — смога (не случайно Смаугом зовется один из драконов, с которыми сражаются хоббиты). Уместно вспомнить, что хоббиты относились с недоверием ко всякого рода техническим новшествам. Да и вообще, тема технофобии — а к ней мы еще вернемся — проходит красной нитью через все творчество Толкиена, и по большому счету благодаря ей он

и пользовался таким успехом у студенчества 1960–х, испытывавшего нескрываемое отвращение к потребительскому обществу. Уже в самом начале «Властелина Колец» Толкиен уточняет:

«Хоббиты — неприметный, но очень древний народец... они любят тишину и покой, тучную пашню и цветущие луга... Умелые и сноровистые, хоббиты, однако, терпеть не могли — не могут и поныне — устройств сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки».

Кроме того, хоббиты, по замыслу их создателя, относятся к исчезающему виду в прямом, можно сказать, смысле: «Хоббиты привыкли исчезать мгновенно и бесшумно при виде незваной Громадины⁽³⁶⁾». И эту свою способность к незаметному исчезновению, что опять-таки есть проявление ребячества, хоббиты вознесли до высот искусства: они так наловчились прятаться, что «людям это стало казаться волшебством. А хоббиты ни о каком волшебстве и не помышляли: отроду мастера прятаться, они чуть что — скрывались с глаз, на удивление своим большим и неуклюжим соседям».

Так, люди предстают здесь тяжеловесами во всех смыслах слова, далекими от земли и не знающими легкости. Причем человеческое несовершенство у Толкиена неизменно, с кем бы он ни сравнивал людей — с эльфами, гномами или теми же хоббитами. И тут уж ничего не поделаешь: создатель хоббита Бильбо боялся людей не меньше технических новшеств. Во многом именно из-за страха перед Громадинами хоббитов на земле заметно поубавилось.

Вот, к примеру, как Толкиен описывает одного из отпрысков хоббитанского роду-племени — Бильбо. Живет он в настоящей хоббичьей норке, а это «означает прежде всего уют». Бильбо — гостеприимный, хлебосольный хозяин, любит одеваться в зеленое и желтое; он успел обзавестись брюшком и не больно охоч до всяких приключений. Но главное достоинство Бильбо — в том, что мать его была легендарная Беладонна Тук, «одна из трех знаменитых дочерей Старого Тука, вождя клана хоббитов». А «в хоббитанских семьях поговаривали, что давным-давно один из предков Тука взял себе жену из эльфов».

О Туках рассказывается и во «Властелине Колец»: исключительная родословная и сподвигает отпрыска этого хоббитанского семейства пуститься в приключения.

Там же, во «Властелине Колец», речь идет и о трех породах хоббитов — лапитупах, которые были «посмуглее и помельче», струсах, «более крепеньких и коренастых», и беляках, которых Толкиен описывает более подробно.

Далее мы увидим, что расовый подход у Толкиена, с политической точки зрения, не совсем корректный. Плохие герои у него сплошь смуглые или желтокожие, да еще косят и косолапят, и руки у них длинные. У героев же добрых и взор светлый, и глаза голубые или серые, а волосы черные как смоль или русые, да и ростом они крупнее.

То же самое и с хоббитами: «беляки — порода северная и самая малочисленная».

А нордическая внешность характерна для большинства персонажей Толкиена, при том что героическая натура, как правило, вполне соответствует их внешности. Таким образом, хоббиты–беляки превосходят в достоинствах лапитупов и струсов. Как и Бильбо, беляки, «не в пример прочим хоббитам, сблизилась с эльфами: сказки и песни им были милее, нежели ремесла».

А подобные качества больше свойственны прирожденным искателям приключений, слагателям песен и легенд; те же черты присущи и любому писателю–словеснику. Песня — это то, что, как в творчестве Нерваля, позволяет установить связь с прошлым, с душами предков, а язык и письменность — это то, что помогает Бильбо и Фродо переложить на бумагу их воспоминания об удивительных приключениях.

Дальше Толкиен еще больше подчеркивает превосходство беляков, сообщая, что «охота была им милее земледелия». Поскольку они не перешли на землепашество, их можно отнести к существам скорее палеолитическим, чем неолитическим. Как Берена или эльфов, их никогда не увидишь корпящими над плугом. Так что ремесла у Толкиена в большем почете, нежели земледелие: столь явный парадокс служит как бы щитом, ограждающим землю от вторжения всепоглощающего прогресса. Хоббиты–беляки — своего рода реликты, первозданные существа, более близкие к совершенству, характерному для «тех времен», столь милых сердцу Толкиена. Так что теперь понятно, почему хоббиты, «будучи по натуре смелее и предприимчивее прочих, то и дело волею судеб оказывались вожаками и старейшинами струсов и лапитупов».

В заключение наш автор прибавляет:

«Даже во времена Бильбо беляцкая порода очень еще чувствовалась в главнейших семействах вроде Кролов и Правителей Забрэндии».

Итак, четверо главных хоббитов из «Властелина Колец» — отпрыски знатных хоббитанских родов... Бильбо — из Туков, как и его племянник Фродо, Хранитель Кольца. Пиппин — тоже Тук; к тому же, в конце «Властелина Колец» именно Туки, и только они одни, смогут противостоять злодейским Сарумановым полчищам. Что касается Мерри,

хоббита из рода Брендизайков, то ему-то и предстоит возглавить сопротивление захватчикам. Испив чудодейственного напитка Древня, Мерри с Пиппином мало-помалу наберут в росте, волосы сделаются у них светлее и гуще; они станут доблестными военачальниками и принесут клятву верности двум Верховным Правителям. А что до Фродо, самого мирного из четверки, то даже необыкновенно прекрасный Фарамир будет воспринимать его как существо возвышенное, эльфическое.

Правда, в начале «Властелина Колец» и «Хоббита» нет и речи ни о войнах, ни о приключениях. Но так или иначе хоббиты для Толкиена всегда остаются главными героями, поскольку они таят в себе неведомые, непостижимые силы.

«Однако сытая и спокойная жизнь почему-то вовсе не изменила этих малюток. Припугнуть, а тем более пришибить хоббита было совсем не просто; может статься, они потому так и любили блага земные, что умели спокойно обходиться без них».

Хоббиты, в особенности Сэм Скрэмби, — в ком Толкиен, по его собственному признанию, хотел воплотить образ рядового солдата, героя-защитника, каких он повидал немало, — в случае надобности могли кому угодно дать сто очков вперед. Потому-то их так любят дети — они легко приравнивают себя к этим получеловечкам, способным тягаться с самыми доблестными среди эльфов и людей. К тому же, хоббиты, как и дети, «переносили беды, лишения, напасти и непогоду куда тверже, чем можно было подумать, глядя на их упитанные животики и круглые физиономии».

Об умении хоббитов собираться с силами и духом после невзгод Толкиен напоминает при каждом удобном случае. Пиппин и Мерри, едва их вызволили из орочьего плена, первым делом садятся заморить червячка. Как замечают их собратья по Кольцу, «эдакая беспечность свойственна только хоббитам». Точно так же постепенно оправляются от ран и Фродо, и другие маленькие герои, принявшие боевое крещение в горах или на поле брани.

Все помыслы Толкиена направлены на то, чтобы сделать из безобидных хоббитов настоящих героев без страха и упрека. Однако еще в начале своей эпопеи автор сообщает:

«Непривычные к драке, не признававшие охоты потехи ради, они вовсе не терялись перед опасностью и не совсем отвыкли от оружия. Зоркий глаз и твердая рука делали их меткими лучниками».

Замечание о том, что хоббиты не признавали охоты, заслуживает того, чтобы подчеркнуть это особо: Берен, самый впечатляющий герой «Сильмариллиона», не охотится на живность даже ради того, чтобы

прокормиться. Дружба между говорящими существами и зверьем очень крепка в мире, где зверь порой стоит вровень с людьми и хоббитами.

Но, даже отличаясь мирным нравом, хоббиты готовы за себя постоять во всякое время, при том, что, подобно детям, они быстро забывают выпавшие на их долю невзгоды. Потому-то в конце «Властелина Колец» им и удастся изгнать злодеев из своей горячо любимой Хоббитании.

Между тем, при всем их героическом нраве, хоббиты любят повеселиться. К тому же у них «каждый род сам, как умел, разбирался со своими делами — большей частью насчет того, как вырастить урожай и вкуснее прокормиться».

Что ни говори, хоббиты и впрямь любили покушать, а еще — покурить. Толкиен даже уделяет целых две страницы заведенному у них искусству курения, и первыми это почему-то встретили «на ура» курильщики марихуаны в американских кампусах: «Хоббиты всасывали или вдыхали через глиняные или деревянные трубки дым тлеющих листьев травы, называемой ими «трубочное зелье», или «травка», по-видимому, разновидности *pisotiana*. Великой тайной окутано происхождение этого странного обычая, или «искусства», как именуют его хоббиты».

В этом растении сокрыта некая тайна, вернее, галлюциногенная сила: «Каким образом Старый Тоби разнюхал про это растение — неизвестно; сам он на смертном одре ни в чем не признался».

Однако растение это, похоже, произрастало в Пригорье, у пределов Хоббитании, о чем ведали лишь посвященные, точнее, избранные, что слонялись вокруг пригорянского трактира «Гарцующий пони».

«Искусство курения подлинного зелья, несомненно, берет свое начало в Пригорье: оттуда оно распространилось среди гномов и других мимоходцев — Следопытов, Магов и им подобных странников, которые и посейчас сходятся на этом древнейшем дорожном перекрестке».

Когда же мы узнаем, какую роль Толкиен уготовил Следопытам под водительством Арагорна, Магам, отправившимся за Гэндальфом, и гномам, стоявшим за Глоином и сыном его Гимли, то начинаем понимать, что искусство курения — это привилегия, дарованная меньшинству, истинным ценителям и посвященным.

В какие бы дали ни увлекала судьба героев Толкиена, они никогда не забывают про снесь и во всякое время воздают ей должное. Сэм почти до самого конца странствия не расстается с кухонной утварью, Толкиен посвящает целую страницу подробному описанию блюда из кролика, тушенного с приправами. Из главы 2-го тома «Властелина Колец» под названием «Две Твердыни» видно, насколько серьезно Толкиен относится к

неуемным аппетитам хоббитов. Точно так же в начале «Хоббита» и того же «Властелина Колец» приводятся описания знатных пирушек. В первой истории Бильбо принимает у себя дома Гэндальфа с чертовой дюжиной гномов, заглянувших к нему, что называется, на огонек — поужинать, и жертвует им все запасы съестного, что хранились у него в кладовых:

«Похоже, он [Гэндальф] лучше меня знает, что лежит у меня в кладовых», — подумал господин Торбинс [Бильбо], у которого уже голова кругом пошла и который начинал думать, что вот это и есть самое огорчительное Приключение, причем явившееся к нему в дом.. Гномы ели-ели, пили-пили, говорили, время шло, еды на столе было много...»

Другое знаменательное событие, связанное с пиршеством, — празднование юбилея Бильбо. А стукнуло ему ни много ни мало сто одиннадцать лет, тогда как Фродо — только тридцать три года. И цифры эти Толкиен выбрал не случайно: помимо указания на то, что Фродо достиг возраста Христа, в сумме они дают «сто сорок четыре», то есть число избранных, переживших Апокалипсис (в действительности же спасшихся было 144 тысячи — *Н.Б.*). Сто сорок четыре — это еще и число гостей Бильбо, слывающего самым зажиточным среди хоббитов и главным чудачком во всей Хоббитании. Поданное им угощение вполне удовлетворило аппетиты его соплеменников:

«Угощались до отвала: ели сытно, много, вкусно и долго... Потом несколько недель еды в окрестностях почти никто не покупал...»

Да и само пиршество на поверку оказалось своего рода таинством, поскольку под конец его Бильбо, надев на палец Кольцо Всевластия, исчез на глазах у всего честного народца. Таким образом, он предсказывает, что на долю хоббитов вот-вот выпадет новое великое Приключение, и главным его участником будет суждено стать Фродо, которого Бильбо с Гэндальфом признали достойнейшим во всей Хоббитании. И вот на этом фоне хоббиты начинают мало-помалу преображаться и расти. Истовый, решительный, но почти всегда печальный Фродо, его верный пытливый слуга Сэм и двое их сотоварищей, Мерри с Пиппином, не только прибавляют в росте, но и набираются сил, которых хоббиты доселе не знали. И все же удивительно, что на Совете у Элронда среди избранных, сплотившихся в Братство Кольца, оказались четверо хоббитов: ведь смертельная опасность подстерегала братьев чуть ли не на каждом шагу. Слишком уж малы были хоббиты, чтобы сражаться в открытую (во всяком случае, поначалу) с орками, злобными прислужниками Черного Властелина. Чего греха таить, полуростики и правда робеют перед лицом опасности. Вот, к примеру, что переживает Пиппин после гибели Боромира, когда сам он попадает в лапы

к оркам:

«Зря, наверно, Гэндальф уговорил Элронда, чтоб мы пошли, — думал он. — Какой был от меня толк? Помеха, лишняя поклажа. Сейчас вот меня украли, и я стал поклажей у орков... Вот если бы Бродяжник [Арагорн] или хоть кто уж догнали их и отбили нас!»

Дальше, как пишет Толкиен, тоска еще больше угнетает Пиппина, который по-прежнему ощущает себя обузой. То же было и с Мерри, когда он навязался сопровождать властителя Теодена, а никто из спутников его в упор не видел:

«Мерри чувствовал себя никчемной мелюзгой, и было ему очень тоскливо... Мерри жаждал с кем-нибудь поговорить; он вспомнил о Пине и еще пуще огорчился».

Так что Мерри тоже ощущает себя лишним и никчемным; но Эовин не оставит его в беде и вознесет его на своем скакуне к вершинам славы.

Так что хоббиты и в этом случае ведут себя, как дети: они слишком малы, чтобы взвалить на себя бремя славы, но их беспримерное великодушие вполне ее достойно. К ней-то, к славе, презрев благоразумие, и устремился Фродо, положась на прочность своей кольчуги из мифрила, чудесный меч и волшебное Кольцо; но Фродо плошает, едва пускается с товарищами в приключения, и беззлбный ворчун Гэндальф не устает напоминать ему об этом; хотя Фродо пока еще только посвященный, Толкиен, однако, замечает:

«Он начал отчетливей воспринимать мир: ему нередко открывалось то, что другие обычно не замечали. Он лучше спутников видел во тьме; увереннее их предвидел опасности».

Таким образом, одна из основных тем книги — преобразование хоббитов, духовное и физическое. Как сказал старик Кроттон, мирным малюткам выпал случай гнаться за мрачными призраками в горах, пережить тяжкие испытания, познать славу и гордость служения Великому Государю. Так, Толкиен переходит от мира Сильмариллиона, жестокого и ужасного, к миру Бильбо, маленького Взломщика, спутника гномов, способного на большие дела: сражаться с пауками, сговориться с драконом, захватить сокровища и провести своих соплеменников. Но все это, на самом деле, кажется мелкими делишками в сравнении со славными подвигами последователей Бильбо, достойнейших из хоббитов.

Конечно, хоббиты не всеильны и этого не скрывают; они пытливы, неудержимы, беспечны, ненасытны — в прямом смысле слова, но при всем том совершенно не приспособлены к суровым условиям, в которых оказываются волею судеб. Пиппин воротит нос от весьма скудной походной

трапезы, рискуя навлечь на себя гнев Гэндальфа. Неудержимая словоохотливость хоббитов, как, например, в трактире «Гарцующий пони», нередко выходит им боком. У Пиппина язык развязывается не в самом подходящем месте, а Фродо затягивает песню и, раззадорившись, попадает под власть Кольца, которое, как на грех, само наделось ему на палец, будто там ему и место. Отныне тайна хоббитов раскрыта, и ничего хорошего их не ожидает — одни только упреки со стороны Следопыта и Гэндальфа, правда, слишком запоздалые.

Как бы то ни было, один из хоббитов и после пережитых приключений, похоже, остался таким, каким был прежде: это, конечно же, прозорливый Сэм, маленький садовник, влюбленный в «прекрасных» эльфов. Уже в самом начале Сэм исполняется решимости и готовности защитить своего хозяина, став ему верной опорой во всем. Это он вызволил Фродо из щупальцев озерного чудища у врат в Морию; это он нес на руках своего хозяина, когда силы оставили его после схватки с пауком; он же по недомыслию настроился против Бродяжника и Фарамира со свойственной хоббиту подозрительностью к людям. Сэм и впрямь не семи пядей во лбу, и не случайно Фарамир требует, чтобы он прикусил язык, когда говорит его «мудрый» хозяин. Однако некоторая бестолковость Сэма объясняется его неодолимой потребностью стоять грудью за своего хозяина, подобно телохранителю. И поступить иначе Сэм не может. Доброта и отвага проявляются в нем уже в первом томе, когда он, маленький садовник, защищает пони, с которым худо обращаются: он привязывается к коньку, называет его Биллом, и после всех треволнений они в конце концов находят друг друга.

Храбрость Сэма бессознательна и непринужденна. Он очертя голову бросается на орков, которые ввергали в ужас его и других хоббитов в самом начале эпопеи. Одному из врагов он отсекает руку, и тому едва удастся спастись бегством. Кидается Сэм и на Горлума, после чего тот всегда будет держаться от него в стороне. В этом проявляется одна из крайностей, которые приписывает своему герою Толкиен. Для Сэма, как и для большинства читателей Толкиена, всякий герой либо белый, либо черный, а Горлум — то светло-, то темно-серый. Сэм грозит Горлumu на словах и силой, хотя жесты его не столь резки, как слова. Как натура цивилизованная, он испытывает отвращение к Горлumu, когда тот хочет поймать рыбу или птицу — животных, как мы дальше увидим, неприкасаемых.

Сказав о том, что Сэм остался таким, каким был всегда, я вовсе не имею в виду, что он ничуть не изменился, в отличие от других хоббитов из

Братства Кольца. Кольцо и пережитые из-за него невзгоды до того преобразили Фродо, что впоследствии он решил больше никогда не брать в руки оружия. Чудодейственный онтский напиток — по сути, живая вода, — преобразует физически Мерри и Пиппина. Но если они делаются сильнее и храбрее, то Фродо преобразуется духовно, становясь более благородным; соплеменники в конце концов даже начинают презирать его за то, что он противится всякому жестокому кровопролитию, отказывается взяться за оружие и дать отпор новоявленным злодеям. Только Сэм и остается самим собой, продолжая жить по принципам чисто аристотелевской этики, — разумное поведение и умеренность. К нему-то и обращается Роза Кроттон с просьбой отомстить лиходеям в конце эпопеи; это ему придется сеять семенную пыль — дар Галадриэли, чтобы в Хоббитании снова выросли травы и деревья. Вот когда Сэм возвеличивается в глазах своих соплеменников — и те избирают его, и будут переизбирать впредь главой Хоббитании. Он все такой же искусный садовник; повидав леса Лориэна, он неизменно стремится достичь в своем искусстве истинного совершенства. Садоводство — и впрямь занятие важное, ибо оно позволяет воссоздать на земле маленький рукотворный рай, *locus amoenus*, то самое «Дивное Место», что было воспето не одним поколением греческих, латинских, итальянских и французских сочинителей, в том числе Кретьеном де Труа⁽³⁷⁾. Толкиен признавался:

«Мой Сэм Скромби — точная копия английского солдата-ординарца, а этого брата я повидал немало во время войны 14-го года, и каждый из них был на голову выше меня».

Героизм Сэма неприметный, почти житейский, однако в час лихих испытаний он сродни великому подвигу. Но у Сэма этот «домашний» героизм подкреплен беззаветной любовью к своему хозяину. С другой стороны, Сэм Скромби не менее точная копия диккенсовского Сэма Уэллера, чьи простодушие и порядочность поднимаются на смех во время разбирательства по делу мистера Пиквика; так что Сэма Скромби можно по праву отнести к самым благородным и скромным героям в истории литературы. Вот каким он предстает перед нами в самый, пожалуй, трудный для него час:

«В этом тяжком испытании ему помогла выстоять любовь к хозяину, но, кроме того, в нем крепко сидел простой хоббитский здравый смысл: в глубине души он твердо знал, что такое бремя ему не по силам, пусть даже видения и не совсем обманные. Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать».

Мало–помалу проявляется натура и у других обитателей Хоббитании: Толкиен с удовольствием раскрывает черты их характера. Так, старый Бирюк, представший поначалу неотесанным ворчуном–простофилей в окружении своры злобных псов, на поверку оказывается не таким уж простаком и брюзгой. Он сразу смекнул, что к чему, когда к нему заявился странный чужеземец. Рассказывая про Черного Всадника, посланца Саурана, при виде которого даже псы его от страха прижали хвосты, Бирюк лукаво подметил:

«Услышал я, помню, что вы отбились от прямой родни, от Брендизайков, и пристали к троюродному деду, — ну, говорю, добра не жди. Старый Бильбо кашу заварил, а расхлебывать вам. Он богатства–то, поди, не трудами праведными в дальних краях раздобыл. А теперь и нашлись такие тамошние, которым очень стало интересно: чьи это драгоценности зарыты у него в Норгорде?»

Фродо, хранивший у себя на груди Кольцо, из–за которого черные всадники и гнались за ним по пятам, понял, к чему клонит старик: «Фродо смолчал: сварливый Бирюк угодил в самую точку».

Тут молодой хоббит испугался и сильно пожалел, что не сдружился с Бирюком раньше. Бирюк вырос в глазах хоббитов, и не без помощи Тома Бомбадила, лесного владыки:

«...только все же было странно, что чаще других Том поминал того же Бирюка... Руки у Бирюка — чуткие к земле, он работает жарко, а глядит в оба глаза. Он обеими ногами стоит на земле и, хоть шагает валко, не оступился еще ни разу, — так поняли Тома хоббиты».

И все же странный он, этот Бирюк, истовый страж рубежей Хоббитании. Да и грибы, которыми он потчует дорогих гостей, тоже странные — вызывают необычные видения, а ему самому дают особенную силу, которую он тщится скрыть за своим нелюдимым, угрюмым обличем.

Но самым горестным испытанием для маленького народа стало «осквернение Хоббитании» — один из основных эпизодов в произведении Толкиена. Освободившись от чар Кольца и ратных дел, хоббиты вдруг столкнулись с суровой действительностью, и это было тем более ужасно, что доселе их маленький край был надежно защищен. Ну а в том, что Хоббитанию захватили лиходеи, повинен был Лотто, сродник Фродо. Впрочем, определенная вина за то лежала и на самом Фродо. Однако не ему будет суждено освободить Хоббитанию от захватчиков, а Мерри и Пиппину, доблестным военачальникам, снискавшим славу на полях брани.

Мерри поверг одного из назгулов, поразив его в колено (рана сама по себе имеет важный эзотерический смысл), покуда Эовин, рискуя жизнью,

отбивалась от этой мерзкой твари. А Пиппин, состоявший на службе у Денэтора, прославился, когда схлестнулся с Троллем, который едва его не прихлопнул. Силу, доблесть и мужество они укрепляют чудесным напитком «здравуром». А Фродо, в отличие от них, стремится избежать кровопролития: он уже раз отказался принять меч от Арагорна. Раны изменили его, пережитые невзгоды сделали едва ли не святым. Фродо щадит Сарумана, хотя тот только что пытался его убить. И не требует взамен благодарности. Тогда падший чародей Саруман ему и говорит:

«Да ты и вправду вырос, невысоклик. Да-да, ты очень даже вырос. Ты стал мудрым — и жестоким. Теперь из-за тебя в моей мести нет утешения, и милосердие твое мне горше всего на свете. Ненавижу тебя и твое милосердие!»

Но если посвященный Саруман понимает, что почтительность к нему со стороны хоббита, возросшего и физически, и духовно в страданиях, есть не что иное, как проявление душевной слабости, о Мерри этого не скажешь: он жаждет поскорее покончить с захватчиками:

«И ты, дорогой мой Фродо, извини, конечно, ни аханьем, ни оханьем не спасешь ни Лотто, ни Хоббитанию».

И прибавляет:

«Укрываться... не согласен. Все, я вижу, только и делают, что укрываются, хотят отсидеться, а это бандитам только на руку... Нет, надо действовать немедленно... Да, поднимать мятеж! Поставить на ноги всю Хоббитанию!»

Борьба хоббитов за освобождение Хоббитании играет важную роль по многим причинам: с одной стороны, речь идет о завоевании в бою права на привычную жизнь. Не случайно старик Скромби говорит Фродо:

«Только извините, грубо скажу, не по делу вы уезжали. Это же надо — продать Торбу-на-Круче, и кому? Вот где и началось безобразие».

В словах старика звучит явный намек на то, что в постигшей Хоббитанию беде Фродо повинен, быть может, не меньше, чем его родственничек Лотто. А дальше старик продолжает так:

«Вы там разгуливали в чужих краях, загоняли на горы каких-то черномазых — если, конечно, верить Сэму, хотя, зачем вы их туда загоняли, я у него не допытывался. А тут — набежали какие-то сукины дети, срыли нашу Исторбинку, и картошки мои пошли псам под хвост!»

Следом за вселенской битвой, произошедшей после войны чародеев — Гэндальфа с Черными Всадниками и назгулами, началась война куда более прозаическая — грабительская: банда лиходеев учиняет разбой в Хоббитании и порабощает ее обитателей. Надо действовать — решительно

и беспощадно. И если кто и сопротивляется бандитам и хоть как-то сдерживает их за пределами их логова, в Смиалах, так это, разумеется, хоббиты-беляки — Туки. Однако им недостает настоящих, героических предводителей.

Между тем бандиты стремятся установить порядок, подобно всем диктаторам. «Порядок надо навести, чтобы все вы себя помнили», — заявляет Фродо один из бандитов. А теперь давайте поглядим, что это был за порядок, когда бразды правления взял в свои руки самозванец Лотто, а за ним — Шаркич.

«Памятные, любимые дома будто смело; кое-где чернели пожарища... Между Озерным побережьем и Норгордской дорогой громоздились уродливые новостройки. Там, где прежде была тополиная аллея — не осталось ни деревца. А дальше... торчала громадная кирпичная труба, извергавшая клубы черного дыма».

Оскверненная Хоббитания до боли напоминает страну с поруганными тысячелетними жизненными устоями, пошатнувшимися под натиском промышленной революции, которую, со всеми ее пороками, как мы дальше увидим, неустанно осуждал Толкиен, отказавшийся даже пользоваться своим автомобилем.

Механизм адской машины прогресса, по словам фермера Коттона, был запущен так:

«Начал все это паскудство Чирей... ему, видно, хотелось прибрать все на свете к рукам и стать самым-самым главным. Глядь — а он уже нахapaл выше головы и подряд скупает мельницы, пивоварни, трактиры, фермы и плантации трубочного зелья».

Таким вот образом Лотто, сиречь Чирей, и стал первым в истории Хоббитании капиталистом; установленный им «капиталистический» порядок и приведет вскоре к разорению благоденственной Хоббитании. В действительности же этот самый Чирей извратил понятие «капитализм», превратив его, если угодно, в фашизм, а вернее — большевизм. Бандиты, повинные в обнищании, характерном для всех коммунистических стран, называют себя «учетчиками» и «раздатчиками», в точности как во времена Ленина, когда отряды подразверстки разъезжали по деревням и отбирали у крестьян хлеб — так сказать, реквизировали.

«Шныряли, обирали, взвешивали и куда-то для сохранности увозили. Учета было много, а раздачи, можно сказать, никакой».

Как мы уже говорили, произведение Толкиена не следует рассматривать как притчу или аллeгорию. Но в главе «Оскверненная Хоббитания», написанной в 1940-е годы, — а это было самым страшным

десятилетием XX века — предостаточно сходства с тоталитарными системами, которые в то время противостояли друг другу с целью завладеть богатствами всей планеты. В этой же главе ощущается и тревога Толкиена за состояние природной среды, особенно при появлении Шаркича, то бишь Сарумана, поклявшегося отомстить хоббитам (повинным в том, что онты напали на Изенгард), сделав их землю «навечно бесплодной»:

«Охранцы у него под рукой ходят, а он им: круши, жги, ломай! Теперь и убивать тоже велит. Вот уж, как говорится, хоть бы дурного толку — нет, и того незаметно, все без толку. Рубят деревья, чтоб срубить, жгут дома, абы сжечь, — и ничего, ну совсем ничего не строят... Ну, с тех пор как Шаркич явился, зерна и не надо. Они там только трах-бах и пых-пых: пускают вонючий дым; ночью-то в Норгорде, поди, и не уснешь. И гадят — нарочно, что ли, не понять; загадили Нижнее озеро, а там и до Брендибума недалеко. В общем, ежели кому надо, чтобы Хоббитания стала пустыней, то все оно правильно».

Грохот, грязь, продразверстка, уничтожение деревьев и целых лесов, старых трактов и домов — это и есть комплексная программа технократической модернизации, блестяще разоблаченной Толкиеном, за что он и заслужил славу у студенческой молодежи, рьяно выступавшей против общества потребления в 1960-х годах, а потом вдруг почему-то присмирившей.

Борьба хоббитов за освобождение их родной земли от «раздатчиков» была короткой, но кровопролитной. Сначала хоббиты взяли в плен бандитский отряд, убив его командира. Потом бандиты нагрянули сотнями. Но Пиппин объявил общий сбор, а Мерри, знавший родной край как свои пять пальцев, подготовил врагам западню. На сей раз до психологической войны не дошло — пришлось рубить бандитов чуть ли не в пух и прах, благо те, как оказалось на поверку, совершенно не умели воевать, а хоббиты, под началом Пиппина и Мерри, были отлично подготовлены и действовали все заодно. Правда, из двух военачальников на поле брани больше блистал доблестью Мерри — он зарубил главаря бандитской шайки, «огромного косоглазого ублюдка», под стать всем злодеям у Толкиена. Из этого можно заключить, что Мерри и впрямь стал более искусным воином, нежели его двоюродный братец, ну а в ратных делах он преуспел, в частности, и во время битвы Теодена с назгулами. Что же касается Фродо, то он, хотя и «был в гуще боя, но меча не обнажил; он лишь уговаривал хоббитов не поддаваться гневу и щадить врагов, бросивших оружие».

Но вот битва у Приречья завершилась, и хоббиты наконец смогли

вздохнуть спокойно и снова зажечь мирной жизнью, тем более что они это заслужили. Над Хоббитанией поднялась золотая заря, ознаменовав поворот в ее истории:

«С тех самых пор дела у Кроттонов пошли в гору, да еще как! Но Кроттоны Кроттонами, а все Списки возглавляли имена главных полководцев: Мериадока и Перегрины».

Сведя счета с Саруманом и прихвостнем его Гнилоустом, хоббиты взялись за труды праведные, чтобы вернуть стране прежний вид.

«Когда надо, хоббиты трудолюбивее пчел. К Просечню⁽³⁸⁾ от ширрифских участков и других строений охранцев Шаркича ни кирпичика не осталось и ни один не пропал: многие старые норы зачинили и утеплили».

Но по всему Княжеству «главный урон был в деревьях», а деревья, как мы знаем, имели для Толкиена важное значение, притом настолько, что он даже ввел в повествование онтов — лесных существ, живущих вдали от всех и говорящих на своем — «лесном» языке. И тут приходит черед Сэма: с помощью дара Галадриэли он берется возродить то, что загубил на корню Саруман.

Прекрасно понимая, что каждое зернышко на вес золота, и следуя совету Фродо, Сэм «сыпнул пыли повсюду, где истребили самые красивые и любимые деревья... Ну а весной началось такое... Саженцы его пошли в рост, словно подгоняя время, двадцать лет за год. На Общинном лугу не выросло, а вырвалось из-под земли юное деревце дивной прелести... Да, это был мэллорн, и вся округа сходилась на него любоваться».

После невзгод в Хоббитании настали поистине золотые времена, ознаменовавшие верх счастья и благоденствия для всего маленького народа. На сей раз Толкиен действительно говорит не о закате, а о бесподобном возрождении, небывалом успехе и росте благосостояния хоббитов. Княжество превращается едва ли не в дивную страну эльфов: «и правда, на всем лежал тихий отсвет той красоты, какой в Средиземье, где лето лишь мельком блеснет, никогда не бывало».

Благоденствующая Хоббитания была сродни Дориату Лучиэни и Лориэну Галадриэли, причем великое процветание осенило и хоббитов, и чад их:

«Был 1420 год сказочно погожий... Все дети, рожденные или зачатые в тот год, — а в тот год что ни день зачинали или родили, — были крепыши и красавцы на подбор, и большей частью золотовласые — среди хоббитов невидаль».

Такое изобилие златокудых детишек вполне соответствует

представлениям Толкиена о человеческой красоте: лучше всего быть рослым и светловолосым. Вместе с тем золотой цвет — знак Солнца, знаменующий благополучие хоббитов. А это, в свою очередь, связано с богатыми урожаями ячменя, хлеба, винограда и трубочного зелья, имевшего в мирке хоббитов важное значение — посвяtitельное.

Однако же золотые дни наступили не для всех. Сэм благодаря своим успехам в садоводстве начал пользоваться всеобщим авторитетом, Пиппин и Мерри стали «на диво рослые и статные... еще приветливее, шутливее и веселее».

Иная участь постигла Фродо: для соплеменников он вдруг стал чужим: «Сэм не без грусти замечал, что не очень-то его чтут в родном краю».

И это удручало его тем более, что в авторитетность и влияние он верил больше своего хозяина. Сэма изберут и будут переизбирать еще не раз главой Хоббитании, о чем мы уже упоминали. Миротлюбивый нрав на поверку вышел Фродо боком, равно как и то, что сам он и его дядюшка Бильбо слыли среди хоббитов чужаками, не такими, как все. А ведь на долю Фродо, как главного Хранителя Кольца, выпало куда больше страданий, нежели на долю любого другого члена братства, к тому же он был тяжело ранен, отчего его часто поражает странный недуг, который не в силах излечить ни Гэндальф, ни Арагорн. Вот как он сам все объясняет Сэму:

«Я хотел спасти Хоббитанию — и вот она спасена, только не для меня. Кто-то ведь должен погибнуть, чтоб не погибли все: не утратив, не сохранишь».

И тут Фродо подобен Моисею, который не может ступить на землю, обещанную его народу. Но нет горечи в его словах, когда он признается: «Я ранен, ранен глубоко, и нет мне исцеления». Как бы то ни было, ранение, тяжелое и опять-таки посвяtitельное, делает его исключительным, загадочным и отстраненным от других: он и хоббит, и, вроде бы, уже не хоббит, а герой, превзошедший самого себя, своего рода жрец и чародей, в чем-то сродни Гэндальфу и Саруману до его падения. К Фродо больше подходит библейская максима «нет пророка в своем отечестве» — отечестве, которое он вскоре покинет опять же без горечи в сердце, но и без благословения соплеменников.

Впрочем, Фродо осталось довершить еще одно дело, прежде чем вместе с Галадриэлью и Элрондом взойти на корабль в Серебристой Гавани и отправиться к далеким мгlistым берегам. Дело это стало привилегией, которую Фродо было суждено разделить с Сэмом, также державшим в своих руках Кольцо, — дописать рукопись, начатую, но не завершенную старым чужаком Бильбо.

«Заглавия вычеркивались одно за другим: Мои записки. Мое нечаянное путешествие. Туда и потом обратно. И что случилось после. Приключения пятерых хоббитов. Повесть о Кольце Всевластья, сочиненная Бильбо Торбинсом поличным воспоминаниям и по рассказам друзей. Война за Кольцо и наше в ней участие».

Таким образом, взявшись за продолжение рукописи, Фродо решил поведать обо всем, что приключилось с ним и его верными спутниками за все время Войны за Кольцо. Засим он уплывает на струге, построенном Корабелом Кирданом, в чудесной компании с Гэндальфом, также завершившим свои дела в Средиземье, и эльфами. А Сэм провожает его вместе с разудалыми и развеселыми по-прежнему Пиппином и Мерри, которым уж очень не хотелось, чтобы Фродо от них «удрал». Возвратившись же домой, Сэм глубоко вздыхает и молвит: «Ну, вот я и вернулся». Но лишь затем, чтобы скоро снова отправиться в Серебристую Гавань, а оттуда — еще дальше, вслед за солнцем, подобно бессмертным героям кельтских легенд.

Глава вторая

Народы и феодальный мир

Мир Толкиена — мир первозданный, или, как любят говорить сегодня, первичный. И живет он по внутренним законам, больше свойственным нашему средневековью. В отношениях между Илуватаром и Айну́р, Айну́р и майар, эльдар и Айну́р, людьми, гномами и другими народами существует четко обусловленная иерархия.

Красота Айну́р особенно ощущается в «Айнулиндале», где они под руководством Илуватара слагают Великую Музыку, соблюдая при этом строгую подчиненность. Можно вспомнить, что, по мнению Толкиена, преклонить голову перед сеньором для преклоняющего значило нечто большее, чем, быть может, для того же сеньора...

«И вот создал как-то Илуватар всех Айну́р и дал им сыграть мелодию, возвышенную и прекрасную, каких они прежде не слыхали. Блистательное начало и восхитительное окончание до того очаровали Айну́р, что они простерлись пред ним ниц, не в силах вымолвить ни слова».

Айну́р-музыканты всецело подвластны воле дирижера и сочинителя. Перед ними две партитуры: одна — о начале, другая — о скончании веков.

«Мелодии Илуватара зазвучат истинно и дойдут до самого их естества — каждый услышит и свою партию, и другие, и довольный Илуватар распалит их души тайным пла-

Хотя о том, что представляет собой этот тайный пламень, не говорится ни слова, из приведенных строк вполне можно заключить, что Илуватар — Единый бог, а Айну́р — покорные ему ангелы, слагающие по его воле великую, несравненную музыку. Итак, Айну́р подвластны Илуватару.

Все, кроме одного. Мелкор явно отличается от остальных. Непокорный Ангел, Лучезарный Исполин, он желает играть свою собственную музыку. Мелкор одинок и очарован Пустотой, где он тщится отыскать неугасимый светоч. Но у Мелкора ничего не выходит, Илуватар гневается и изрекает, что «нельзя сыграть мелодию, коли источник ее не во мне».

Как бы то ни было, именно Айну́р привели детей Илуватара в уготованное им жилище.

«Детьми Илуватара были эльфы и люди, Первенцы и Наследники».

Мятежный Айну́ Мелкор, возомнив себя всемогущим, возжелал подчинить детей Илуватара своей воле, ибо «он завидовал дару, коим оделил их Илуватар, и хотел иметь слуг и верноподданных, дабы те

величали его Властелином, а сам он мог бы повелевать чужой волей».

Каждый Айну-родоначальник унаследовал стихию: Ульмо — воду, Манве — воздух, Ауле — землю, а что до огня, его можно было бы оставить Мелкору, который, как сказал Ауле Илуватар, «знал, что его ждет огнедышащее пекло», и уж очень любил играть в крайности — со льдом и с огнем.

Мелкору так хочется повелевать другими, что он решает освободиться из-под власти Илуватара. Подобное сочетание яркого анархизма и авторитаризма свойственно многим диктаторам нашего времени. Во всяком случае, Толкиен дает понять, что мятежный ангел ведет себя парадоксально: он восстает против Божьей воли, дабы облечься своей собственной властью, а вовсе не затем, чтобы сеять вокруг себя свободу и добро. Мелкор желает, чтобы земля стала его единоличным царством, и мало-помалу разрушает творения Валар.

А вот что еще пишет Толкиен о Валар:

«Их было девять величайших и благороднейших, но один, Мелкор, сделался отступником, и тогда их осталось восемь — Аратар, Правителей Арды, и звались они так: Манве и Варда, Ульмо, Йаванна и Ауле, Мандос, Ниенна и Ороме. Манве был среди них главный — он следил, чтобы они хранили верность Эру; они были едины в своем величии и несравнимы с другими, будь те из Валар или майар, и ни с одним существом из тех, что Илуватар послал на Эа».

Что до майар, Толкиен представляет их так:

«С Валар пришли другие духи — они существовали задолго до Сотворения мира, как и Валар, правда, были они рангом ниже. То были майар, подданные Валар, их подручные и прислужники. Эльфы не знали им числа, и мало кто носил имена, похожие на те, что значились в языках, на которых говорили Дети Илуватара».

И вновь Толкиен обращает наше внимание на то, что Валар и майар связывали феодальные отношения.

Валар — еще и культурные герои: они пришли дать Детям Илуватара знания. Так, от Ауле «нам досталось все, что мы знаем о Земле и недрах ее, сиречь познания, коими обладают те, кто ничего не производит, а лишь стремится уразуметь, что есть что, как, например, секреты ремесленников, — ткачей, столяров, литейщиков и землепашцев... Ауле еще величают Другом нолдор, ибо со временем те много чего от него узнали, став одареннейшими среди эльфов».

Манве «отдавал из всех эльфов предпочтение ваниар, он учил их, как складывать музыку и стихи, ибо стихосложение ему самому было в

радость, а песнь слов была его истинной музыкой».

В результате каждый из Айнур стал выразителем определенного священного искусства, законы которого он потом передавал одному из племени Детей Илуватара:

«Телери многое узнали от Ульмо, и музыка их звучала столь же печально, сколь и проникновенно».

И тут, в связи с упоминанием о печальной, романтической музыке, можно вспомнить яркие строки из «Рене» Шатобриана:

«Сердце наше инструмент несовершенный: оно подобно лире без струн, из которой мы вынуждены извлекать радостные звуки в тональности, больше подходящей для вздохов».

Далее Толкиен говорит о весьма непростых отношениях между Айнур и эльдар. И здесь сказывается несостоятельность феодальной власти, что только на руку Мелкору:

«Валар много старше Детей Илуватара, и были им они скорее наставниками, нежели повелителями; но когда Валар пытались силой наставлять их, все было тщетно, ни к чему хорошему это не приводило, хотя они это делали из самых добрых побуждений».

Как мы дальше увидим, нолдор под водительством Феанора даже восстанут против власти Валар, а чуть погодя нуменорцы даже попытаются их уничтожить. Таким образом, отношения Валар с подчиненными разладились; и причина тому — непонимание, возникшее из-за несовершенства мира (по крайней мере, так думали люди). Не исключено, что в этом смысле Толкиен разделял точку зрения Лейбница⁽³⁹⁾, полагавшего, что существующий мир создан Богом как наилучший из всех возможных миров. И уж если невозможно занять место Илуватара и понять божественный замысел, ты вправе воспротивиться, подобно Феанору (тот не может стерпеть, что Мелкор — Вала и что ярость его сильнее), или впасть в философский скептицизм в пример Вольтеру. Толкиен призывает нас любить мир таким, каков он есть, не без всемогущего зла, хотя всемогущество его и оспоримо.

Толкиен говорит и о сходстве между эльфами и Валар:

«Айнур знали в основном с эльфами, ибо Илуватар, уподобил их друг другу, хотя в росте и силе они уступали людям, коих оделил он необычайными свойствами».

К числу последних следует отнести и смертность: ведь эльдар могли пасть в бою.

Люди у Толкиена не настолько чисты, красивы и добры, как эльдар; к тому же они легче поддаются искушению злыми чарами, поскольку сила

их — а она у них все же есть — зиждется на свободной воле:

«Он возжелал, чтобы сердца людские были извечно устремлены на поиски пределов мира и за оные и не ведали покоя, чтобы им достало храбрости строить жизнь на свой лад, невзирая на случайности и силы, правящие миром, и не вникая в музыку».

Дарованная людям свобода тем более поразительна, что она неподвластна исконному иерархическому делению. И тут уместно еще раз вспомнить Шатобриана и «это смятение, страсть и желание, что преследуют меня повсюду...».

Однако свобода — дар опасный:

«Илуватар знал, что люди, оказавшись меж сил, правящих миром, собьются с пути истинного и будут использовать свой дар некстати».

Эльфам же «казалось, будто Манве очень сожалеет, что существуют люди, хотя он вполне разделял помыслы Илуватара, ибо эльфы считали, что среди Айнур люди более всех подобны Мелкору, который остерегался их и ненавидел даже тех из них, что служили ему».

А среди прислужников его были знаменитые пришельцы с востока, а также Духи Кольца. По мнению Толкиена, первой жертвой сотворения Мира всегда становится человек — по крайней мере в «Сильмариллионе». И только во «Властелине Колец» некоторые из людей предстают во всем своем величии, заставляя нас забыть о почти неизбывной нелюбви автора к представителям рода человеческого.

Смерть — один из наиглавнейших даров, данных людям, дар, благодаря которому они и снискали себе прозвище Гостей, или Чужаков; и в этом кроется еще одно недоразумение, потому что «Мелкор и здесь оставил свою тень, дабы все путали смерть с мраком».

Страх перед смертью и стремление продлить себе жизнь (как тут не вспомнить древнеегипетскую цивилизацию) и подвигли нуменорцев восстать против Валар. Но даже долгая жизнь — и она особенно — не радует тех, кто жаждет вечности и готов на все, лишь бы утолить эту жажду.

Другой народ, гномы, тоже наделены «необыкновенными свойствами». Гномов создал Ауле, которому не терпелось обзавестись учениками, «дабы передать им свои знания и умение». Ауле трудится тайно в Подгорном мире — и порождает Семерых Гномьих Отцов, «крепких и непоколебимых». Замысел Ауле оказался на редкость дерзким, за что ему пришлось выслушать от Илуватара строгий выговор:

«Почто, — вопрошает тот, — усердствовать над тем, что, сам знаешь, превыше твоих сил и власти?»

Ауле признает, что «нетерпение побудило его к безрассудству», и, дабы обезопасить себя впредь от гнева Илуватара, предлагает «уничтожить плод своей гордыни». Он берет огромный молот, чтобы обратить гномов в прах, но те молят его о пощаде. Илуватар вдруг проникается жалостью к несчастным, и тогда Ауле просит его благословить свое творение и усовершенствовать.

Ну, а свойства гномов, в общем-то, известны:

«Они крепки, как скала, упрямы, дружелюбны, сколь и враждебны и куда более стойко переносят боль, голод и прочие лишения, нежели все другие говорящие существа...»

Живут гномы по соседству с загробным миром:

«По завершении последней Битвы они взялись помочь Ауле преобразить Арду... гномы также уверяют, будто Семеро их Отцов вернутся и будут жить среди себе подобных, и обретут свои прежние имена. Достославнейшим из них стал Дарин, прародитель Казад-Думских гномов, благорасположенных к эльфам».

Будучи, однако, на редкость себялюбивыми и жадными до золота, гномы не питали ни малейшей любви ко всему, что происходило от Йаванны, в частности, к растениям.

«Они копали недра земные, нисколько не заботясь о том, что произрастает и живет на ее поверхности».

Об этом пагубном свойстве гномов упоминается и во «Властелине Колец» — в рассказе про Морию: из него мы узнаем, что гномы в запале то ли алчности, то ли усердия так глубоко проникли под землю, что растревожили спавших в горе чудовищ.

В «Хоббите» Толкиен отзывается о гномах куда резче: «гномы не герои, а расчетливый народ, для них главное — богатство. Есть среди гномов хитрецы и обманщики, и вообще паршивцы, есть хорошие и весьма порядочные, как, например, Торин и Компания, но не требуйте от них слишком многого».

Худший среди гномов, самый жадный и уродливый, — Мим из «Сильмариллиона», ложный друг Турина и изменник.

Первородные эльдар называли себя квенди, «то есть говорящие; ибо они не знали более никого, кто умел бы разговаривать или петь».

Обнаружил их однажды во время охоты Ороме — Вала-охотник.

«Ороме возлюбил квенди и нарек их эльдар, что на их собственном наречии означало звездный народ».

Жертвами Мелкора стали и эльфы, самые, пожалуй, возвышенные существа:

«те из квенди, что попали в лапы к Мелкору еще до падения Утумно, были брошены в застенки — там их долго изощренно истязали и в конце концов сломили, а после обратили в рабов; так Мелкор и породил орков, сущих выродков... и сделались они самыми, быть может, мерзкими тварями Мелкора, за что Илуватар возненавидел его пуще прежнего».

Мелкор и правда не мог сотворить ничего путного: он мог только губить. Тот факт, что некоторые из эльфов были обращены в орков, наводит на мысль: а не мог ли кто-то из хоббитов (или их ближайших родственников) стать Горлумом? Во всяком случае, так думал Гэндальф, отчего Фродо бросало в дрожь.

Эльфы делились на несколько племен: эльдар, следовавших за Ороме, валинорских эльфов — их еще называли ваниар, любимцами Мацве, — и авари, которые не пошли за Валар, потому что убоялись Мелкора. Еще один большой народ — нолдор, мыслители и друзья Ауле, как назвал их Толкиен. Важную роль играют и телери — самые многочисленные из эльфов и ближе прочих живущие к воде. Впрочем, для нас важнее нолдор, которых Толкиен называет любимцами Ауле — от него они переняли много знаний. Своими качествами нолдор напоминают гномов:

«Язык свой они то и дело меняли, потому что уж очень любили складывать слова и стремились подыскать более подходящие названия всему, что знали или о чем имели представление... Случилось так, что они первыми обнаружили драгоценные камни... засим они изобрели орудия труда, обработали их и придали им разную форму. Они не берегли их, а распространяли повсюду и трудами своими благодетельствовали весь Валинор».

О подобном умении ловко работать руками и одновременно складывать новые слова упоминается и в «Калевале»: кудесник Вайнемейнен умудряется даже струг сложить из одних лишь песен. И потом, эльфийский язык куда благозвучнее в сравнении с рыкающим орочьим наречием. Достославнейший из нолдор, Феанор, — непревзойденный златоуст и золотых же дел мастер. Однако затмение, помрачившее его душу, и страшный обет, связавший по рукам семерых его сыновей, обернулись бедой для нолдор.

Эльфийские королевства знали благословенные времена:

«То был расцвет Блаженного Края — долгие лета благоденствия и славы, кои в памяти сохранились ненадолго... Нолдор богатели мудростью и талантами, трудились радостно и что ни год придумывали что-нибудь новенькое и расчудесное. Среди прочего нолдор первыми изобрели

письменность...»

Мрачные времена дали о себе знать впервые, когда отец Феанора сочетался вторым браком, негодным сыну; затем — когда был освобожден Мелкор, провозвестивший гибель «великому Валинорскому краю». Мелкор припал к стопам Манве, прося у него прощения. Ульмо и Тулкас не поддались на обман Мелкора; и все же «они глубоко чтили слово Манве, ибо даже защитники власти не могут протестовать».

Тем более примечательно, что Феанор восстанет против Валар и самого могущественного из них — злодея Мелкора. А Мелкор между тем начал разносить повсюду грязные слухи, которые ускорят падение Феанора и нолдор:

«Наветами, кривотолками и подстрекательствами Мелкор заронил злобу в сердца нолдор, и спустя время порожденная им смута привела к гибели Валинора — на том и померкла его вековая слава».

Да и сам свободолюбивый Феанор, влюбленный, подобно неистовому романтику, в неоглядные дали и не желавший расставаться с Сильмариллами, которые он собственноручно огранил, тоже способствовал гибели Блаженного Края, когда отказался пожертвовать хотя бы одним Сильмариллом ради того, чтобы напоить его светом дерева Тельперион и Лаурелин. Валар предали Феанора позору, и тому пришлось отправиться в ссылку. Но

«гибель деревьев не была им горше, нежели падение Феанора, ставшего жертвой самого, пожалуй, презренного из злодеяний Мелкора».

Вместе с Феанором оборвалась цепочка феодальных отношений, связывавших Валар, и воссоединить ее сумеет только Эарендил, «величайший мореход всех времен». С другой стороны, лишились своих прав и наследники Феанора:

«Как и предрекал Мандос, всех Феаноровых потомков стали величать Изгнанниками, ибо верховная власть перешла от их ветви к Финголфиновой, да и к тому же Сильмариллы были утеряны».

Даже над Тургоном, последним правителем нолдор, тяготело заклятие Мандоса. Как сказал Тургону Владыка океанской пучины Ульмо,

«может статься, заклятие нолдор падет и на тебя.. Когда же гибель будет близка, явится к тебе посланник из Невраста — он тебя предостережет, и благодаря ему, невзирая на разруху и пожарища, эльфы и люди вновь обретут надежду».

И надеждой той был, конечно, Эарендил:

«Испросил он милости для нолдор, эльфов и людей и избавления от постигшей их беды».

По большому счету, сюжет «Сильмариллиона» можно истолковать как историю сопротивления феодальному господству, несправедливо признанному незаконным. Мятежниками выступили и Моргот, и Феанор, и его сыновья, связанные проклятым обетом, который под конец вынудит их тоже восстать против Валар, да и всего мира.

Во «Властелине Колец» речь, по сути, идет о том же сопротивлении, правда, на сей раз — таинственному повелителю, господствующему почти над всем Средиземьем. Этот самодержец обладает властью духовной и светской, но он неизвестен, и меч, символ его власти, сломан. Властитель этот — Арагорн, сын Араторна и потомок Исилдура. И третья книга «Властелина Колец» частично посвящена как раз тому, что он мало-помалу собирает под своим началом всех главных героев этой эпопеи.

Однако перед тем знакомые нам хоббиты приносят клятву верности двум старым государям — властителю Мустангрима конунгу Теодену и Верховному Правителю княжества Гондор Денэтору. Обе клятвы почти одинаковы, и дают их два хоббита-воителя, которым суждено прославиться в великой битве, прежде чем они освободят от захватчиков и родную Хоббитанию. Итак, давайте посмотрим, как это было...

Представ перед Денэтором, Пиппин поведал Гондорскому Правителю о последних мгновениях жизни его сына Боромира, павшего в стычке с орками, когда он заслонил грудью хоббитов, то есть самого Пиппина и его родича Мериадока. А затем он прибавил:

««И то сказать, что там какой-то хоббит у трона повелителя людей; подумаешь, невысоклик из северной Хоббитании — ну и пожалуйста, я все равно плачу мой долг: примите мою жизнь». Пин откинул полу плаща, извлек меч из ножен и положил его к ногам Денэтора».

Денэтор, хоть и не ожидал такого, все же принял подношение. Тогда-то Пиппин и дал клятву:

«Сим присягаю верно служить Гондору и государю-наместнику великого княжества, клянусь по слову его молвить и молчать, исполнять и пресекать, являться и ходить — в годину изобилия или нужды, мира или войны, в радостный или же смертный час, отныне и навечно, ежели государь мой не отрешит меня от клятвы, или смерть меня от нее не избавит, или же не рухнет мироздание. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, невысоклик из Хоббитании».

Затем по требованию Денэтора Пиппин рассказывает, как погиб Боромир. Гэндальф одобряет поступок хоббита и говорит, что Денэтор принял его на службу. И лишь благодаря присутствию Пиппина в самую трагическую минуту для Минас-Тирита Фарамир избегнет погребального

костра, куда его пытается увлечь за собой родной отец.

Что до Мерри, он присягает несколько позже. Теоден предлагает Мерри стать его оруженосцем. А Мерри отвечает, что меч у него и так есть. И вдруг,

«тронутый чуть не до слез лаской старого конунга, он внезапно опустился на одно колено, взял его руку и поцеловал. — Конунг Теоден, — воскликнул он, — позволь Мериадоку из Хоббитании присягнуть тебе на верность! Можно, я возложу свой меч тебе на колени? — С радостью позволяю, — отвечивал Теоден и в свою очередь возложил длинные старческие пясти на темно-русую голову хоббита...»

Кроме того, Теодену присягают на верность лешаки, дикий лесной народ, при обстоятельствах, не совсем подходящих для столь торжественного случая. Как уточняет Толкиен, лешаковское племя древнее, а службу Теодену от лица лешаков предлагает их вождь Ганбури-Ган. Он поведет Теоденово войско тайной тропой, которая известна лишь ему одному.

«Однако ристанийцам и в голову не приходило опасаться брюханов-лешаков».

А чуть погода Арагорн повелит трубить в трубы и глашатаи возвестят:

««Внемлите слову Великого Князя Элессара! Друаданский лес отдается навечно во владение Ганбури-Гану и его народу! Отныне без их позволения да не ступит сюда ничья нога!» В ответ прогрехотали и стихли барабаны».

Арагорн торжествует как истинный властелин: он дает обет сохранить в мире порядок и щедро одаривает своих верноподданных, являя всем истинно царские достоинства. Впрочем, достоинства эти традиционны — точно так же описывает их в «Истории британских королей» и Гальфрид Монмутский⁽⁴⁰⁾:

«В ту пору был Артур пятнадцатилетним отроком, но доблесть его и щедрость не знали пределов, и по природной доброте своей был он столь великодушен, что народ возлюбил его всею душой. Будучи уже облеченным властью, завел он для себя обычай оделять верноподданных дарами».

Ибо великодушие есть привилегия королей. А кельты «более всего на свете уважали пышные празднества и пиры...»

Великодушие не таит в себе ни малейшей опасности для властителя, поскольку оно служит залогом благоденствия, к тому же оно обеспечивает властителю беззаветную любовь подданных. Но «истинно и то, — пишет Гальфрид Монмутский, — что природная щедрость и отвага могут

обездолить благородного храбреца, однако ж быть ему в беде суждено недолго».

А в «Ланселоте»⁽⁴¹⁾ один праведник искренне предостерегает Артура от неблагоприятных деяний:

«Великодушие, сам знаешь, ограждает от беды... оно еще никого не доводило до сумы, а жадность многих довела до гибели».

После доблестных побед, пишет Вас⁽⁴²⁾ в романе «Брут», «Артур одарил почестями всех присных своих; так проявил он любовь и широту души своей к тем, кто был того достоин».

Будучи признанным государем, любил он одаривать и придворных и многочисленную свиту.

Но стоило Артуру отступить от благородства, как сподвижники оставили его:

«И вот однажды Артур лишился великодушия. И потерял всякое желание содержать двор свой в довольстве... Завидев же, что благодетельствует он все реже, рыцари стали покидать двор его. Из трехсот семидесяти рыцарей, коих он обыкновенно держал при себе, остались с ним не больше двадцати пяти».

Впрочем, подобный финал есть неизменное следствие любого жизненного цикла. Так золотой век короля Артура пришел в упадок, положив начало проклятым временам. У Толкиена же, к счастью, золотой век с возвращением Арагорна воссиял с новой силой. И Арагорн, под стать величайшим самодержцам, выказывает поистине королевское великодушие, особенно своим сотоварищам по Братству Кольца. Когда он вновь встречает Эомера, тот говорит ему:

«С того дня, как возник ты предо мною в зеленой степной траве, я полюбил тебя, и полюбил навсегда».

Между тем «Арагорн просил Хранителей пока что держаться вместе. — Все на свете кончается, — сказал он, — однако же немного погодите: не все еще кончилось из того, в чем мы с вами были соучастниками...»

Он просит друзей дождаться, когда прорастет побег — отпрыск Древнейшего Валинорского Древа, залог мирского благоденствия и духовного блаженства.

И прозорливый Гэндальф говорит ему:

«Вот оно, твое нынешнее королевство, а станет оно несравненно больше. Третья Эпоха кончилась, наступают иные времена, и тебе суждено определить их начало, сохранив все, что можно сохранить... Все земли,

какие ты видишь, и те, что лежат за ними, заселят люди, ибо настал черед их владычества, а Первенцы Времен рассеются, сгинут или уплывут».

Под Первенцами, как известно из истории, следует понимать первородные феодальные династии. Однако жестокий феодальный мир обречен — не будет потомков у фангорнских онтов, а эльфам придется уйти из Средиземья, оставив по себе воспоминания в другом мире, который тоже был миром Толкиена.

Глава третья

Бестиарий⁽⁴³⁾

Мир Толкиена — это мир, где, выражаясь словами Пифагора, все дано в ощущении. В этом мире даже деревья умеют разговаривать и двигаться; в этом чудном мире птицы служат поверенными чародеям и феям; в этом мире сторожевые псы живут со своими хозяевами, как закадычные друзья. В этом мире люди могут превращаться кто в птицу, кто в медведя, подобно Эльвингу в «Сильмариллионе» или Беорну в «Хоббите». Границы между миром людей и зверей не существует, хотя звери четко поделены на две группы — пернатых и волосатых.

В конце концов, и сами хоббиты ростом со средних размеров зверьков. Ноги у них крепкие, покрытые шерсткой, к тому же они не знают громоздкой обуви. Потребности у хоббитов тоже животные, и они удовлетворяют их по мере сил и возможностей, да и нравы у них диковатые. Хоббитам больше по душе стряпать, нежели читать и писать. Мир Толкиена существовал задолго до того, как нарушился порядок вещей и произошло разделение между людьми и зверьем, людьми и растениями, и в первую очередь — деревьями. Правда, в мире взрослых, полном хитроумных интриг и сложных взаимоотношений, тонко вписанных в яркие, динамичные сюжеты, все эти очеловеченные, да еще разговорчивые звери кажутся чужеродными, лишними. Но это только на первый взгляд.

Как бы то ни было, это мир не только добрых зверей, но и злых, и тоже говорящих. Драконы Глаурунг и Смауг спорят со своими повелителями и врагами, а волколак Драуглин вторит своему господину — зловещему Саурону. Животные олицетворяют мировой порядок с обеих сторон — добра и зла. Вот почему в произведениях Толкиена охотники — большая редкость: в мире, где пернатые и волосатые существа предстают в виде ближайших наших сородичей, охота была бы сродни людоедству. К примеру, Берен вообще не признает ни охоты, ни мяса; Арагорн тоже никогда не охотился, хотя снискал себе прозвище великого Следопыта; хоббиты лишь однажды отведали крольчатины, а так всю дорогу довольствовались путлибами — хлебцами эльфов; да и сами эльфы ни разу не вкушали мясного. Живой плотью, по словам автора, силы зла вскармливают волколаков, драконов и орков.

Ко всему прочему, Толкиен создал и так называемых промежуточных

существ: варгов, гоблинов и троллей — полулюдей–полузверей, ископаемых людоедов. А тот же Мелкор обратил эльфов в проклятых орков (косматых, длинноруких рыкающих тварей), расплодившихся Бог весть каким образом повсюду, в то время как племена избранных — эльфов и людей — не давали такого большого потомства.

Чтобы понять логику, по которой Толкиен составлял свой бестиарий, надо обратиться к нашей собственной исторической памяти. Главное место в своем животном мире Толкиен отвел птицам. Так, Эльвинг превращается в чайку, подобно тому, как обращаются в птиц феи из «Легенд о Граале». В «Сильмариллионе» и «Властелине Колец» не последняя роль отведена Торондору и Ветробой — властителям поднебесных высей, неизменно стоящим на стороне добра. Толкиен основательно прорабатывает величественный символ Повелителя орлов, сделав из этих птиц осведомителей и одновременно непревзойденных ездовых животных. Торондор со своей крылатой братией спасает Берена с Лучизнью, а Ветробой выручает Гэндальфа с хоббитами.

Любовь к пернатым Толкиен выражает при каждом удобном случае: к примеру, когда Горлум (больше похожий на зверька, чем на хоббита, хотя по происхождению он, судя по всему, из тех же невысокликов) облизывается в предвкушении полакомиться птицей, Сэм глядит на него с нескрываемым отвращением. Птица у Толкиена — существо возвышенное, воздушное; птица — посредник между небом и землей. Впрочем, есть у него и пернатые, являющие собой полную противоположность благородным представителям пернатого царства: это назгулы, мерзкие Стервятники, рыщущие за Хранителями Кольца по пятам, денно и нощно.

Что до хищных птиц, в средние века один высокородный вельможа повелел изобразить на фамильном гербе самого себя с соколом на руке. Оно и понятно: ведь сокол издревле символизирует поднебесную власть, небесное начало. Древнеегипетскому богу Гору глазами служили солнце и луна. Египтолог Ги де Терварен писал:

«Когда египтянам было угодно изобразить какое–нибудь божество или выразить величие, падение, превосходство, титул или победу, они неизменно рисовали сокола».

А итальянский культуролог Фулканелли говорил, что, по древним повериям, орлы «олицетворяли силу и легкость ветра...»

В ведической традиции⁽⁴⁴⁾ Гаруда⁽⁴⁵⁾ враждует с нагами⁽⁴⁶⁾, то есть буквально орел противоборствует змеям, дух — материи и низменным человеческим помыслам. Орел и змея фигурируют и у Ницше в «Заратустре». Вместе с тем птичье пение по–латыни называется «carmen»,

что, помимо того, означает заклинание или пророчество. Стало быть, птичий язык — священный: через птиц передается Глас небес. Наконец, птичье пение олицетворяет гармонию возвышенного состояния, какой способен достигнуть далеко не всякий посвященный. Вспомним хотя бы, насколько важно «дыхание» в йоге. О том же говорит и Вольфрам фон Эшенбах⁽⁴⁷⁾, повествуя о своем герое Парцифале:

«Узрела как-то королева-мать,
Что сын ее не сводит глаз с деревьев,
И, затаив дыханье, внемлет птичьим трелям,
А птахи знай себе щебечут без умолку,
Переполюня трепетом отроческую грудь».

Избранник небес Парцифаль — как и Персиваль⁽⁴⁸⁾ — с малых лет прислушивается к языку птиц, божественной «carmen galli»⁽⁴⁹⁾, языку возвышенного душевного состояния — то есть пению ангелов. Вольфрам упоминает дважды и павлина, чье ослепительное оперение сродни роскошеству королевского платья. К тому же павлин олицетворяет облик мира, и не случайно образ павлина стал расхожим в так называемой барочной литературе — например, в «Критиконе» Бальтасара Грасиана⁽⁵⁰⁾. Здесь же небезынтересно вспомнить, что павлин служил ездовым животным, «ваханой», Сканде⁽⁵¹⁾. Таким образом, эта птица неизменно ассоциируется с ратными делами, и потому странствующий рыцарь, поэт-певец Вольфрам прибегает к его образу довольно часто.

В связи с магической символикой птиц можно вспомнить и другие слова упомянутого нами Фулканелли:

«С философской точки зрения, наш Меркурий — птица Гермеса, которую еще называют Гусем, или Лебедем, а иной раз и Фазаном» («Соборные тайны»).

Кроме того, Толкиен обращается и к исконному паническому ужасу перед волками. И как тут не вспомнить зловещий образ волка Фенрира из скандинавских мифов, когда автор «Сильмариллиона» описывает Кархарота: благодаря своей сокрушительной мощи, удвоенной силой Сильмарилла, гложущей его изнутри, тот убивает гончего пса Хуана Валинорского, верного спутника Берена, хотя пес и бессмертен. Волк предстает в виде зверя-разрушителя, наделенного злыми чарами, которые, впрочем, в один прекрасный день окажутся бессильными. Вместе с тем

Толкиен напоминает, что волк из скандинавских мифов существует с начала времен, хотя сам, в конце концов, несет гибель миру.

Интересующие нас повествования пронизаны страхом и перед пресмыкающимися. В «Хоббите» и «Сильмариллионе» ужас наводят драконы. Они тоже наделены злыми чарами и неусыпно сторожат сокровища, а кроме того — мстят добрым героям (как Глаурунг Торину) или издеваются над хрупкими хоббитами (как в «Хоббите»), когда один из них пробирается в драконье логово и похищает золотую чашу с сокровищами. Помимо всего прочего, драконы отличаются словоохотливостью, но к этому мы еще вернемся. А пока запомним, что один из подручных Сарумана, которому велено сломить дух неустрашимого Теодена, зовется Змеиным Жалом, или Гнилоустом: в самом деле, он большой мастак сеять раздоры и смятение в душах. Но Гнилоуст погубит и Сарумана, а перед тем — Лотто, дурачка из хоббитанской деревушки, сыгравшего, однако, не последнюю роль в трагической судьбе всей Хоббитании.

В злобных тварях, созданных автором «Хоббита», ненасытная, всепожирающая сущность проявляется неизменно. Сэм, к примеру, никак не может избавиться от страха, что прожорливый Горлум когда-нибудь его проглотит.

Более того, Толкиен описывает — правда, вскользь — Барлога, ужаснейшую подземную тварь, будто явившуюся из лавкрафтовских кошмаров. С ним схлестнется в священном поединке Гэндальф, перед тем как кануть в Морийскую бездну.

К великому счастью, у Толкиена немало и добрых зверей, как, например, упомянутый Хуан — могущественный полужверь-полубог, бывший спутник Ороме на охоте, сопровождавший и Берена с Лучиэнью, когда они отправились на поиски Сильмарилла. У Хуана трижды спрашивают совета, и трижды же, подобно провидцу, предрекает он участь своим спутникам. Хуан готов на любые жертвы ради главной своей цели — уничтожить проклятые исчадия в их смрадных логовах. Верный Хуан сопровождает Берена до самых врат смерти.

Под стать этому верному псу, всеобщему любимцу (впрочем, Толкиен называет его даже не «псом», а Гончим, подчеркивая лишний раз, что Хуан не обыкновенный пес, как и Берен — не обыкновенный смертный) и кони, благороднейшие спутники человека, и пони, столь же благородные спутники хоббитов. Сэм всем сердцем прикипел к пони, которого выкупил у мерзавца Била Осинника, истязавшего лошадку почему зря, назвал его Биллом, и тот стал ему верным другом. Билл последует за своим

избавителем до самых Врат Мории, но пройти через них не сможет. Тогда Гэндальф, проникшись сочувствием к лошадке, нашепчет ей на ухо заветные слова, чтобы та могла найти обратную дорогу к трактиру «Гарцующий пони».

В том же «Властелине Колец» речь идет и о лошадях. Среди них особенно выделяется несравненный Светозар, «драгоценнейший из королевских жеребцов», принадлежащий старому отважному конунгу Теодену. Светозар — неутомимый боевой конь, способный проскакать без усталости любое расстояние; на таком скакуне Гэндальф успевает оповестить всех героев, дабы те своевременно подготовились к великим свершениям. С другой стороны, верный конь может принести беду. Так, Белогрив, еще один скакун из конюшен Теодена, сраженный в бою, рухнул и придавил насмерть своего седока — великого конунга, будто бы в знак того, что негоже было Теодену разлучаться со Светозаром.

Впрочем, куда более зловещи другие кони — те, что несут на себе Черных Всадников, — возвращенные на Мордорских пастбищах. Кони эти предстают в прямом смысле носителями злых сил, способных подчинить своим пагубным чарам кого угодно: например, превратить эльфов в орков, а благородных скакунов — в верховых лошадей Черных Всадников, охотников за Кольцом.

Ниже мы подробно рассмотрим и других зверей, описанных Толкиеном: олифантов, так полюбившихся Сэму, и воронов с воронами, и лиса, появившегося при забавных обстоятельствах во «Властелине Колец». Но всему свое время.

А пока давайте вспомним самых «милых» созданий Толкиена — Горлума, Шелоб и Унголиант. Толкиен сознательно отвергает символическое значение паука, ткущего паутину судеб. Он делает из него ненасытное чудовище, готовое проглотить кого угодно, — чем не олицетворение всепожирающего начала нынешних времен, оскверненных понятием материализма?

«Паук будет терзать несчастный мир, — писал Толкиен, — до тех пор, покуда не сожрет на своем смрадном пути все и вся».

Другое существо, также терзаемое неумным голодом и буйными страстями, — Горлум, одно из самых удивительных созданий Толкиена, пережившее самое время. Горлум — падший хоббит, некогда живший на болотах у реки, а потом превратившийся в мерзкую скользкую тварь с белесыми глазами и загибающимися лапищами. Он — один из старожиллов Средиземья, но над ним, как и над самим Властелином Колец, тяготеет проклятие Кольца Всевластья. Оно-то, вековое проклятие, и подведет

Горлума к краю бездны, куда он и рухнет безвозвратно. Горлум ослеплен блеском золота больше, чем легендарный дракон Фафнир и бог Один; он бессмертен, или почти, и неутомим (он без усталости следует за хоббитами), но жизнь его от этого не становится лучше. Горлум жалок в своей услужливости: ведь за долгие века полного одиночества, с тех пор как его изгнали сородичи, у него не было друзей, да и вообще ему редко с кем случалось перемолвиться словом. И тут как гром среди ясного неба — встреча с Фродо и Сэмом; первый вроде бы покровительствует ему, а второй втайне боится его и совершенно открыто презирает.

Горлум мог бы, впрочем, полностью отрешиться от тяготеющего над ним бремени рока, если бы, вопреки злой судьбе, не покусился на жизнь ближнего, — однако ж он оказался худшим из злодеев в Средиземье, потому что не стал ни самым хорошим, ни самым плохим, ни ангелом, ни тварью.

Это своеобразное предисловие позволит нам в полной мере оценить строки писателя–ситуациониста⁽⁵²⁾ Рауля Ванейгема, писавшего так:

«Презрение, с каким человек относится к животным или деревьям, которые он губит без всякого зазрения совести, пользуясь своей безграничной властью над ними и выгодой для себя, сродни его презрению к другим людям, и в этом кроется слепая жестокость, порожденная неодолимым стремлением подчинить своей воле все сущее».

В самом деле, в то время, покуда на «фабриках смерти» — скотобойнях миллионами забивают быков, коров и свиней, не худо бы вспомнить о других временах, более милосердных, когда зверье и люди жили в мире и земля являла собой не сплошное минное поле, а цветущий сад, как в воображении Екклесиаста. Ванейгем будто вторит библейскому проповеднику: земля — наш сад. Возделывать ее себе на радость, сообразно с неизменной чередой времен года, которые сродни порам жизни, — вот достойнейшее из всех дел, поскольку именно оно служит нам залогом бессмертия.

А теперь давайте проследим по тексту, начиная с Горлума, как складываются взаимоотношения людей, эльфов и хоббитов со зверями и полузверями, о которых мы упоминали вскользь. Вот как Гэндальф объясняет Фродо, почему Горлум пал так низко: он «вцепился Деагорлу в горло и задушил его. Кольцо было такое чудное и яркое. Он взял кольцо и надел его на палец».

Однако расплата за содеянное зло не заставила себя долго ждать: соплеменники прогнали Горлума, «он поднялся в горы, нашел пещеру... и червем заполз в каменную глубину, надолго исчезнув с лица земли».

Потрясенный Фродо восклицает:

«Ни за что не поверю, что Горлум сродни хоббитам. Быть этого не может!»

Гэндальф же уверяет, что это чистая правда, и в подтверждение своих слов напоминает про знаменитые загадки, которые загадывали друг другу Бильбо с Горлумом, — те самые, что, в конце концов, принесли Бильбо могущество, а с другой стороны, повлияли на судьбу всей Хоббитании.

Потом, когда трое хоббитов двинулись в путь-дорогу, им повстречался уже упоминавшийся лис:

«Лис, который случайно пробежал мимо, замер и принялся. — Хоббиты! — сказал он сам себе. — Вот тебе на! Дела кругом, слышно, чудные, но чтоб хоббит спал в лесу под деревом — да не один, а целых три! Не-ет, тут что-то кроется».

Лис, издревле считавшийся зверем хитроумным, живо смекает, куда держат путь хоббиты, и зачем. Но о дальнейшей его судьбе, как говорится в тех же сказаниях о Граале, история умалчивает.

В дальнейшем хоббитам встречаются твари куда более страшные, и среди них — вороные кони, несущие на себе призраков, служителей Кольца. И тут нельзя не сказать про мордорский зверинец: вот когда «собаки скулят, гуси в ужасе гогочут...», «потому что кони их [Черных Всадников] выращены в Мордоре, чтобы служить вассалам Черного Властелина. Не все его подданные — бесплотные призраки. Ему подвластны и другие существа: орки и тролли, варги и волколаки, даже многие люди — короли и воины — выполняют его лиходейскую волю».

Люди и звери и здесь заодно, вот только союз их приносит одни лишь беды.

Иное дело Светозар: он состоит в другом союзе. Гэндальф, которому только и удалось его приручить и оседлать, отзывается о нем с нескрываемой гордостью: когда Боромир заявляет, что «кони их [мустангримцев] пасутся на северных пастбищах... и так же свободолюбивы, как их хозяева», Гэндальф, возражая ему, отвечает, что «тот конь, которого он себе выбрал, несравним с другими. Он неутомим и быстр как ветер, ему уступают даже кони Назгулов. Ристанийцы называют его Светозаром... днем он похож на серебристую тень, а ночью его невозможно увидеть... Легок его шаг и стремителен бег; до меня на него никто не садился, но я укротил его...»

Нет равных Светозару и в минуту опасности:

«Единственный среди вольных коней, неустрашим он был перед опасностью, и незыблем, как скала...»

В другой раз, когда тучи снова сгустились, раздался «исправный петушиный крик»:

«Он был чист и пронзителен, и не подвластен никаким чарам и невзгодам лихой поры; он приветствовал утреннюю зарю, полыхнувшую в небе, над окутанной черной мглой землей».

Здесь вольная птица символизирует мир, далекий от ужасов войны, о котором Толкиен ведет главное повествование.

Но вот братья по Кольцу замечают в поднебесье несметные птичьи стаи: зловещих воронов и соколов. Прилет их знаменует начало хаоса и потрясений, вызванных по воле Черного Властелина. Другие предвестники грядущих напастей явят себя в обличье волков, правда, не совсем обычных: сраженные стрелами Леголаса и мечами Арагорна и Боромира, они вдруг становятся бесплотными. Нежданное появление птиц и волколаков приносит бурю, что у Толкиена зачастую олицетворяет злые силы, властвующие в поднебесье и повелевающие грозowymi тучами.

Вхождение во Врата Мории — мгновение не менее ужасное:

«Фродо кто-то ухватил за ногу, и он, болезненно вскрикнув, упал... Одна змея... впрочем, нет, не змея, а змеистое, слизистое, зеленое щупальце с пальцами на конце уже выбралось на берег, подкралось к Фродо и, схватив его за ногу, потащило в зловонную пузыристую воду. Сэм, не раздумывая, выхватил меч, рубанул светящееся щупальце, и оно, потускнев, бессильно замерло».

Подобную же тварь, с виду — осьминога, в свое время описал Виктор Гюго в «Тружениках моря». У Толкиена, нежданно-негаданно явившаяся тварь словно предоставляет недремлющему Сэму возможность в очередной раз прийти на выручку своему хозяину.

Однако на этом злоключения братьев по Кольцу не заканчиваются:

«Внезапно... путники увидели исполинскую тень, окутанную космато клубящейся тучей, в ней угадывалась свирепая мощь, внушающая ужас всему живому. У расселины туча на миг замерла, и багровое пламя сейчас же поблекло, будто придушенное завесой дыма. А потом чудовищный союзник орков легко перемахнул раскаленную трещину, и поблекшие было языки пламени приветливо взметнулись вверх, радужно расцветив косматую тучу, сгусток тьмы в туче уплотнился и обрел очертания громадного человека с клинком пламени в правой руке и длинным огненным хлыстом в левой».

То был барлог, увлекший Гэндальфа в черную бездну Мории, к ужасу его спутников (барлог столь же непостижим, как и осьминогаподобная тварь, схватившая за ногу Фродо), — одно из самых омерзительных

чудовищ в бестиарии Толкиена. Эти проклятые чудища обречены вечно скитаться в глубоких подземельях, угрожая бедным путникам. То было последнее грозное явление в первой книге «Властелина Колец». Хотя для отважных братьев по Кольцу напасти на этом не заканчиваются.

В начале 2-го тома Арагорн, Леголас и Гимли осматривают убитых орков.

«Среди мертвецов простерлись четыре крупных гоблина — смуглые, косоглазые, толстоногие, большерукие».

Гоблины служили Саруману, предавшему не только Гэндальфа, но и самого Черного Властелина. Со временем братья поймут, что птицы шпионили за ними с самого начала. Как позднее объяснил хоббитам онт Брегалад, ему тоже не раз случалось сталкиваться с птицами:

«Я люблю птиц, хоть они и болтушки, а уж ягод им хватало с избытком. Однако птицы почему-то стали грубые, злые и жадные, они терзали деревья, отклеывали грозди и разбрасывали никому не нужные ягоды. Явились орки с топорами и срубили мои рябины».

Вот уж, действительно, прямо как у Хичкока: там, где объявились птицы, непременно жди беды. К счастью, после всех мытарств Гэндальф, восставший из бездны, встречается со Светозаром: «Теперь поскачем вместе и уж более не разлучимся до конца дней!»

Таким вот чудесным образом складываются отношения у мага с животным. Они, в конце концов, становятся единым целым: резвый и умный скакун вполне под стать своему хозяину — мудрому и доброму волшебнику.

Между тем Сэм и Фродо, предоставленные самим себе, встречают коварного Горлума, который может запросто уложить их одной лапцей и даже проглотить. Но не тут-то было — чудище вмиг становится как шелковое. При этом оно кажется жалким и омерзительно угодливым, потому что мысль о заветном «сокровище» сводит его с ума, хотя говорить о себе оно будет от третьего лица, впрочем, как обычно:

«Не надо нас обижать! Не позволяй им нас обижать, прелесть! Они ведь нас не обижают, маленькие добренькие хоббитцы?»

Укрощенный Горлум, заметив, что к нему прониклись доверием и воспринимают его всерьез, начинает вести себя по-другому:

«С этой минуты... шипеть и хныкать он стал реже и обращался к спутникам, а не к себе и своей прелести... он был приветлив и жалко угодлив».

Второе важное событие в жизни Горлума (после убийства Деагорла, который был ему единственным другом) случилось чуть погодя.

Вернувшись к двум спящим хоббитам, он «бережно коснулся колена Фродо — так бережно, словно погладил». При этом Толкиен замечает:

«Если бы спящие могли его видеть, в этот миг он показался бы им старым–престарым хоббитом, который заждался смерти, потерял всех друзей и близких и едва–едва помнил свежие луга и звонкие ручьи своей юности, — измученным, жалким, несчастным старцем».

Но после перепалки с Сэмом, и во сне державшим ухо востро, Горлум снова сделался похожим на паука: «Невозвратный миг прошел, словно его и не было».

Горлум заведет хоббитов прямиком в логово Шелоб, к которой мы вернемся в другой главе. Сейчас же напомним про нее лишь то, что «все живое было ее еще не съеденной пищей и тьма была ее блевотиной».

Столь ужасающая прожорливость паучихи служит очевидной метафорой хищности и жадности, обуявших наше жестокое время — время массовой резни и массового же потребления, и вместе с тем очень напоминает следующие строки Рауля Ванейгема:

«Экономике, изменившей мир до неузнаваемости, остается лишь подсчитывать колоссальные потери. Изуродованная, опустошенная природа превратилась в хранилище отбросов — удобоваримую пищу для той же самой экономики. А пожирает она все без разбору — и, в конце концов, сожрет самое себя».

И в «Сильмариллионе» тоже сказано, что Унголиант, прародительница Шелоб, точно так же сожрала сама себя. Ужас, исходящий от паучихи, навеян страхом, который внушали Толкиену человеческая хищность и жадность.

Именно эти пороки руководят Сауроном, а задолго до него был им подвластен Мелкор, возжелавший превзойти своего повелителя и владыку Илуватара.

Но уже не раз упоминавшийся союз человека с конем примиряет нас с миром зверей. Гэндальф, как мы помним, седлает Светозара, а Теоден — Белогрива:

«Белогрив летел далеко впереди. Грозно сиял лик Теодена: видно, в нем возгорелась неистовая отвага предков, и на белом своем коне он был подобен древнему небожителю, великому Ороме в битве Валар с Морготом, на ранней заре Средиземья».

В этих строках Теоден преображается в берсерка⁽⁵³⁾, неустрашимого, безудержного, упивающегося своей несокрушимой силой и волей. Верхом на неотразимом, стремительном скакуне Теоден с размаху рассекает до седла черного знаменосца. Но тут

«Белогрив в ужасе вздыбился, высоко вскинув копыта, протяжно заржал и рухнул на бок, сраженный черным дротиком. Рухнул — и придавил конунга».

И вдруг появляется еще одно страшилище:

«Тяжелой тучей сверху надвинулась тень. О диво! Это была крылатая тварь: птица не птица — чересчур велика и голая, с огромными когтистыми перепончатыми крыльями; гнилой смрад испускала она».

Тварь, похожая на доисторического птерозавра, и впрямь была «исчадьем сгинувшего мира».

«Черный владыка отыскал эту тварь, щедро выкармливал ее падалью, покуда она не стала больше самой огромной птицы».

А появляется эта тварь неспроста: она — самый впечатляющий символ смерти.

В «Сильмариллионе» зверей куда меньше. И самые примечательные из них — Хуан, о котором мы еще поговорим, Глаурунг и паучиха Унголиант. Паучиха эта несравненно больше, чем даже самая лютая зверюга: она самое зло, властвующее над миром тьмы и стремящееся поглотить дневной свет навсегда. Однако в один прекрасный день Унголиант издохла, успев, правда, перед тем погубить своим ядом два Валинорских дерева. А сдохла она так:

«Совокуплялась она со всякой поганью, а потом пожирала ее... Исчадья же ее продолжали плести поганые тенета по всей долине и после нее. Сказывали, будто там же она и закончила дни свои в незапамятные времена, когда, обуреваемая лютым голодом, сожрала самое себя».

Впрочем, другие звери у Толкиена рождаются, что называется, в добрый час, хотя смерть и их не обходит стороной... Так, Хуан «родом был не из Средиземья, а из Блаженного Края, и когда-то в Валиноре Ороме отдал его Келегорму, и тот стал ему добрым другом».

И все же гончий пес Хуан, на редкость сильный и смелый, проклят: оказавшись рядом с Келегормом, одним из семерых сынов Феанора, «он был отягощен проклятием, павшим на нолдор: как говорилось в писаниях, он должен был встретить смерть, но не раньше, чем ему будет суждено схлестнуться с громадным волком — самым огромным на земле».

Но Хуан — пес не простой: проникшись любовью к Лучиэни, «он внимлет каждому ее слову. Хотя говорить словами ему случалось лишь трижды за всю свою жизнь, он, однако же, отлично понимал всех, кто умел разговаривать».

Той же Лучиэни он станет опорой, куда более верной, нежели неловкий Берен: «он смирил гордыню и позволил оседлать себя, как конь,

как иной раз орки седлают волколаков...»

Хуан в пух и прах кромсает Сауруновых волколаков, прежде чем наконец добирается до самого Сауруна. И вот, совершив много подвигов, он предрекает участь Берена и Лучиэни:

«Отныне будешь ты не в силах вызволить Лучиэнь из тени смерти, ибо так угодно судьбе. Ты же властен изменить свою долю... но ежели отступишься, не спасти тебе Лучиэнь — она умрет в одиночестве, или же придется ей тебе в пример бросить вызов судьбе — без всякой надежды, без малейшей уверенности».

Самому же Хуану суждено погибнуть в поединке с волком Кархаротом, ставшим благодаря проглоченному Сильмариллу почти неуязвимым:

«Яд морготский проник в плоть Хуана — рана его оказалась смертельной. Едва доковылял он до Берена, лег подле него и заговорил в третий раз в своей жизни, но лишь затем, чтобы попрощаться. Берен не проронил ни слова — только положил руку на голову Гончему, на том они и простились».

Вот так — строго и скупое — описывает Толкиен одну из самых трагических смертей в «Сильмариллионе».

Надо сказать, что во время скитаний Берена звери всегда выручают его, потому что знают от Лучиэни, понимавшей язык птиц, что он им не враг:

«О мытарствах Берена прознали все звери и птицы, да и Хуан предупредил их держать уши наостро и в случае нужды спешить ему на выручку. И вот Быстрокрыл с братьями-орлами воспарил над Морготским царством, дабы нести дозор из поднебесья...»

Другое страшилище в «Сильмариллионе» — хищный, коварный и словоохотливый Глаурунг, главный враг проклятого воителя Турина: он преследует его без устали, насмехается над ним и строит ему козни. После одной схватки «он вдруг резко обернулся и изрыгнул пламя, обдав им все вокруг... А после сгреб в кучу трофеи и сокровища Фелагунда, забрался с ними в самую глубокую пещеру и затаился на время».

Таким образом, Толкиен делает из дракона, с позволения сказать, классического хранителя сокровищ. Расчетливый и хитрый Глаурунг измывается над Турином, становясь по воле Моргота сущим его проклятием. Их противостояние носит не только психологический и физический характер, но и эсхатологический, то есть определяющий судьбы мира. Дальше мы узнаем, что «Глаурунг прознал, что черный меч находится в Бретиле, и стал замысливать новые злодеяния».

В конце концов, Турин его поверг, обозвав напоследок Морготским червем. Но перед тем как испустить дух, громадный червь успевает поведать Ниенор, что она доводится Турину не только женой, но и сестрой, подвигая таким образом Турина к тому, чтобы наложить на себя руки. И тут угадывается определенное сходство с другой историей кровосмесительной связи — Эдипа. В конце «Сильмариллиона», во время войны Великого Гнева, Эарендил пронзает Анкалагона Черного, громаднейшего из драконов Моргота, и тот низвергается так, что обрушивается гора Тангородрим. И смерть его приближает гибель Моргота.

Особого внимания в этой главе заслуживает повесть «Хоббит». Написана она для детей, и в ней воссоздана поистине волшебная атмосфера, достойная самых лучших сказок, хотя «ужасному» находится место и здесь, иначе Толкиен не был бы Толкиеном. Так, в этой повести он посвящает несколько страниц самым ненавистным ему страшилищам — паукам, с которыми Бильбо выдерживает долгую и упорную схватку:

«Бильбо скакал по поляне и размахивал Жалом [эльфийским мечом], а сотни злющих пауков пялили на него глаза со всех сторон... И тут вдруг пауки отстали и разочарованно поплелись назад, в свою мрачную колонию».

Там же, в «Хоббите», Толкиен описывает, правда, не так подробно, троллей, готовых слопать гномов, спутников Бильбо. Тролли — так называемые промежуточные создания, нечто среднее между каменными истуканами и человекообразными существами; к тому же, они людоеды, а по натуре — сущие звери.

Но куда более страшны волки, сбжавшиеся на поляну, где остановились путники во главе с Гэндальфом, и вынудившие их забраться на деревья в поисках спасения. На самом же деле «это были дикие варги (так называли злобных волков, живших на окраине Диких земель)», и придумал их Толкиен затем, чтобы попугать не только своих героев, но и юных читателей: варги говорят на ужасном наречии и служат подручными у орков, которые разъезжают на них верхом.

В трудную минуту на выручку гномам и Бильбо прилетают орлы. Но, как ни странно, здесь Толкиен не очень-то лестно отзываясь об орлах вообще:

«Орлы — не из добрых птиц. Некоторые из них трусливы и жестоки. Но орлы из древнего племени с Северных гор были крупными птицами, гордыми, могучими и благородными».

Как нередко бывает у Толкиена, северная, то есть нордическая, кровь служит залогом величайшей добродетели, и не только у орлов. Посему

именно северные орлы выручают незадачливых путешественников из переделки и сокрушают орков, которым не достать до их гнездовий, — слишком высоко. Как говорится, долг платежом красен, тем более что дальше мы узнаем, что «Гэндальф, который часто бродил в горах, однажды оказал орлам услугу и залечил рану их повелителя».

Но самое необыкновенное существо в «Хоббите» — Беорн.

«Он — оборотень, он меняет свою шкуру, становится то огромным черным медведем, то громадным черноволосым человеком с большими руками и пышной бородой».

Есть у этого оборотня и другие милые привычки:

«Он держит коров и лошадей, таких же замечательных, как сам. Они на него работают и с ним разговаривают. Он их не режет и не ест, и на других зверей не охотится».

Как и Берен, Беорн — вегетарианец. Этот удивительный суровый герой принадлежит к числу, пожалуй, самых фантастических персонажей Толкиена. Однако не он один очеловечен в повести:

«Собаки умели по желанию вставать на задние лапы и носить предметы в передних... Одна из них [овечек] несла белую скатерть... у других на широких спинах стояли подносы с мисками, тарелками, ножами и деревянными ложками... Пони вкатили в холл круглые, как барабаны, чурбаки...»

При всем том никто в этом своеобразном «Диснейленде» не похож на нас — людей.

Однако путешественникам пора в дорогу, и вскоре они встречают стремительного оленя и пробуют подстрелить его из лука. Но олень, вернее олени, появляются не случайно — и дальше мы читаем:

«Если бы они [гномы с Бильбо] больше знали об этих местах и поразмыслили над тем, что могла означать охота и появление белых оленей, они бы сообразили, что уже подходят к восточному краю леса...»

А так лесная тропа казалась им бесконечной.

Что же касается встречи Бильбо с драконом, тут, сказать по правде, нет ничего особенно примечательного. И тем не менее:

«Огромный красновато-золотистый дракон крепко спал... Под брюхом, лапами и свернутым толстым хвостом на полу лежали груды драгоценностей, обработанное золото, золото в слитках, камни, серебро, на все это падали багровые отсветы, как кровавые пятна... Бильбо... всерьез не представлял себе всего их великолепия, очарования, сверкания и притяжения».

Про сокровища помимо того сказано, что дракон знает их все

наперечет, до последней золотой крупички. Ну а зовут дракона Смауг (от старинного немецкого глагола «скользить»), к тому же в болтливости он ничуть не уступает Глаурунгу. Ему в радость потолковать с Бильбо «по душам» и узнать хоббита поближе:

«Ну же, вот! Я тебя чую и слышу, как ты дышишь. Иди сюда, выбирай, здесь всего много!»

Толкиен даже выставляет Смауга в выгодном свете, и кому-то даже жаль его, когда он погибает. Однако Бильбо «был в ужасной опасности поддаться драконовым чарам... Смауг как личность подавлял его...»

В результате их беседа едва не кончилась плохо для Бильбо, но ему удалось совладать с собой и унести ноги. Со Смаугом покончит Бард, отважный человек из близлежащего городка, и к тому же (не случайно) на редкость благородный.

Гномам и Бильбо еще придется столкнуться с варгами и орками в кровавой битве. А последние среди животных, удостоенные серьезного внимания у Толкиена, — птицы. Сперва на сцене появляется старый дрозд, и это, разумеется, символично, что тут же объясняется так:

«Он очень стар, наверное, последний из тех, которые летали во времена моего [предводителя гномов Торина] отца и деда; они были доброжелательными и совсем ручными, волшебной породы. Может быть, и этот живет лет двести или больше. Жители Дейла научились понимать их язык и посылали их с поручениями в Озерный город и дальше».

Затем прилетают вороны, которые, как указывает автор, весьма различаются меж собой:

«То были вороны! Притом какие-то подозрительные и нахальные... Вороны не такие. Гномы Трора с ними крепко дружили; вороны часто приносили нам тайные вести и получали в награду блестящие украшения для гнезд».

Таким образом, птицы у Толкиена тоже своего рода посвященные — и понять язык их и тайны может далеко не всякий.

Глава четвертая

Герои–воители и женские образы

Толкиен создавал свой мир, живший великими войнами и победами, по образу и подобию того мира, что воспевался в рыцарских романах. У Толкиена битв и правда предостаточно, поскольку в них–то и проявляется истинное величие его героев–воителей. И как тут не вспомнить знаменитые артуровские легенды о доблестных и благородных рыцарях Круглого стола: ведь именно их незабываемые образы, и это очевидно, вдохновляли создателя «Властелина Колец» как, пожалуй, ничто другое.

В этой связи небезынтересно отметить, что специалисты по средневековой литературе, в частности, исследователи артуровских легенд, нередко упускают из виду один весьма примечательный факт — то, что в рыцарских романах сплошь и рядом битвы да ристалища. Но битвы, очевидно, случаются не просто так, а с определенной целью, хотя их так много, что, в конце концов, невольно ловишь себя на мысли: а что, если главная их цель — битва сама по себе, то есть битва, таящая в себе некий символический смысл и благодаря этому превращающаяся в «великую священную войну», которая захватывает всех и каждого, противопоставляя грозному противнику или чудовищу.

Впрочем, такое противоборство, задуманное как своего рода духовное — а также физическое — упражнение, в результате становится делом избранных — касты добродетельных воителей, сиречь рыцарей.

Поиск — тоже удел благородных рыцарей, входящих в воинскую касту, решительно не признающую ни духовенства, ни крестьянства. А поиск для воителя — это и эпопея Силы, и Евангелие; не случайно название древнеиндийской касты воинов–кшатриев происходит от санскритского слова «кшатра», что, среди прочего, означает силу. Только Сила способна открыть рыцарям врата в Царство Грааля. Всем известно, какой силой обладали Ланселот, Гавейн и Персиваль, чья доблесть «неподвластна годам». К тому же, если вспомнить легенду «В поисках святого Грааля», тот же

«Галаад⁽⁵⁴⁾ никогда не уставал от праведных рыцарских дел».

Избранный среди равных, он не ведал усталости и в сражениях, и эта истинно рыцарская добродетель, вкупе с несравненной нравственной чистотой, делает его самым что ни на есть идеальным героем–воином, куда

более совершенным в сравнении с Гавейном, Ланселотом или Персивалем, достойнейшими представителями рыцарского роду-племени. Под стать рыцарям Круглого стола и Арагорн с Эомером: и они в бою не знают усталости.

В Средние века главные социальные группы составляли духовенство и знать — «молельщики» и «ратники». Но по иерархическим меркам священники стояли выше рыцарей; помнит о том и Арагорн, когда просит Гэндальфа, вылитого Мерлина, венчать его на царский престол. Если обратиться к древнеиндийской мифологии, то, по одной ведийской легенде, после того как первочеловека Пурушу, расчленив, принесли в жертву богам, из головы его возникли брахманы — жрецы, а из рук — кшатрии, воины; Арджуна, герой «Махабхараты», по прозвищу Долгорукий воин, подобен Нуаду, герою кельтской мифологии, по прозвищу Серебряная Рука. Сила — неотъемлемое его достоинство. Впрочем, следует отметить, что изначально существовала одна общая каста жрецов и воинов — хамса.

Для большинства так называемых архаических обществ характерно деление на три основных класса — жрецов, воинов и производителей. Подобная «трехфункциональность» — термин, введенный уже упомянутым нами Жоржем Дюмезилем, — свойственная индоевропейским народам, встречается и в «Государстве» Платона. Нус, то есть ум, — качество философов. Тумос, или сила, — достоинство «стражей» Города. А Эпитуметикон, то есть чувство, — свойство ремесленников и простолюдинов. Во «Властелине Колец» первую функцию олицетворяет Гэндальф, вторую — Арагорн, третью — хоббиты, любители хорошо покушать и покурить.

Каково первое достоинство рыцаря? Конечно, красота, которая непременно должна быть под стать силе. Боромира, Фарамира, Эомера и Арагорна превозносят за их величие и красоту. А престарелых властителей — Теодена и Денэтора почитают за благородство. Что до красоты, у

Толкиена в этом смысле вряд ли кто может тягаться с эльфами — рослыми, сероглазыми, белокурыми или черноволосыми.

Все эти качества — наследие Средних веков. Средневековье — время «реалистичное», тогда неразрывна была связь между словом и делом, между обликом и мыслью. Душевное уродство отражалось на лице, точно так же, как красивое лицо служило залогом чести и отваги. Красота связана с молодостью: людей старше 35 лет по тем временам почитали стариками, при том что большую половину тогдашнего народонаселения составляли двадцатилетние, а рыцарские подвиги вершились начиная с 14-15 лет.

Поэтому вряд ли стоит удивляться по-детски безотчетному неистовству средневековых рыцарей. Однако же, это самое неистовство не помешало рыцарям Круглого стола из «Смерти Артура»⁽⁵⁵⁾ достичь канонического возраста, то есть прожить значительно больше 40 лет, что скорее символично, чем реально. Ланселот, к примеру, доживает до восьмидесяти лет, а сам Артур — до ста... У Толкиена возраст не играет такой важной роли, поскольку срок жизни у его героев сам по себе довольно долог: Арагорну, например, в начале «Властелина Колец» восемьдесят семь лет, а между тем он едва достиг зрелости.

У Толкиена герои-воители имеют две отличительные особенности: они, как на подбор, рослые и светловолосые. В их облике явно угадываются нордические корни.

Как писал историк Ле Гофф в своем памятном труде «Цивилизация средневекового запада», «юные герои песен жестов были светлокожие и светлокудрые».

Таковыми «породистыми» чертами, говорившими о принадлежности к нордической крови, обладали все средневековые герои-воины. Да и Толкиен старается подчеркнуть, где только можно, физические достоинства своих героев. Даже хоббиты у него набирают в росте (благодаря чудодейственному онтскому напитку) и русеют.

Красота и сила — обычное дело в мире, где, по словам Робера Делора, «люди по большому счету воспитывались в духовной чистоте, становясь более хрупкими и пылкими, уважали силу и доблесть и всегда были готовы вступить в бой, ибо самая жизнь была для них сражением» («Жизнь в Средние века»).

Другая характерная особенность доблестного рыцаря — родословная, поскольку от нее во многом зависят и красота, и отвага. О значимости родословной у индоевропейских народов говорилось немало. В самом деле, значимость эта была столь велика, что любой бесчестный поступок человека ложился черным пятном на весь его род. Вот почему «боги, которым поклонялись, славились прежде всего своей родословной — предками по той или иной линии, во главе с родоначальником, давшим имя всему роду» (Жан Одри, «Индоевропейские народы»).

Родословной объясняется единство кланов и родов: ведь не случайно сеньор всегда жил в окружении своих родственников и считал недостойным в одиночестве садиться даже за трапезу. В той же родословной кроется и опасность кровной мести, хотя, впрочем, ее значение многие исследователи явно переоценивали, поскольку в действительности то была самая обыкновенная месть. С родословной же

связано и понятие чести, о чем говорит, к примеру, Персиваль:

«Тщедушный король, не смей отныне причислять меня к одной с тобою крови! Еще ни один рыцарь в роду у матушки моей не смел отступить перед другим рыцарем, ты — первый!»

Вот и Толкиен тоже неустанно напоминает о нуменорских корнях Арагорна, равно как и о благородной крови других своих героев. Больше того: Толкиен выражает почтение отпрыскам благородных родов и их родоначальникам, давшим имя всем своим потомкам. Даже у некоторых хоббитов в жилах течет голубая кровь, взять хотя бы Туков, от которых ведет свое родство Пиппин, Бильбо и, конечно же, Фродо.

Ну, а что такое рыцарство?

«Оно представляет собой, — пишет Юлиус Эвола в своем монументальном труде «Протест против современного мира», — некое братство, внетерриториальное и вненациональное, члены которого были преданы священному духу воинства и не присягали в верности никому конкретно, хотя, с одной стороны, они были верны главным этическим принципам — чести, истине, доблести и преданности, а с другой — единой духовной власти, какую может олицетворять только империя».

Главным уделом рыцарства артуровой эпохи, равно как и древних воинов ислама, была «священная война». Идеологом такой войны в западном мире был аббат Бернар де Клерво. На востоке же был провозглашен «джихад», что прежде всего означает «усилие над собой»: ибо ничто не может быть важнее превозмогания самого себя, особенно бремени собственной плоти, — отрешившись от него, только и можно достичь пределов рая, то есть истинно праведной жизни. А вот что по сему поводу писал сам аббат де Клерво:

«Все мы здесь подобны воинам под одним шатром, помышляющим вознестись на небо через жестокосердие»; «существование человека на земле сродни жизни воина».

У Толкиена понятие священной войны неизменно и для нолдор, и для спутников Арагорна. Со злым духом надобно сражаться неустанно, будь то Моргот или Саурон. Так что рыцарям, легендарным воителям и чародеям суждено воевать до полной победы. И отвергать идею священной войны у Толкиена — значит не понимать главную суть его творчества, а суть эта — в извечном противоборстве добра и зла, понятий диаметрально противоположных и совершенно несовместимых.

Между тем, священная война — еще и война внутренняя: она, к примеру, привела к гибели Боромира, оказавшегося менее благородным, нежели его брат Фарамир, более осмотрительный и благоразумный и более

близкий Гэндальфу по духу. Применительно к традиционному миру «внутренняя война» ярче всего описана в «Бхагавад-гите», и происходит она в душе каждого воина:

«Узнав Того, кто над помыслами возобладает, укрепи силу духа своего и рази, о воин, грозного врага своего, имя коему — желание».

Именно такое желание должен побороть в себе и герой Кретьена де Труа Персиваль:

«Лишь одного не приемлет чудодейственный Грааль — чрезмерных желаний... Только поборов себя самого, обрел ты душевный покой».

Необходимо научиться сражаться, не помышляя о «плодах деяний своих», иначе искушение победит и сражение окажется бесполезным. И кара за это ожидает соразмерная: так, Гавейн с Ланселотом из легенды «В поисках святого Грааля» навлекают на себя проклятие, в то время как Галааду, свободному от всяких желаний, удастся укротить клокочущий источник и добраться до Грааля.

Желание порождает все нездоровые помыслы и слабости, способные уstrasшить рыцаря: так, например, в романе «Мерлин»⁽⁵⁶⁾ короля Флуара «внезапно охватил страх... отвага изменила ему, и он пал». Но рыцари Грааля не ищут жалости или пощады. Даже сраженные противником, они не падают духом. Так же ведут себя и герои-воители Толкиена: они умеют совладать с собой, оказавшись в руках врагов или в любой другой час испытаний. Так ведет себя Боромир, пожелавший завладеть Кольцом, тогда как отец его, одержимый горем, находит свою смерть на погребальном костре.

Схватка — вот где проявляется истинная сущность воина:

«Ты же исполняй то, что предначертано тебе, ибо действие превыше бездействия и только в действии сохранится жизнь в плоти твоей» («Бхагавад-гита»).

Ну а что до высшего блага, то, согласно индоарийским представлениям, достигается оно лишь в результате «отрешения ради собранности в действии». Качества, упоминающиеся в беседе Арджуны⁽⁵⁷⁾ с Кришной, хоть и воспевались за тысячи лет до рыцарей Грааля, и совсем в другой части света, тем не менее вполне приемлемы и для них:

«Героизм, неистовство, стойкость, ловкость, храбрость, великодушие, влияние — вот достоинства истинного кшатрия».

Онтологическое⁽⁵⁸⁾ качество кшатриев, пишет Генон, — это «вторая гуна⁽⁵⁹⁾, раджас, эмоциональный порыв, позволяющий осуществить возможности, заключенные в сущности человека» («Духовная власть»).

Отсюда столь подробное описание идеальных рыцарей, наделенных, подобно Галааду, всеми воинскими достоинствами, что порой даже ужасает.

Однако удел рыцаря — не только сражаться. Война — всего лишь способ утвердить или восстановить исходный мировой порядок,

«даровать даме сердца имение, принести мир в иные земли, жениться на деве и посвятить в рыцари своих слуг» (*«Персиваль, или сказание о Граале»*).

В результате победоносной войны новые земли обретает и король. А король ответствен за порядок в мире: так, например, Чакравартин, всемирный ведийский самодержец, «вращает колесо» мира, олицетворяя верховный закон. И теперь понятно нетерпение Арагорна, которому надобно сперва перековать меч Исилдура, прежде чем заявлять о своих правах на престол, дабы, воцарившись на нем, обеспечить мир в своем царстве.

Король служит залогом всемирного равновесия, незыблемым перводвигателем, поддерживающим равновесие и связи в обществе, а также обеспечивающим благосостояние и процветание своего государства. Кроме того, он — народный кормилец, в точности как Людовик XVI, снискавший себе прозвище Булочник. Понятие «король» очень древнее: ведь не случайно английское слово «Lord» (повелитель) одного корня со словом «loaf», что значит «буханка хлеба» (Жан Одри *«Индоевропейские народы»*).

Другой историк, Кристиан Гийонварк, пишет о кельтских королях так:

«Для общества король был скорее верховным судьей, раздатчиком милостей, держателем светской власти и военной... К нему сходились все налоги и подати от вассалов, а от него исходили дары, щедрые и милостивые».

Прибавим к этому, что «у доброго короля и земля плодоносила, и зверье на ней водилось в избытке, да и ратные победы всегда были за ним» (*«Кельты»*).

У Толкиена возвращение Арагорна — возвращение долгожданного государя — чествуется с невиданной пышностью и радушием. Арагорн, как и король Артур, не желает расставаться со своими верными друзьями, собратьями по Кольцу. Однако подобная щедрость выходит хоббитам боком: пока они гостят у новоявленного великодушного самодержца, Саруман успевает опустошить Хоббитанию. Но о величии монарха принято судить по значимости тех, кто его окружает.

Толкиен не раз упоминает, что наружность у Арагорна не самая

привлекательная. Хоббитам он поначалу внушал неприязнь своим скуластым обветренным лицом (недобрый признак у Толкиена), большим ростом и выдавшим виды плащом. А вот как Толкиен представляет Арагорна словами другого своего героя, покуда Боромир «окидывает взглядом выцветший плащ и усталое исхудавшее лицо дунаданца [Арагорна]»:

«Он Арагорн, сын Араторна, отдаленный, но единственный и прямой наследник Исилдура, сына Элендила, властителя крепости Итил. Дунаданцы—северяне, потомки нуменорцев, считают Арагорна своим вождем... но их, к несчастью, осталось не много».

Фродо настороженно относится к Арагорну только поначалу — позже он доверяется ему всецело, почитая его равней самому Гэндальфу. Когда Гэндальф исчезает, во главе Братства Кольца встает Арагорн; он диктует свою волю Боромиру, чей тайный помысел оказывается в том, чтобы доставить Кольцо в крепость Минас-Тирит. Постепенно Толкиен, с присущим ему непостижимым мастерством, возвеличивает Арагорна, отдавая дань его доблести и храбрости, делая из него безупречного героя (пожалуй, даже слишком безупречного в сравнении с тем же Гэндальфом, подверженным приступам то гнева, то смеха, что, впрочем, придает ему человечности).

Величие Арагорна возрастает день ото дня, и ярче всего оно проявляется в чертоге у полуэльфа Элронда, когда тот вручает ему символ верховной власти:

«Эльфы—кузнецы перековали Нарсил [меч Элендила Высокого, могучего короля Большого Народа] и выбили на его клинке эмблему — семь звезд между узким полумесяцем и солнцем, — ибо Арагорн, сын Араторна, прямой потомок королей Нуменора, отправлялся защищать Гондорское княжество... Арагорн дал ему новое имя — Андрил, что значит Возрожденная Молния».

Миф о перекованном мече хорошо известен, и пересказывать его лишний раз мы не станем. Скажем только, что Арагорн постарается всеми силами отстоять свои права на престол. Впрочем, к власти он приходит обычным путем: Арагорн, согласно многим традициям, — властитель тайный, пока никому не известный, однако же его возвращения ждут все, о чем он узнает, нежданно повстречавшись со своим сородичем Гальбарадом Дунаданом, северным Следопытом. Тут он выступает в роли спасителя, от которого зависит судьба его народа, и не только. И не случайно 3-й том «Властелина Колец» так и называется — «Возвращение Государя».

Тем не менее, и Арагорну ничто человеческое не чуждо. Он тоже

выбивается из сил и порой кажется старше своего возраста (когда он встречается с хоббитами, ему 87 лет, но годы не играют у Толкиена особой роли), и сокрушается после тщетной попытки одолеть Карадрасский перевал:

«Ты [Гэндальф] не отказался штурмовать перевал, предупредив меня, что мы можем погибнуть, — и мы едва не замерзли насмерть».

А некоторое время спустя, когда Леголас соглашается исполнять его волю, Арагорн с горечью говорит:

«Не в добрый час выпало мне принимать решение. С тех пор как миновали мы Каменных Гигантов, я делаю промах за промахом».

Больше того: когда Гимли в который раз сетует, что волшебный светильник Галадриэли достался Фродо, а не ему с Арагорном и Леголасом, Арагорн решительно возражает гному:

«Ему было ведомо, кому светильник важнее. Фродо взял на себя самое тяжкое бремя. А мы... Что наша погоня по нынешним грозным временам!»

То же самое и в конце книги: последняя великая битва, по мнению Арагорна и Гэндальфа, всего лишь отвлекающий маневр, потому что истинный подвиг совершают Сэм с Фродо. Уничтожение Кольца Всевластья — необходимое и притом вполне достаточное условие для полной победы над Сауроном, Властелином Мордора. Все остальное, можно сказать, чистая литература. А это три сотни страниц, которые Толкиен посвящает скитаниям Фродо и Сэма у пределов Мордора. Тем более что скитания их куда важнее бушующих поблизости войн. И на самом деле так оно и есть. Вместе с тем, Толкиен не забывает уделить внимание и долгой захватывающей погоне, в которую пускаются Гимли, Леголас и Арагорн, дабы вызволить из орочьего плена своих друзей — Пиппина и Мерри.

Гном Гимли — один из самых ярких, хотя и противоречивых, героев книги. Впрочем, во всей этой истории роль ему уготована второстепенная, но уж если он действует, то всегда решительно. К примеру, в подземельях Мории Гимли служит главным советчиком Гэндальфу, а позже вдруг бросает вызов эльфам и самому Эомеру:

«Гимли поднялся, расставил ноги и стиснул рукоять боевого топора; черные глаза его сверкнули гневом... — Послушай же, Эомер, сын Эомунда, Третий Сенешаль Мустангрима, что скажет тебе Гимли, сын Глоина: впредь остерегайся глупых речей».

И тут из-за Гимли едва не произошла смертельная стычка — благо в дело своевременно вмешался Арагорн. Он куда более хладнокровен, чем Гимли, который всю дорогу только и делает, что сетует да ворчит.

Встреча с Эомером уже сама по себе знаменательна: благодаря ей повествование переходит на новую — более высокую ступень. Доселе священную войну вели только наши странники, и каждый — свою собственную. А после встречи с Эомером война становится в определенном смысле мировой, ибо в нее невольно вовлекаются все обитатели Средиземья. К тому же, Эомер с первой же встречи проникается глубоким почтением к Арагорну, в чем он сам ему признается, когда тот будет коронован. Эомер будто даже очарован Арагорном, а услышав про хоббитов, он весело спрашивает:

«Это коротышки—то из детских песенок и северных побасенок?»

Воитель и мудрец, под стать Фарамиру, с которым судьба сведет хоббитов позднее, Эомер восхищается и Гэндальфом. Однако ж Эомер, как и все люди, считает Гэндальфа недобрый вестником:

«Сколько люди помнят, он всегда появлялся неожиданно: бывало, по многу раз в год, а бывало, пропадал и на десять лет. И всегда приносил тревожные вести — теперь его только горевестником и называют».

Наконец, после долгого разговора Эомер восторженно произносит:

«Все на свете перепуталось. Эльф рука об руку с гномом разгуливают по нашим лугам; они видели Чаровницу Золотолесья — и ничего, остались живы, и снова сверкает меч, сломанный в незапамятные времена, прежде чем наши праотцы появились в Ристании! Как в такие дни поступать и не оступаться?»

Чуть погодя то же самое говорит и главный телохранитель Теодена Гайма:

«Вы словно явились по зову песен из дней давно забытых».

А прибытие конников Ристании и вовсе предстает как стихийное явление:

«Вдруг они общим громом грянули из-за холма, и показался передовой... Длинной серебристой вереницей мчались за ним кольчужные конники, витязи как на подбор».

Дальше Толкиен, влюбленный в нордических героев, продолжает с нескрываемым восторгом:

«Высокие стройные кони с расчесанной гривой, в жемчужно-серых чепраках, помахивали хвостами. И всадники были под стать им, крепкие и горделивые; их соломенно-желтые волосы взлетали из-под шлемов и развевались по ветру; светло и сурово глядели их лица».

Толкиен описывает этих русских гиперборейцев с поистине юношеским восхищением — так, словно те и вправду явились из грез. Тут, надо признать, Толкиен с головой уходит в поэтику мифов о белокурых

голубоглазых воителях. Впрочем, и сам Эомер им под стать: ведь он самый рослый среди своих спутников. Толкиен, как отмечал Хэмфри Карпентер, будучи невысокого роста, всегда восторгался людьми статными. Статью отличают и герои рыцарских романов. К тому же, и они, по словам Кретьена де Труа, «светлокудры и прекрасны».

По прибытии в чертог Теодена четверо искателей приключений (Гэндальф, Гимли, Леголас и Арагорн) встречают самую, пожалуй, прекрасную героиню Толкиена, и красота ее оценивается по достоинству:

«Девушка отправилась назад, но в дверях обернулась. Суров и задумчив был ее взор; на конунга она взглянула с безнадежной грустью. Лицо ее сияло красотой; золотистая коса спускалась до пояса; стройнее березки была она, в белом платье с серебряной опояской; нежнее лилии и тверже стального клинка — кровь конунгов текла в ее жилах».

Разве могла такая красавица не понравиться Арагорну? Она явилась ему «во всей ее холодной, еще не женственной прелести, ясная и строгая, как внешнее утро в морозной дымке». Непорочность будет лежать на Эовин тяжким бременем на протяжении почти всей книги; давят на нее и унижительные слова Гримы (Гнилоуста), и недуг Теодена; но, невзирая ни на что, ее ждет судьба девы-воительницы, валькирии, но никак не мирной хранительницы домашнего очага. Чувственность в ней впервые пробуждает Арагорн, когда она подносит ему кубок вина: он «...принимая кубок, невзначай коснулся затрепетавшей руки».

Нелегко приходится девушке и после того, как Арагорн запрещает ей следовать за ним. Но жить дальше по-прежнему ей невмочь, хотя приходится согласиться со словами Арагорна:

«Настанет время безвестной доблести: никто не узнает о подвигах последних защитников родимого крова».

На это Эовин отвечает, что она боится золоченой клетки, то есть боится «привыкнуть к домашнему заточению, состариться и расстаться с мечтой о великих подвигах».

Хорошо сказано — будто словами сотен поколений рыцарей, для которых невозможность блеснуть отвагой на поле брани сродни страшному увечью и дальнейшему жалкому существованию, то есть жизни без всякого смысла. И тут Эовин чуть приоткрывает свои чувства, поверяя Арагорну, что если и пойдут за ним серые дружинники, то только «потому, что не хотят с тобой разлучаться, потому, что любят тебя».

Эовин переодевается в конника, при виде которого Мерри думает: «Совсем еще юноша, невысокий, худощавый». Затем «он уловил отсвет ясных серых глаз и вздрогнул, внезапно поняв, что в этом лице нет

надежды, что его затеняет смерть».

Но тот же Дерхельм (прозвище Эовин) тайно поведет Мерри, которого не захотели взять в поход, на поле брани, где ему будет суждено прославиться:

«Вот и поедешь со мной. Я посажу тебя впереди, укрою плащом, а там отведем подальше, и еще стемнеет».

Не менее впечатляет и пробуждение воинственного духа у Теодена; старый властитель в мгновение ока, словно по мановению чудесного жезла, избавляется от бремени лет:

«Протяжно запели трубы. Кони вздыбились и заржали. Копья грянули о щиты. Конунг воздел руку, и точно могучий порыв ветра взметнул последнюю рать Ристании: громоносная туча помчалась на запад».

И вот начинается война, а вместе с нею для каждого героя настает время ратных подвигов. Впрочем, Толкиен не уделяет пристального внимания собственно сражениям: они коротки, все свершается быстро, будто на одном дыхании, тем более что его герои явно превосходят в силе и отваге своих многочисленных врагов — орков. Взять хотя бы такой вот пример:

«Двое из них [орков] бесшумно и быстро, в несколько прыжков нагнали отставшего Эомера, подвернулись ему под ноги, оказались сверху и выхватили ятаганы, как вдруг из мрака выпрыгнула никем дотоле не замеченная маленькая черная фигурка. Хрипло прозвучал клич: «Барук Казад! Барук аймену!» — и дважды сверкнул топор. Наземь рухнули два обезглавленных трупа. Остальные орки опрометчиво кинулись врассыпную».

Эомер благодарит Гимли за его храбрость, на что тот, как ни в чем не бывало, отвечает:

«Да это пустяки. Главное дело — почин, а то я от самой Мории своей секирой разве что дрова рубил».

Чуть погодя Гимли даже вступает в соревнование с Леголасом — кто сразит больше орков. Леголас, к примеру, доводит число своих жертв до двух десятков... и все без толку:

«их здесь, — говорит он, — что листьев в лесу». Между тем сеча становится жестокой, «вражьи полчища множились на глазах», «орки по-обезьяньи вспрыгивали с них [осадных лестниц] на зубцы [крепостных стен]».

Затем Гимли с гордостью объявляет, что сразил двадцать одного орка, превзойдя, таким образом, Леголаса. А спустя время он опережает Леголаса еще на одного зарубленного орка; одна беда — секира у него

затупилась...

И все же численность вражьих полчищ до того велика, что Теоден сомневается в исходе битвы:

«Знал бы я, как возросла мощь Изенгарда, не ринулся бы столь опрометчиво мериться с ним силою по первому слову Гэндальфа. Теперь—то его советам и уговорам другая цена, чем под утренним солнцем».

К счастью, Гэндальф возвращается в облике Белого Всадника — под громогласные приветствия всего ристанийского воинства. Но сомнения все сильнее одолевают Теодена: они будто отдаются у него в сердце эхом отчаяния, в которое прежде ввергал его своими пагубными речами Гнилоуст.

Как бы то ни было, впереди героев ждет победа — и добиться ее удастся благодаря нежданному вмешательству, вернее, подмоге онтов во главе с Фангорном—Древнем. Тех самых, про которых Гэндальф позже споет:

«Еще руду не добыли, деревья не ранил топор, Еще были юны подлунные, серебристые выси гор, Колец еще не бывало в те стародавние дни, А по лесам неспешно уже бродили они».

А Мерри потом вспоминает:

«Тогда мне впервые показалось, что за нами движется лес... А это, оказывается, были гворны... вроде бы те же онты, только одеревенелые, во всяком случае, с виду... Сила в них тайная и страшная».

Участие онтов в битве за Изенгард — один из самых достославных подвигов, описанных во «Властелине Колец»: благодаря их отваге и удалось сокрушить полчища орков, подручных Сарумана. Отныне Теоден больше не усомнится в советах Гэндальфа и будет с изумлением взирать на «странный лес». Ибо оттуда и «встала древняя сила, старинные обитатели Средиземья: они бродили по здешним местам, прежде чем зазвенели эльфийские песни...»

Как скажет Теодену Гэндальф, «это всего—навсего пастухи. Они не враги наши, да они нас вовсе и не замечают», хотя и становятся на сторону конунга Теодена. А тот меж тем с грустью замечает, что «...даже если мы победим, все равно много дивного и прекрасного исчезнет, наверное, из жизни Средиземья».

И Гэндальф вторит ему:

«Лиходейство Саурана с корнем выкорчевать не удастся... Но такая уж выпала нам участь».

Интересно, что сказал бы он про наше общество, осквернившее, стубившее на корню многие первозданные места на земле ради своих

корыстных интересов?.. А ведь именно в этом контексте следует понимать войну онтов против Изенгарда, Сарумана и орочьих полчищ: с их стороны это не что иное, как месть злым духам, покусившимся на вековую святыню — природу. И Саруман, губитель деревьев, расплачивается за все сполна: он унижен — Теоден презирает его, а Гэндальф выставляет посмешищем. Ну а пока суд да дело, его решено оставить под надзором онтов.

Здесь история войн на время прерывается, и мы переносимся в Мордор, где Сэм с Фродо встречаются с Фарамиром, братом Боромира. Впрочем, Фарамир доводится ему сводным братом, да и по уму и благородству души он один из самых доблестных воителей в истории о Кольцах. В Фарамире и воинах его Фродо «видел светлокожих, темноволосых и сероглазых мужчин, полных достоинства и суровой печали... они — южные дунаданцы, потомки властителей Заокраинного Запада».

Стало быть, они — сыны древнейшего и благороднейшего из колен. Лицо у Фарамира было «суровое и властное; его устремленные на Фродо серо-стальные глаза глядели остро, пронизательно и задумчиво».

У Фарамира с Фродо будет долгий разговор — из него-то он и поймет, сколько лиха хлебнул хоббит с Боромиром, защищая Кольцо.

«Сердце его [Фродо], однако, чуяло, что Фарамир, с виду очень похожий на брата, осмотрительнее, мудрее и надежнее его».

Затем Фарамир рассказывает Фродо о том, как увидел во сне своего брата мертвым, в каком-то странном, будто эльфийском, облачении... Фродо не удается утаить от пронзительного Фарамира, что у них с Боромиром вышла размолвка, и все из-за великого Проклятия Исилдура. Но предоставим слово самому Фарамиру:

«Не знаю и не ведаю, какое вражеское достояние понадобилось Исилдуру: должно быть, некий могучий гибельный талисман, оружие лиходейства Черного Властелина. И если оно сулит удачу в бою, то наверняка Боромир, гордый, бесстрашный, зачастую безоглядный, жаждущий блеска побед Минас-Тирита и блистания своей воинской славы, неудержимо возжелал этим оружием завладеть».

Да уж, Фарамир и сам обо всем догадывается и так прямо и говорит об этом Сэму и Фродо: ведь он совсем не такой, как Боромир, — он воин куда более осмотрительный и благоразумный:

«Однако же не страшитесь! Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге. Если бы даже Минас-Тирит погибал на моих глазах и я один мог бы его спасти с помощью вражеского колдовского оружия,

возвеличить Гондор и прославиться, то и тогда — нет! Такою ценой не нужны мне ни победы, ни слава, о Фродо, сын Дрого».

Потом Фарамир говорит, что он думает о войне:

«Воевать надо: мы защищаем свою жизнь и честь от убийцы, изувера и разрушителя. Однако не по душе мне ни сверкание острых мечей, ни посвист быстрых стрел, ни слава великого воителя. Все это надобно лишь затем, чтобы оборонить то, что мы обороняем светлый град, воздвигнутый нуменорцами, оплот памяти и хранилище древней мудрости, святилище красоты и светоч живой истины».

Впрочем, мудрый Фарамир не сказал еще своего последнего слова. По его разумению, все Люди давно потеряли надежду; но, «может статься, меч Элендила, если он и вправду заблещет, возродит ее в наших сердцах и срок нашей черной гибели отодвинется, но ненадолго. Разве что явится иная, неведомая подмога — от эльфов иль от людей. Ибо мощь врага растет, а наша слабеет. Народ наш увядает, и за этой осенью весне не бывать».

Размышляя о грядущих сумерках, Фарамир с невозмутимостью мудрого провидца предвидит конец своего Времени и Града и не тщится спасти их любой ценой. Он и правда мудрец, а кое-кто скажет — и фаталист, поскольку Фарамир не желает сворачивать со своего пути. Он напоминает хоббитам, что «злое безумство снедало их [нуменорцев] царства. Одни предались лиходейству и чернокнижию, другие упивались праздностью и роскошью...»

Чуть погодя по одному неосторожному слову Сэма Фарамир поймет, что Проклятье Исилдура все-таки у Фродо. Но он не пожелает его, потому что знает «накрепко: от иной гибели нужно бежать без оглядки». Затем, тихо проговорив, что все, верно, устали, Фарамир желает хоббитам доброй ночи; прощаясь, Сэм говорит ему то же, чем позже его будет попрекать родной отец, — что он во всем похож на мага.

Неприязнь, которую Денэтор питает к своему сыну Фарамиру, сродни его желанию возвеличиться над Гэндальфом, обретя куда большую духовную власть (ведь Фарамир себя считает учеником мага, и этого не скрывает) взамен власти светской, которую олицетворяет Арагорн. Поначалу Денэтор даже сожалеет, что Фарамир не оказался на месте Боромира. В венах Фарамира, как говорит Пиппину Гэндальф, течет истинно нуменорская кровь. Даже Пиппин, самый легкомысленный из хоббитов (и самый юный), угадывает в молодом воителе необыкновенное величие:

«В нем было высокое благородство, напоминавшее Арагорна, ну, может, менее высокое, зато ближе и понятнее: властитель иного склада,

других времен, он все же наследовал и древнюю мудрость, и древнюю скорбь».

Однако Фарамиру то и дело приходится сносить незаслуженные укоры своего отца Денэтора:

«Зачем ты меня об этом спрашиваешь?.. Держишься ты почтительно, однако поступаешь всегда по—своему, не спрашивая моего совета... но я—то видел, что ты глаз неводишь с Митрандира [Гэндальфа]... Давно уж он прибрал тебя к рукам».

Между Денэтором и Гэндальфом едва не вспыхивает ссора, и все из—за несходства между Боромиром и Фарамиром: первый действовал под влиянием своего отца, а второй — мага. Денэтор обращается к Фарамиру с такими словами:

«Я тебя знаю. Ты взял за образец властителей древности и стараешься выглядеть, как они, — величественным и благородным, милостивым и великодушным. Что ж, так и подобает потомку высокого рода, доколе он правит миром. Но в роковую минуту за великодушие можно поплатиться жизнью».

А еще Денэтор говорит, что Боромир был ему добрым, верным сыном, ибо не учился ни у каких магов...

Вскоре Фарамира ранили в бою, и его вынес с поля брани князь Имраил. А тут еще к ране добавились усталость и тревога за отца — в точности как и у Эовин. Не случайно сердца их, в конце концов, соединятся (они даже расцелуются прилюдно — будто вопреки присущей Толкиену застенчивости).

В обличьи Дерхельма Эовин схлестнулась с Черным Главарем назгулов. Черный Всадник обрушил булаву на щит Эовин и разбил его вдребезги, а ей самой сломал руку. Но нанести деве последний удар назгул не успел: Мерри оказался проворнее и вонзил ему под колено меч. Эовин тоже пронзила его мечом — но под мантией и кольчугой оказалось пусто...

«Неистовый вопль стал протяжным, стихающим воем, ветер унес его, и вой захлебнулся вдали, и на земле его больше не слышали».

В этой трагической обстановке воины уподобляются неистовым берсеркам, одержимым поистине звериным духом.

«И войско двинулось, но мустангримцы больше не пели. «Смерть!» — в один голос грянули воины, и конная лавина, устремившись на юг, с грохотом пронеслась мимо убитого конунга».

Битва на Пеленнорской равнине завершается торжественным прибытием Арагорна на вражьем струге:

«На знамени было Белое Древо, как на стягах Гондора, но вокруг его

короны семь звезд, а поверх — венец. Такого знамени, знамени Элендила, уже тысячи лет не видел никто».

Арагорн предстает в ослепительных лучах славы:

«Так явился Арагорн, сын Араторна, Элессар, наследник Элендила; он прошел Стезей Мертвецов и с попутным ветром приплыл в свое княжество Гондор от морских берегов. Ристанийцы заливались радостным смехом и потрясали мечами; в ликующем городе гремели трубы и звонили колокола».

По признанию Толкиена, он плакал, когда писал эту сцену. Тем более что потом воины с ходу бросаются в бой.

«Был среди них Леголас, был Гимли, крутивший секирой, и Гальбарад-знаменосец... Но впереди всех мчался Арагорн — на лбу его сиял алмазом венец Элендила, в руке сверкал меч, нареченный Андрилом: издревле он звался Нарсил, был сломан в бою и теперь, перекованный заново, пламенел грозно, как встарь».

Но Арагорну еще рано почивать на лаврах: его великий целительный дар нужен страждущим — Фарамиру, Эовин и Мерри. Как он успевает заметить, у Эовин и Мерри одинаковые раны: Мерри, «подобно царевне Эовин, поднял руку на смертоносца. Но скоро он придет в себя: он крепок духом, и уныние ему чуждо. Горе его не забудется, но оно не омрачит, а умудрит его».

Мерри и правда быстро очнется и, как истинный хоббит, первым делом сообщит, что он голоден.

А вот с Эовин и Фарамиром, как мог догадаться Арагорн, дело хуже, поскольку раны их давние. Что до Фарамира, то у него «смертельная усталость, душа не на месте из-за отца, а главное — Черная Немочь».

Эовин же, как сказал Эомеру Гэндальф, «осуждена была ухаживать за стариком, которого любила как отца, и видеть, как он впадает в жалкое слабоумие... Ты думаешь, Гнилоуст отравлял только слух Теодена?.. Но кто знает, какие слова повторяла она в одиночестве, в глухие ночные часы, когда вся жизнь ее казалась ей загубленной, а дворец — темницей или золоченой клеткой?»

Итак, решающая битва не за горами, а между тем у Западного Воинства всего-навсего семь тысяч ратников. Хотя, по уверению Гэндальфа, «есть среди нас такие, что стоят доброй тысячи витязей в броне. Думаю, ему [Саурону] будет не до смеха».

Однако же не все воины готовы к последнему сражению:

«Так жутко было в этом безжизненном краю, что многие ратники, обессиленные страхом, не могли ни ехать, ни идти дальше».

И тогда Толкиен, словно возомнив себя Арагорном, подвигает предводителя воинства освободителей к такому решению: он предлагает устранившимся отступить.

«Одних устыдило его суровое милосердие, и они, подавив страх, вернулись в свои дружины; другие же были рады избежать позора, а может, еще и отличиться в бою — те ушли к юго-западу».

И вот подходит время последнего побоища. На переговоры к Арагорну выезжает Подручник Владыки Барад-Дура. И тут же робеет под взглядом Арагорна. И показывает ему и Гэндальфу оружие и платье, отобранные у Фродо и Сэма, якобы в знак того, что те погибли или томятся в мрачных застенках. Но Гэндальф отвергает все условия Черного Посланника. И тогда Саурон обрушивает на освободительную рать силу, раз в десять превосходящую ее собственную, и как всегда — коварно. Тут-то Пиппин и совершает свой ратный подвиг (не столь великий, правда, в сравнении с подвигом Мерри, зато не менее доблестный: он сражает тролля)... а следом за тем поднебесье осеняют орлиные крылья — в ознаменование славы Западного Воинства. Гэндальф первым понял и истолковал это знамение:

«Царствование Саурана кончилось!

Хранитель Кольца исполнил поручение».

И то верно:

«вражеские полчища редуют, великая рать Мордора рассеивается, как пыль на ветру... так разбегались и твари Саурана — орки, тролли и зачарованные звери: одни убивали себя, другие прятались по ямам или с воим пустились наутек, чтобы укрыться в прежнем безбрежном мраке и где-нибудь издохнуть».

И только жалкая горстка самых гнусных мордорцев, «закоренелых в злодействе и неукротимых ненавистников Запада», приготовилась умереть в бою, решив не сдаваться «на милость победителя».

На этом, собственно, история великих битв во «Властелине Колец» заканчивается. Правда, нашим героям-хоббитам еще предстоит освободить от осквернителей Хоббитанию, но это уже совсем другая история. К счастью, вовремя удастся избежать поединка на секирах между Эомером и Гимли из-за прекрасной Галадриэли, которую гном, в конце концов, возлюбил всем сердцем. А что до неустрашимой «валькирии» Эовин, она выжила после своего последнего боя — и стала женой Фарамиру, вручившему Арагорну ключи от Гондорской цитадели. Поступок этот явно пришелся бы не по нраву брату его Боромиру и отцу Денэтору, впрочем, их уже не было среди живых и корить Фарамира за свойственное ему благородство было некому.

Одно из главных отличий войны во «Властелине Колец» от битв в «Сильмариллионе» в том, что в первом случае защитники добра действуют куда более спокойно и размеренно. Они исполнены терпения, в отличие, к примеру, от безудержных нолдор в Битве Бессчетных Слез, чей исступленный натиск предопределил их поражение. Ну а битва Арагорна с союзниками увенчалась победой потому, что они действовали мудрее, нежели эльфы в «Сильмариллионе». Не менее важное отличие, вернее, парадокс, еще и в том, что во «Властелине Колец» Толкиен, словно вопреки самому себе, показывает людей в более выгодном свете, чем тех же эльфов, невзирая на то, что, по словам Гимли, все человеческие усилия на поверку оказываются тщетными.

Часть третья

ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ

Глава первая

Великие посвященные

В произведениях Толкиена немало героев, наделенных невероятными силами. Властители у него соперничают в могуществе с чародеями, гномами, эльфами и прочими необыкновенными персонажами. И все они вполне органично вписываются в классическое повествование; в то же время надо признать, что силы эти играют тем более важную роль, что мы имеем дело с настоящей литературой, хотя и в некотором смысле детской (во всяком случае, в этом признавался и сам Толкиен). С другой стороны, нет ничего странного в том, что в его пограничном, первозданном мире нашлось место чародеям, которого их лишила современность (только отъявленные шарлатаны и дожили до наших злополучных времен).

Между тем творчество Толкиена удачно вписывается — и в этом и есть его успех — в великий процесс переосмысления традиционных наук и возрождения духа золотого века, вступившего в противоборство с нынешним рационалистическим временем. Самые яркие образы великих посвященных представлены во «Властелине Колец»: Арагорн, Гэндальф, Том Бомбадил, Галадриэль. Герои эти наделены великими силами, которые они направляют на борьбу с Сауроном, Черным Властелином Мордора. Гэндальфу суждено достичь совершенства в чародейском искусстве, пройдя через символическое испытание смертью—воскрешением: только так он сумеет противостоять самому могущественному своему противнику.

В то же время другие герои, не наделенные магическими чарами и непосвященные, тоже достигают внутреннего совершенства и, в конце концов, обретают невероятные возможности, хотя и проходят через многие испытания, как, например, Фродо, главный хранитель Кольца, и его верный слуга Сэм. Вполне вероятно, что одна из причин большой популярности книги Толкиена кроется в огромной значимости посвящения, ибо ритуал этот возвращает нас к началу истории человечества и самым чудесным сновидениям детства.

Появление магов связано с возрождением тени Саурана. Вот как это объясняется в «Сильмариллионе»:

«Едва первые тени легли на Темнолесье, явились истари — так люди нарекли магов. Никто не знал, откуда взялись они, кроме разве что Корабела Кирдана, однако ж поведал он о том лишь Элронду да Галадриэли. А явились они из-за моря и были, как говаривали эльфы,

посланниками Западных Властителей, призванными восстать против Саурана, коли тот вернется, и возродить былую доблесть в эльфах, людях и других доброхотных народах. Походили они на людей, хоть и не молодых, зато крепких телом и духом. Бремя лет будто и впрямь почти не коснулось их. Старость явно не спешила к ним...»

К тому же, добавляет Толкиен, был среди магов один, звавшийся Радагастом, — он дружил со зверьем и птицами (опять же — характерное деление на волосатых и пернатых); Саруман с Куруниром частенько навевались к людям (дабы уберечь их от дурного влияния), а Митрандир, он же Гэндальф, хаживал к Элронду и эльфам.

Итак, первый посвященный для неискушенного читателя Толкиена — это, конечно, Гэндальф, зачинатель всех достославных дел своего времени, — по крайней мере, таковым считал его Фарамир. Это он, Гэндальф, внезапно покидает эльфов и пускается на поиски Бильбо, и он же предопределяет нелегкую участь Фродо. Вот каким предстает он в начале «Властелина Колец» перед хоббитами, почитавшими его великим затейником фейерверков и непревзойденным фокусником:

«...волосы Гэндальфа еще побелели, борода и брови отросли, лицо новыми морщинами изрезали заботы, но глаза блестели по-прежнему, и кольца дыма он пускал с обычным смаком и сноровкой».

У Гэндальфа, понятное дело, всегда при себе Магический Жезл — символ посвященного, как у гадалки — колода карт Таро. И тут уместно напомнить, что по-латыни «глупый» означает буквально «тот, кто потерял жезл», а вместе с ним — и силу разума. Гэндальф теряет свой жезл во время схватки с Барлогом — в одном из самых захватывающих эпизодов книги, к которому мы еще вернемся. Однако он теряет его не в ущерб разуму, а словно затем, чтобы подняться на новый уровень Высшего знания. С другой стороны, сломав жезл Саурана, он лишает мудрости бывшего своего учителя, предводителя Белого Магического Ордена.

Для хоббитов же Гэндальф — что строгий отец-воспитатель. Он корит Фродо за безрассудные, неосторожные выходки, а Бильбо — за неумную жадность, потому что тот по собственной воле чуть не стал рабом Кольца Всевластья. Гэндальф несет в себе высшую ответственность, ибо знает силу и возможности всех и каждого, в том числе Саурана. Мы так никогда и не узнаем, ни сколько ему лет, ни то, как он жил и чем занимался в давнем-давнем прошлом. Был ли он когда-нибудь молод, подобно Арагорну, и как объявился в Средиземье в чародейском обличье — действительно ли нежданно-негаданно? А вот как он заводит с Фродо разговор про Кольцо:

«Могущество у него такое, что сломит любого смертного Сломит и овладеет им...»

Будучи первым, кто познал и разгадал зловещую тайну Кольца, он же первым решил и уничтожить его, отделившись от него навеки. В разговоре про Кольцо упоминает Гэндальф и о том, что из-за него сумрак забвения овладел даже самим Саруманом:

«Он великий мудрец — первый среди магов, глава Совета. Много сокровенного открыто ему, но он возгордился своим знанием и вознесся над всеми».

Саруман попытается обратить в свою новую веру и Гэндальфа — но тщетно: Гэндальф Серый предпочтет стать его узником, только не сторонником.

Впрочем, Гэндальф и маг-то не совсем обычный: только он один среди своих собратьев-чародеев водит дружбу с хоббитами, а заодно присматривается к ним. Да он и сам этого не скрывает:

«Изучал их пока один я — и сколько изучал, столько изумлялся».

О его независимом нраве говорится еще в «Сильмариллионе»:

«Не желал он связывать себя верноподданническими узами ни с кем, кроме тех, кто направлял его (а кто именно — узнать нам доподлинно не суждено), да и крова не было у него нигде, как и не было нужды исполнять чью-либо волю»,

С самого начала Гэндальф, неутомимый распорядитель и советчик, неизменно рисковавший навлечь на себя неприязнь убеленных сединами властителей, понял, что Кольцо необходимо истребить:

«Есть только один способ: добраться до Ородруина, Роковой горы, и бросить Кольцо в ее пылающие недра».

Гэндальф нередко предстает в книге в роли вестника — потому-то он и разъезжает верхом на Светозаре, самом быстроногом скакуне: чтобы поспеть везде и всюду, с добрыми ли вестями или дурными. Чаще он появляется как «буревестник» — и там, где в нем есть насущная надобность.

Нелегко приходится Гэндальфу в горах Карадраса, когда Братство Кольца попадает в жестокую метель. Еще раньше он вызывает белопенных всадников, и те, вздыбившись могучими валами, затопляют брод и сметают напрочь Черных Всадников. Но самое серьезное испытание выпадает ему в схватке с Барлогом. Гэндальфу, по его собственному признанию, придется пройти по узкой стезе, что само по себе символично, хотя он уже порядком утомился, потратив силы на то, чтобы сдержать натиск орков с гоблинами. Вот как Толкиен вкратце описывает эту страшную стычку:

«А Гэндальф поднял Магический Жезл и, когда он засверкал, как маленькое солнце, резко, наискось, опустил его вниз, словно бы перечеркивая мост перед Барлогом. Вспыхнул сноп серебристого пламени. Магический Жезл сломался пополам, а мост под Барлогом обрушился в пропасть».

Поединок выигран — Барлог низвержен в бездну. Но, падая, грозное чудище увлекает за собой Гэндальфа, и тот только успевает крикнуть напоследок своим спутникам, чтобы они бежали прочь, пока не поздно. Те думали, что он погиб, до тех пор пока троица доблестных воителей — Леголас (лучник), Гимли (секироносец) и Арагорн (меченосец) не встретились с ним некоторое время спустя. Тогда-то читатель и узнает со слов самого Гэндальфа, какие тяготы и лишения пришлось ему пережить.

Сперва, однако, Гэндальф предупреждает трех своих друзей, которые поначалу его не узнали, что их оружие против него бессильно. Для них он вообще недостижим, ибо во время низвержения в бездну Мории сила его возросла. И тут он разрешает все их сомнения, объявляя себя не кем иным, как Саруманом, или, по крайней мере, тем Саруманом, каким тому надлежало быть, не сойди он с пути истинного познания. Что верно, то верно: Гэндальф уже не тот, что прежде. И все же это он — Гэндальф.

Он рухнул вместе с Барлогом с моста на самое дно Морийской бездны, где до него еще никто не бывал. Там он схлестнулся с подземным чудищем и гнал за ним в мрачных глубинах, где «каменные корневища гор источены безымянными тварями». Так он очутился на Бесконечной Лестнице. На вершине этого «зиккурата»⁽⁶⁰⁾ Гэндальф наконец повергает Барлога и сбрасывает его к подножию горы. Однако на том мытарства его не заканчиваются:

«Но тьма объяла меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима».

Гэндальф попадает в то самое место, где, как гласит либретто Вагнера к его же опере «Парцифаль», сливаются пространство и время. Но Толкиен, в свойственной ему манере, касается свершающегося таинства будто вскользь, блестяще и тонко обрисовывая захватывающее мгновение перерождения и предоставляя читателю самому домыслить, что же случилось с Гэндальфом и что открылось его взору.

«Нагим меня возвратили в мир — ненадолго, до истечения сроков».

Он лишился старого платья — а это означает забвение, гибель его, прежнего. Гэндальф становится сродни дживе⁽⁶¹⁾: он шагнул за грань жизни и смерти, вышел за врата восприятия.

«Я лежал один... Надо мною вершился звездный круговорот, и дни казались мне веками. Я внимал смутному, слитному ропоту земного бытия...»

На выручку Гэндальфу подросел орел Гвайгир, Повелитель Ветров, — он вдруг почувствовал, что маг стал легок, как гусиное перышко, и увидел, как сквозь него просвечивает солнце. Гэндальф в определенном смысле дематериализовался. А некоторое время спустя облачился во все белое и стал вестником Владычицы эльфов Галадриэли, пославшей ему на помощь Гвайгира–Ветробоя: Арагорну он возвестил, что ему тоже суждено пройти через царство мертвых, а Леголасу предрек, что он покинет Средиземье и переберется к морю. Гимли же, едва не обрушивший на него свою секиру, получил завет хранить доблесть; тогда-то гном и обещал: «С Гэндальфом я, конечно, дал маху, но уж в следующий раз рубанем кого надо на славу!»

Есть у Гэндальфа еще одна нелегкая задача — вызвать из тревожного полузабытья конунга Теодена. Войдя к нему в чертог с ясеневым посохом (ясень — священное дерево у скандинавских народов; вспомним хотя бы мировой ясень Иггдрасиль), он пробуждает его и подготавливает к славным делам. Потом Гэндальф наведывается к онтам, заключает с ними союз и таким образом предопределяет поражение Сарумана; а успевает он везде и всюду, напомним, верхом на стремительном Светозаре:

«Светозар летел... едва касаясь земли копытами, и от ужаса перед Белым Всадником враги обезумели...»

Но впереди его ждет куда более великое дело — борьба с Саруманом, падшим самодержцем Изенгарда. Саруман предлагает союз сначала Теодену, но тот отвергает его; затем — Гэндальфу, а тот в ответ только высмеивает его:

«Ах, Саруман, Саруман! Нет, Саруман, ты упустил свой жребий. Быть бы тебе придворным шутом, передразнивать царских советников — и глядишь, имел бы ты под старость лет верный кусок хлеба и колпак с бубенцами».

Потом он уже куда более серьезно требует у Сарумана ключи от крепости Ортханк и его жезл. И тут же сурово прибавляет

«Я тебе не дал разрешения уйти!.. Гляди, я уж не тот Гэндальф Серый, кого ты предал врагам. Я — Гэндальф Белый, отпущенный на поруки смертью! А ты отныне бесцветен, и я изгоняю тебя из ордена и из Светлого Совета».

С этими словами он ломает жезл Сарумана, лишая его самого магической силы.

День ото дня Гэндальф становится все сильнее: как он сам признается,

«близится мое время». Отныне ему под силу противостоять самым грозным исчадиям врага и положить конец всем его злодеяниям. Но он отлично понимает, что полной победы удастся добиться только тогда, когда будет навеки покончено с Кольцом Всевластья — главным источником могущества Саурона. И потому все его могущество, как и силы Арагорна, о котором мы еще поговорим, будет нацелено на то, чтобы сбить врага с толку и дать двум хоббитам время бросить Кольцо в пылающее чрево Ородруина. Он же, Гэндальф, станет во главе воинства и поведет его на последнюю битву, а потом, узнав, что хоббиты справились с трудным делом, отправится их разыскивать на крыльях Гвайгира.

Ну а что же случилось с Саруманом? Когда после победы Галадриэль и Гэндальф встречают его на своем пути, он напутствует их такими словами:

«Вы обречены, вы своими руками погубили себя. В скитаниях я буду тешиться мыслью, что, разрушив мой дом, вы низвергли свой собственный».

Саруман предрекает гибель царству эльфов и то, что вскоре им, а заодно и Гэндальфу, будет суждено покинуть Средиземье и отправиться к Серебристой Гавани. Саруман был очевидцем безуспешной войны, по крайней мере противоречащей закону круговорота жизни. И все же Саруман — один из наиболее примечательных персонажей «Властелина Колец». Он олицетворяет то, что в исламе, по словам Генона, называется «сахером» — получародеем, человеком, свернувшим с долгого пути, что ведет к Высшему знанию. Он — пример посвященного-неудачника. С другой стороны, Саруман в некотором смысле напоминает фашистского главаря, некоего диктатора, убежденного, что лишь ему одному ведомо, как сокрушить силы зла (к примеру, тот же коммунизм, что в данном случае подразумевается само собой) его же собственным оружием.

Другое дело — Том Бомбадил, самый, пожалуй, неподражаемый герой Толкиена, балагур и весельчак, взявшийся невесть откуда, которым восторгается даже сам Гэндальф: не случайно у братьев по Кольцу возникает мысль именно ему отдать на хранение Кольцо, ибо он — сама святая неуязвимость. Так кто же такой Том Бомбадил, которому Толкиен к тому же посвятил целый сборник песен?

«На нем был синий кафтан, и длинная курчавая густая борода заслоняла середину кафтана; лицо — красное, как наливное яблоко, изрезанное смеховыми морщинками. В руке у него был большой лист-поднос, а в нем плавали кувшинки».

А после того, как Том Бомбадил вызволил их из цепких ветвей Старого Вяза, хоббитам уже «казалось, что лесному чародейству нет конца, что от

этого дурного сна не очнуться».

Но если Гэндальф напоминает Мерлина, то Бомбадил — одного из персонажей романа Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь со львом». Впрочем, вот как сам автор описывает своего героя:

«Подойдя поближе к тому селянину, заметил я, что голова у него как у медведя или какого иного зверя лесного: весь косматый, алоб, шириной больше двух пядей, сплошь облезлый».

Чудище это похоже на всех зверей сразу:

«глазищи как у совы, нос как у кошки, пасть волчья, а клыки что у кабана — острые, коричневые...»

Вот он, истый «Повелитель зверей» — дикарь, посредник между зверьем и людьми. Порой жертвенность подобных существ нужна для оживления мира и укрощения сил природы; но в данном случае «Повелитель зверей» всего лишь по-дружески указывает Ивейну дорогу к источнику. Памятуя о символическом значении источника, мы, очевидно, должны обратиться к толкованию магической сущности «дикаря», следуя за рассуждениями Фулканелли в его «Философских храмах»:

«Великий шут есть не кто иной, как мудрец, ибо опорой ему служит Мудрость... Так и дитя природы: он — Просвещенный, озаренный духовным светом и потому прозревший».

Обычный шут, в общем-то, тот же дикарь, наделенный, по мнению Фулканелли, философской мудростью.

И тут Бомбадил очень напоминает повелителя зверей Кретьена де Труа. К тому же, он еще и лесной владыка. Как отзывается о нем его супруга, таинственная красавица Золотинка, «ему подвластны леса и воды, холмы и доли... Том Бомбадил — всем хозяевам хозяин. Он знает наперечет все неведомые тропы, разгуливает по лесу и пляшет на холмах средь бела дня и темной ночи, никто и ни в чем ему не помеха».

Сам Бомбадил тоже говорит о себе загадками:

«Том из древней были: Том, земля и небеса здесь издревле были. Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил — и всегда здесь был он. Все на памяти у Тома: появление Дивных [эльфов], возрождение Смертных [людей], войны, стоны над могилами... Впрочем, это все вчера — смерти и умертвия, ужас Тьмы и Черный Мрак...»

Подобно Древню, Бомбадил — существо первозданное, возникшее в самом начале мироздания; существо, сохранившее в себе великую первородную силу, которой завидует даже Гэндальф. Бомбадил сродни фавну, лесному духу из «In illo tempore» — тех стародавних времен, когда

мир был еще совсем юн. Потому-то он и хранитель леса, дикий дух, защитник природы и мира, каким был он еще до прихода в мир людей.

Напоминает Бомбадил и Зеленого человека, таинственного дикаря, схожего в чем-то с зеленым охотником из «Белоснежки» или зеленым рыцарем, испытывающим сэра Гавейна. Он сродни и духу земли, на которого уповают крестьяне, — духу плодородия. Зеленый цвет — цвет растительного царства, воды и пробуждения жизни. И «зеленый» Бомбадил в определенном, символическом, смысле — то же, что и Робин Гуд, выводящий из Шервудского леса заплутавших путников, или знаменитый исламский святой аль-Хидр, живое воплощение Провидения, указующего путь истинный заблудшим богомольцам. Он заслужил право на бессмертие, омывшись в источнике, и обрел магическую силу, о которой мы еще поговорим.

Помимо всего прочего, Бомбадил еще и певец. И тут небезынтересно вспомнить Нерваля:

«Юные девы водили на лужайке хоровод и пели старинные песни, которые переняли от своих матушек... Я был единственным юношей в их хороводе... И тут приметил я среди них высокую светловолосую красавицу — звали ее Адрианной. С того самого мгновения мною овладел тайный трепет... Адрианна пела одну из своих песен, исполненных печали и любви; то была песнь о разнесчастной принцессе, заключенной в замковую башню по воле отца в наказание за то, что смела полюбить».

Песни — это духовные узы, связывающие нас с прошлым. Старинные песни у Нерваля служат путеводными нитями нашей памяти, протянувшимися в поднебесье времен, давно минувших, где, по выражению Бодлера, расцвела красота.

У Толкиена, коротко говоря, песни подразделяются на три вида: эльфийские баллады — печально-ностальгические, воспевающие стародавние времена и канувших в Лету героев; удалые, жизнерадостные хоббитские песенки, в которых воздается хвала добрым напиткам и знатным яствам и славится развеселая жизнь дружного народца; и, наконец, песня Бомбадилова, воспевающая природу, и таящая в себе некие тайны. Вот, к примеру, какой песенке учит хоббитов Бомбадил, дабы в случае нужды они могли его кликнуть на помощь:

«Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу, Отыщи его в пути, где бы ни бродил он! Догони и приведи из далекой дали! Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!»

Первое появление Тома Бомбадила тоже сопровождается песней и

пляской:

«Поспешайте, малыши! Подступает вечер! Том отправится вперед и засветит свечи».

Песня эта предостерегательно–поучительная:

«Не пугайтесь черных вязов и змеистых веток — Поспешайте без боязни вы за мною следом!»

Разумеется, кому–то песни и стихи Толкиена могут не понравиться. Но не стоит забывать, что большинство из нас читает их в переводе, да и потом английские критики изрядно постарались, чтобы выставить песенно–поэтическую часть творчества Толкиена не в самом выгодном свете. Сам же Толкиен любил напевать разные песенки, к тому же речь у него была довольно скорая, и под конец жизни он многое наговаривал на диктофон. Да, он любил и музыку, и песни, будто следуя пословице: «Всяк поющий творит молитву дважды».

Что же до Бомбадила, то каким бы древним он ни был, ему совсем не одиноко: ведь в своем «медвежьем углу» живет он с красавицей Золотинкой:

«О тростинка стройная! Дочь реки пречистой! Камышинка в озере! Трель струи речистой! О весна, весна и лето, и сестрица света! О капель под звонким ветром и улыбка лета!»

Чуть погода хоббиты услышат чарующее пение самой Золотинки, и Толкиен говорит о нем уже без всяких загадок:

«И сквозь мерный шум дождя откуда–то сверху — наверно, с ближнего холма — послышался голос Золотинки, чистый и переливчатый. Слова уплывали от слуха, но понятно было, что песня ее полнится осенним половодьем, как певучая повесть реки, звенящая всепобеждающей жизнью от горных истоков до морского далекого устья. Подойдя к окну, Фродо очарованно внимал струистому пению и радовался дождливому дню, неожиданной задержке. Надо было идти дальше, надо было спешить — но не сегодня».

Золотинка с Бомбадилом живут в истинно сказочном мире, где речь льется звонкой песней, как было в далекую–далекую Предначальную Эпоху, когда звучала великая музыка, которую играли Айнур с Эру. И хоббиты вдруг представили себе это совершенно отчетливо:

«Их испуганный слух отворила совсем иная повесть — о временах незапамятных и непонятных, когда мир был просторнее и море плескалось у западных берегов, будто совсем рядом; а Том все брел и брел в прошлое, под древними звездами звучал его напев — были тогда эльфы, а больше никого не было».

Теперь—то понятны слова Гэндальфа, которые он произносит почти в самом конце книги:

«Словом, я вас вот-вот покину. Я хочу толком поговорить с Бомбадилом, а то за две тысячи лет как-то не удосужился. Говорят, кому на месте не сидится, тот добра не наживет. Я на месте не сидел, отдыха не знал, а он жил себе и жил в своих лесных угодьях. Вот и посмотрим, сравним: нам есть что рассказать друг другу».

Тот же Гэндальф сказал Элронду, когда тот пожалел было, что не позвал к себе на Совет Бомбадила, «древнего, как море, Безотчего Отца Заповедных Земель»:

«...над ним не властно Кольцо Врага. Йарвен [так эльфы звали Бомбадила] сам себе хозяин и властелин... Он замкнулся в своем Заповедном Крае, очертив зримые лишь ему границы...»

Бомбадил — живое воплощение аристотелева счастья: он принадлежит к числу самодовлеющих личностей. Этот лесной дикарь и его жена—нимфа будто создали себе отдельный сказочный мир в огромном и без того изумительном мире Толкиена. Оттого образ Тома Бомбадила поражает, быть может, даже больше, чем другие, не менее замечательные герои, — и этим он от них, собственно, и отличается.

Наша галерея посвященных была бы не полной, обойди мы вниманием еще одного героя — вернее, героиню. Женские образы тем более восхитительны и во «Властелине Колец», и в «Сильмариллионе», что они редки. В предыдущих главах мы уже упоминали про Лучиэнь, Варду и Йаванну — героинь на редкость сильных. Но во «Властелине Колец» перед нами предстает прекрасная бессмертная эльфийская Владычица Галадриэль, близкая по духу Гэндальфу. Она, подобно Мелиан в Дориате, читает будущее в своих владениях — Лориэне.

Галадриэль прежде всего ясновидящая; высокая, статная златокудркая красавица, она чем-то походила на своего величественного супруга:

«Возраст по лицам Владык не угадывался, и только глаза, глубокие, словно море, но острые, как лучи Вечерней Звезды, говорили об их глубочайшей памяти и опыте древнейших мудрецов Средиземья».

Галадриэль, которую гном Гимли полюбит всем сердцем, едва ли не как истая ревнительница платонизма⁽⁶²⁾, поправляет даже своего царственного супруга Келеборна, когда тот позволяет себе назвать Гэндальфа глупцом, ибо он увлек своих друзей в зловещие недра Мории:

«Гэндальф Серый никогда не совершал безумных поступков, а тем, кого он вел через Морию, были неизвестны все его замыслы».

Галадриэль, оказывается, связывают с Гэндальфом особо

доверительные узы, как и с орлом Гвайгиром, которого она отправляет на выручку попавшему в беду Гэндальфу. Она же внимательно приглядывается ко всем братьям по Кольцу, и особенно к Фродо:

«Потом, словно связывая хранителей воедино, Владычица медленно обвела их взглядом — они не могли пошевелиться, пока она сама не опустила глаза».

Много позднее Галадриэль признается Гэндальфу, что самым слабым звеном в связке, объединившей братьев, был вспыльчивый Боромир, который из-за своей горячности едва не погубил все дело, да и самого Фродо.

Прогуливаясь по дивному Лориэнскому лесу, очарованный Сэм рассказывает Фродо о странных ощущениях, которые он испытал, ступив в сей благодатнейший эльфийский край и сравнив здешних эльфов с тамошними — раздел ьскими:

«Здешние привязаны к своей Благословении вроде как мы с вами к нашей Хоббитании. Они ли переделали по себе свою землю, или она их к себе приспособила, этого я вам сказать не могу, а только их край как раз им под стать. Они ведь не хотят никаких перемен, а тут и захочешь, так ничего не изменишь. У них даже завтра никогда не бывает: просыпаешься утром — опять сегодня... И магии ихней я ни разу не видел...»

Затем Галадриэль подвергает обоих хоббитов испытанию своим магическим зеркалом, словно предвидя, что на их-то плечи и ляжет самое тяжкое бремя, которое не сравнить с тяготами остальных братьев по Кольцу:

«Перед вами Зеркало Владычицы Лориэна. Я привела вас к нему для того, чтобы вы, если у вас достанет решимости, заглянули за грань обыденного зримого».

И что же они в нем увидят? Сэм — грядущие беды для Хоббитании в образе содрогающихся под ударами топора вековых деревьев... Ну а глазам Фродо явилось куда более тревожное видение:

«Но зеркальная чаша вдруг опять почернела — словно черная дыра в бесконечную пустоту, — и, всплыв из тьмы на поверхность зеркала, к Фродо медленно приблизился Глаз... Фродо с ужасом смотрел на Глаз, не в силах вскрикнуть или пошевелиться... Стеклянисто-глянцевое яблоко Глаза... ворочалось в тесной глазнице зеркала, и Фродо, скованный ледящим ужасом, понимал, что Глаз, обшаривая мир, силится разглядеть и Хранителя Кольца... Кольцо, ставшее неимоверно тяжелым, туго натягивало тонкую цепочку, и шея хоббита клонилась вниз... Глаз, постепенно тускнея, утонул, а в зеркале отразились вечерние звезды».

Наконец, Галадриэль сбрасывает маску:

«Не надо пугаться. Но знай — не песни и лютни менестрелей и даже не стрелы эльфийских воинов ограждают Лориэн от Черного Властелина. Ибо, когда он думает об эльфах, мне открываются все его замыслы, и я могу их вовремя обезвредить, а ему в мои мысли проникнуть не удастся».

Могущество царственной Галадриэли и правда столь велико, что с помощью бриллиантового эльфийского Кольца Нэньи она может с легкостью отвратить вездесущее Око Врага. Знает она и о том, что дни ее сочтены:

«И от твоей [Фродо] удачи — или неудачи — зависит судьба Благословенного Края. Ибо, если ты погибнешь в пути, магия Средиземья падет перед лиходейством, а если сумеешь исполнить свой долг, мир подчинится всевластному Времени, а мы уйдем из Благословенного Края или станем, как и вы, смертными, добровольно сдавшись новому властелину, от которого не спасешь даже память о прошлом».

И тут Галадриэль преображается, становясь похожей, как чудится Фродо, на истую Валие:

«Она подняла к небу левую руку, и Кольцо Нэнья вдруг ярко вспыхнуло, и Фродо испуганно отступил назад, ибо увидел ту самую Властительницу, о которой только что говорила Галадриэль, — ослепительно прекрасную и устрашающе грозную».

А уже через мгновение—другое она вновь представляется хоббиту «неизменно юной и вечно прекрасной жительницей давно ушедшего прошлого». Она поняла, что настал и ее черед:

«Я прошла испытание. Я уйду за море и останусь Галадриэлью...»

На прощание Галадриэль делает братьям по Кольцу разные подарки. Сэму, дабы тот не чувствовал себя обделенным, она дарит шкатулку с землей, «благословленной на щедрое плодородие в любых краях Средиземного мира»; и это — помимо личного благословения, которое она дает всем и каждому из братьев. Фродо она преподносит фиал, дабы тот озарял путь его в глухих сумрачных краях, через которые ему суждено пройти. Как провозвестница мира и счастья, прекрасная Галадриэль оделяет истинно рыцарским даром Гимли, а перед тем гном под действием ее чар теряет свойственную ему надменность и, став вдруг на диво кротким и учтивым, обращается к ней с такими словами:

«Я ничего не прошу, Владычица... Если же говорить о несбыточных желаниях... то я пожелал бы получить в подарок прядь волос Владычицы Лориэна. Гномы умеют ценить драгоценности, а в сравнении с твоими волосами, Владычица, золото кажется ржавым железом! Не гневайся — я

ведь ни о чем не прошу...»

Просьба гнома кажется Галадриэли дерзкой и вместе с тем возвышенной, в самом что ни на есть средневековом понимании этого слова, и она отрезает от своих золотых волос локон и передает гному «в память о дружбе с эльфами Лориэна».

И вот путники покидают Лориэн.

«Гимли плакал, ничуть не таясь».

Ибо такое понятие, как память, гном воспринимает совсем иначе, нежели эльфы. Память для него — совсем не то, чего желает сердце:

«Для эльфов прошлое вечно продолжается, и память у них — как живая жизнь; а мы вспоминаем о том, что ушло, и наша память подернута холодком...».

Гном делает важное замечание: по его разумению, для эльфов память что вторая жизнь — та же платоновская возможность возрождаться в воспоминаниях, тогда как для гномов память — то, что кануло безвозвратно. Да и сам Толкиен вслед за тем прибавляет, что ни одному из братьев по Кольцу никогда не будет суждено снова увидеть Лориэн, куда из соображений безопасности их ввели с завязанными глазами.

«Весны и лета давно миновали для нас, — молвит Галадриэль, — и если кому и будет суждено вновь увидеть их на земле, то лишь в воспоминаниях».

Как много позже Гимли скажет Эомеру, плененному красотой Арвен, дочери Элронда и супруги Арагорна, «ты выбрал закатную прелесть, меня же пленила утренняя. И сердце мое говорит, что утро — не наша участь, что мы видим утро в последний раз».

Утро для гнома подобно Востоку — Первородному Краю, о котором ему остается только мечтать, ибо он уже никогда не возродится таким, каким был в благословенные времена, на заре мира.

Последний посвященный, о котором мы поговорим в этой главе, — Арагорн, нуменорский королевич, потомок великого рода. Арагорн тот самый герой, чей титул вынесен в название 3-го тома «Властелина Колец», и не случайно. Арагорн больше чем воитель: он — посвященный кшатрия, государь-чудотворец, человек, презревший смерть и дерзнувший пройти все круги ада, дабы с честью исполнить предначертанное ему судьбой.

Однако сперва Арагорн предстает перед нами отнюдь не в блистательном ореоле, а в обличье Бродяжника, — именно так прозвали его хоббиты-пригоряне. Высокий и смуглый — этого, по словам Толкиена, уже довольно, чтобы вызывать подозрения у всех и каждого. Да и его выдавший виды плащ не внушает доверия хоббитам, особенно Сэму, который то и

дело пытается, пусть и неловко, удержать своего хозяина от общения с больно уж странным, мрачным чужеземцем (кстати, точно так же оплошает он и при встрече с Фарамиром, усомнившись в его добрых намерениях). И только Гэндальф считает его величайшим охотником и Следопытом всех времен. Арагорн, однако, почти всегда выглядит изнуренным и усталым; да он и не скрывает, что стар, хотя с виду и молод По средиземским меркам в то время, о котором идет речь в книге, ему восемьдесят семь лет.

Впрочем, довольно скоро хоббиты узнают все его достоинства. Он на редкость целеустремленный и знает почти все уголки Средиземья как свои пять пальцев. Арагорн спасает жизнь Фродо, залечивая его смертельную рану, ибо он, ко всему прочему, еще и великий целитель. Он один из немногих, кому ведомы живительные свойства растений, в особенности целемы:

«Здесь у нас, на севере, мало кто слышал о целеме — разве что Следопыты. Они ее ищут и находят возле древних стойбищ».

Злоключения, постигшие братьев по Кольцу в начале 2-го тома, в частности после исчезновения Гэндальфа, а также годы и усталость ложатся на плечи Арагорна, казалось бы, непомерным бременем. Но, когда надо, ему достает сил отогнать прочь невзгоды и горести — и преобразиться. Так, принимая прощальный дар от Галадриэли, Арагорн вдруг обретает величие у всех на глазах:

«Он сбросил с плеч, как почудилось Фродо, тяжелый груз многолетних скитаний по самым гибельным Глухومانым землям».

Или вот еще:

«Фродо оглянулся и увидел Бродяжника — однако не сразу его узнал. Ибо перед ним стоял не Бродяжник — усталый скиталец дикого Глухоманья, — а прекрасный, молодой и могучий витязь. Непоколебимо и гордо, с поднятой головою и небрежно откинутым назад капюшоном возвышался он на корме лориэнской лодки... — государь, возвращающийся в свои владения».

Ну а когда на голову ему надевают королевскую корону, его и вовсе трудно узнать:

«Когда же Арагорн поднялся с колен, все замерли, словно впервые узрели его. Он возвышался как древний нуменорский властитель из тех, что приплыли по Морю; казалось, за плечами его несчетные годы, и все же он был во цвете лет; мудростью сияло его чело, могучи были его целительные длани, и свет снизошел на него свыше».

Время Арагорна приходит в 3-м томе книги. Он глядит на ортханский Палантир, обретенный Гнилоустом, и понимает: с ним ему не страшен и

сам Черный Властелин.

«Я... сумел подчинить Камень своей воле... Да... Враг видел меня, но не в том обличье, в каком ты видишь меня сейчас... Он был, по-моему, страшно поражен тем, что я объявился среди живых, ибо доныне он обо мне не знал... И вот как раз когда начинают сбываться его черные замыслы, вдруг он воочию видит наследника Исилдура и тот самый меч: я обнажил перед ним заново откованный клинок».

Арагорн намекает на Андрил — тот самый, что сродни Экскалибуру из легенд об Артуре. Меч этот перековали эльфы Элронда, и носитель его обретает истинно царское величие. Арагорн же как раз и воплощает образ «явившегося властителя», о котором говорится во всех величайших европейских традициях: именно такими властителями были Фридрих Барбаросса⁽⁶³⁾ и Людовик Святой⁽⁶⁴⁾.

В обстановке смутного времени Арагорн у Толкиена предстает как *restitutor orbis terrarum*⁽⁶⁵⁾, которому предначертано свыше покончить с вековым хаосом и Царством Тьмы. В этом и есть его главное предназначение. Арагорн проходит через Сумрачные Врата, и,

«вдохновленные его могучей волей, следовали за ним дунаданцы, а кони их так любили своих хозяев, что не убоялись даже замогильного ужаса, ибо надежны были сердца людей, которые их вели».

Затем все происходит, как в шестой песни «Энеиды» Вергилия:

«Мертвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевелый кустарник. Они следуют за нами».

Обращаясь к проклятым призракам, Арагорн вопрошает:

«Клятвопреступники, зачем вы пришли? — Чтобы исполнить клятву и обрести покой».

Спустившись в недра мироздания, Арагорн исполнил одно из самых главных своих предначертаний. Однако, чтобы стать властителем, как ему было предсказано, в нем должны были признать и чудотворца. Склонившись над умирающим Фарамиром, старая знахарка Иорета причитает:

«Ах, если бы Государь воротился к нам в Гондор — были же когда-то у нас Государи! Есть ведь старинное речение: «В руках Государя целебная сила». Так и распознается истинный Государь», — в точности как и французский король «распознавался» по тому, что излечивал от золотухи.

Позднее Арагорн признается своим друзьям:

«По-древнему я зовусь Элессар, Эльфийский Берилл, и еще

Энвинъятар, Обновитель».

Арагорн подобен владельцу Грааля, чаши из животворно-целительного камня. Он снимает с груди зеленый самоцвет, подарок Галадриэли, подносит его к Фарамиру, дабы исцелить того от ран. Впрочем, врачует он и с помощью чудодейственных листьев целемы. И вот «у всех посветлело на душе: пахнуло росистым утром в том лазурном краю, о котором даже сияние зеленой весны — лишь бледное напоминание».

Таким образом Арагорн исцеляет трех раненых — Фарамира, Эовин (тайно влюбленную в него) и Мерри. Фарамир и Эовин получили ранения не только от врага, но и от самой судьбы, — и только любовь и преданность вернет обоих к жизни.

Вот тогда-то Арагорна действительно признают Государем:

«У входа в Палаты собрались люди — поглядеть на Арагорна, и толпа следовала за ним; когда же он отужинал, его обступили с просьбами вылечить раненых, увечных или тех, кого поразила Черная Немочь... Весь город облетел слух: «Поистине явился Государь». И его нарекли Эльфийским Бериллом, ибо зеленый самоцвет сиял у него на груди. Так и случилось, что предсказанное ему при рождении имя избрал для него сам народ».

Иначе говоря, по словам Эомера, все происходит, точно в сказке, потому что уж больно не походит на явь:

«Люди смотрели на него и думали — неужто приснилось им явление Государя?»

И тут Мерри произносит слова, которые в устах хоббита звучат довольно странно:

«Хорошо, конечно, любить то, что тебе и так дано, с чего-то все начинается, и укорениться надо, благо земля у нас в Хоббитании тучная. Но в жизни-то, оказывается, есть высоты и глубины: какой-нибудь старик садовник про них ведать не ведает, но потому и садовничает, что его оберегают внешние силы и те, кто с ними в согласии».

Впрочем, Мерри, со свойственной ему хоббитской пронизательностью, постиг непостижимое — «глубину» и «высоту» того, ради чего боролись посвященные.

Глава вторая

Странствия, скитания и цели

Средневековый мир пребывал в постоянном движении. В те времена не было ни государственных рубежей, ни территорий в современном понимании. А значит, не было надобности и в паспортах и визах. Да и к чему они в мире, который жил по законам движения и странствий.

Первыми странниками были неутомимые трубадуры и рыцари. Они странствовали в поисках друг друга, как в «Валлийце Персивале» или «Ланселоте», а когда в конце концов находили, то непременно с кем-нибудь сражались, если выпадал случай. Они без усталости преодолевали препятствия, в том числе и неодолимые — Кипящий источник и особенно Гибельный престол возле Круглого стола, на который если кто и мог воссесть, так, пожалуй, только Избранник небес Галаад.

Как отмечал кто-то из хронистов XII века, «неуемной породы нормандцы» блуждали по лесам да большим и малым дорогам. Но были в те времена и отважные купцы и крестьяне, распахивавшие новь (кстати, по-своему — в символическом смысле — распахивали новь и странствующие рыцари), корчевавшие леса под пашни. Наконец, были паломники, ходившие в Компостелу⁽⁶⁶⁾, Рим или Иерусалим, а также их собратья по дальним странствиям рыцари-крестоносцы. Но только избранным из избранных было под силу преодолевать бурные стремнины. В самом деле, «завоевание Великого Мира зачастую представляется в виде мореплавания, потому-то лодка и считалась издревле символом католической церкви» (Ле-Гофф).

Лодка и стала тем самым кораблем, на котором Юлиан Милосердный⁽⁶⁷⁾, подобно новоявленному Христофору⁽⁶⁸⁾, унес Христа.

Странствие несет в себе духовный и символический смысл во всех традициях. Странствия Гильгамеша⁽⁶⁹⁾, Геракла, Синдбада, Ибн Аль-Араби⁽⁷⁰⁾ или Данте — это прежде всего духовные поиски, в которые устремляются истинные искатели приключений — люди в становлении, сильные и энергичные, готовые к преодолению любых препятствий ради достижения своих целей. И все это — своеобразные уровни посвящения, и у каждого из них свое название, например: сошествие в ад, плавание к далеким западным островам (например, к Аваллону⁽⁷¹⁾ — согласно кельтской традиции) или к Северу мира, проникновение в некое

зачарованное место или заколдованный замок, поединок с чудовищем вроде Цербера, стерегущего запретный вход. В мусульманской традиции существует Великий Путь, или шариат⁽⁷²⁾, который проходят все люди, — он выражается в соблюдении пяти основных религиозных правил (молитва, подаяние, паломничество...), — а также тарика⁽⁷³⁾.

Тарика — это «тропа», узкая стезя, по которой могут пройти лишь немногие. Каждая тарика ведет в одно-единственное место, где совершается перерождение «первозданного состояния», выраженное символически в высшем центре — своеобразном Монсальвате, как в музыкальной драме Вагнера «Парцифаль». Очевидное символическое значение заключено и в рыцарских странствиях: ведь каждое из них — то же посвящение. Сетанта, первое имя Кухулина⁽⁷⁴⁾, на бретонском языке значит «бредущий». То же самое означает, правда, по-гречески, и имя кельтского бога войны и красноречия Огмия. А алхимики усматривали определенную связь между «путем, проторенной дорогой... и сурьмяной рудой, или стибиумом... при том что греки называли серноокись природной сурьмы «стиби»; а стибия и есть дорога, путь, стезя, которой идет, к примеру, исследователь или паломник», — пишет Фулканелли в «Философских храмах».

Таким образом, странствие наделено важным смыслом, ибо оно предшествует получению заветного плода поиска. Впрочем, рыцари уже сами по себе были предрасположены к странствиям и скитаниям, одиночным или совместным. В скитаниях же рыцарь проходил различные символические этапы — дремучие леса, полноводные реки и бурные потоки, «острова», туманы, мосты и даже погосты. Об этих-то этапах у нас и пойдет разговор.

Истории Толкиена, какие ни возьми, прославились во многом благодаря походам, блужданиям и описаниям природы диковинных краев. Все это очень напоминает странствия-посвящения, во время которых герои проходят через самые ужасные испытания. Неспешные передвижения в пространстве, суровая природа, штурмы крепостей — все это важнейшие события, которые в определенное время обретают порядок, наделенный особым смыслом. При этом в необходимости странствий ощущается некая тайная воля. Именно она ввергает в труднейшие испытания героев Толкиена — будь то Берен, Бильбо или Фродо, — выводя каждого из них, если угодно, на свою дорогу в Дамаск⁽⁷⁵⁾. Это тем более замечательно, что сам Толкиен никогда не был завзятым путешественником, а если и странствовал, то разве что в воображении. Как мы уже видели, в

традиционной литературе путь–дорога имеет важный символический смысл — она влечет всех странствующих рыцарей, будь то Персиваль или Дон Кихот, вперед и вперед, к некоему посвящению через череду испытаний.

То же самое и с героями Толкиена: Бильбо пускается в путешествие, чтобы отыскать сокровища дракона, Фродо — чтобы раз и навсегда избавиться от проклятого Кольца, а Берен — чтобы снова обрести Сильмариллы, спрятанные в Морготе. Но достичь намеченных целей можно, только пройдя свой путь до конца, причем путь этот приходится описывать подробно и, порой, довольно монотонно. Впрочем, как раз во время своих долгих блужданий Сэм и Фродо начинают мало–помалу постигать своенравную логику истории и причины столь медленного продвижения к цели.

Пространность и, главное, точность описаний у Толкиена не просто удивляет, а поражает: «Остаток дня они карабкались по осыпям. Нашли ущелье, которое вывело их в долину, пролежавшую на юго–восток, в самом подходящем направлении; но под вечер путь им преградил скалистый хребет, выщербленный, на фоне небесной темени, точно обломанная пила. Либо назад, неизвестно куда, либо уж, куда ни шло, вперед».

Выражаясь словами Рембо, редкого писателя можно назвать ясновидцем. Толкиен же не только ясно видит, но и ярко проживает то, о чем пишет со свойственной ему поразительной наблюдательностью. Точность, с какой Бальзак описывал внутреннее убранство домов или парижские улицы, сродни четкости, с какой Толкиен живописует змеящиеся по земле дороги и тропы, уходящие под землю пещеры или вздыбливающиеся на пути героев неодолимые горные кряжи.

А вот другое описание пейзажа, встающего у нас перед глазами с поразительной ясностью. Во время перехода через Ородруин:

«Сэм взглянул налево — и ужаснулся, увидев башню на Кирит–Унголе во всем ее сокрытом могуществе. Рог над гребнем Изгарных [гор] был всего лишь ее верхним отростком, а с востока в ней было три яруса; и ее бастионы, внизу огромные, кверху все уже и уже, обращены были на севере–и юго–восток».

Далее следуют еще несколько страниц описаний, поражающих настолько, что невольно спрашиваешь себя, действительно ли Толкиен видел воочию то, что описывает, или все это вырисовывалось в его воображении. Кстати, о рисунках: Толкиен действительно сделал немало иллюстраций к приключениям своих героев.

Или вот еще пример изумительного описания скитаний у Толкиена:

«В стылый предутренный час они прыгали по мшистым кочкам, а ручей забулькал на последней россыпи каменных обломков и канул в ржавое озерцо. Шелестели и перешептывались сухие камыши, хотя в воздухе не было ни дуновения.

И впереди, и по обе руки простирались в тусклом свете неоглядные топи и хляби. Тяжелые испарения стелились над темными смрадными мочажинами. Их удушливое зловоние стояло в холодном воздухе. Далеко впереди, на юге, высились утесистые стены Мордора, словно черный вал грозowych туч над туманным морем».

Подобная символика пространства, объединяющая дороги и болота, горы и туманные дали, таит в себе важный духовно–нравственный смысл. Продвижение по зловещему Мордорскому краю становится медленным и на редкость тяжким. И краткое тому объяснение приводится в самом начале, когда герои только–только пускаются в долгое странствие:

«Безотрадные это были места, и продвигались они медленно и уныло. Верховой Фродо тоскливо оглядывал понурившихся друзей — даже Бродяжник казался мрачным и угрюмым».

Бродяжник — так обитатели Пригорья окрестили величайшего из Следопытов своего времени, как отзывался о нем Гэндальф. А звание Следопыта в мире Толкиена кое–что да значит: оно сродни титулу посвященного. Бродяжник–Следопыт подобен тому же Персивалю: он будто рожден, чтобы преодолевать всевозможные препятствия и невзгоды. Но порой и ему случается терпеть неудачи на тернистом пути странствий, а заодно с ним — и его спутникам. Так, например, в начале горного перехода им не удалось одолеть перевал: «Карадрас их сломал». Он встретил их снежным бураном и камнепадами, будто гора и впрямь обладала разумом и действовала по чьему–то злодейскому умыслу. Как замечает с горечью Гэндальф, враг далеко простер свою руку. Стоило, однако, путникам повернуть вспять, как, замечает Толкиен, все вокруг резко изменилось:

«Но гора, казалось, и сама успокоилась, как бы удовлетворенная отступлением пришельцев: начавшийся было камнепад иссяк, а тучи, закрывавшие перевал, рассеялись».

Но после тщетного штурма Карадраса братья по Кольцу готовятся спуститься в преисподнюю, в прямом и переносном смысле, — недра Мории. В этом зловещем месте обитают лишь призраки погибших гномов, пытавшихся отстоять в кровопролитной схватке с подземными чудовищами и орками добытые ими сокровища Подгорного царства:

«Дремал в глубинах грозный рок,

Но этого народ не знал -
Ковал оружие он впрок
И песни пел под кровлей скал.
Недвижный мрак крыла простер
Под грузным сводом древних гор,
И в их тени давным-давно
Зеркальное черным-черно;
Но опрокинут в бездну вод —
Короной звездной — небосвод
Как будто ждет он, словно встарь,
Когда проснется первый царь».

Впрочем, не всегда тяжек и тернист путь странников — порой он легок и приятен. Когда они входят в Кветлоризн, их окружают изумительные красоты и безмятежные островки покоя, пока что не тронутые грозной волной неумолимого океана времени. И путникам чудится, будто они попали в мир, которого уже давно нет, где все только еще готовится к пробуждению, в мир, которого еще ни разу не коснулась тень. Тут-то они и открыли для себя истинные *Iosa atomea*, благословенные земли, воспетые многими поэтами задолго до Толкиена. После долгого перехода путники «наконец увидели высокий фонтан, подсвеченный оливково-зелеными фонариками. За фонтаном, на самой вершине холма, рос особенно могучий ясень с матово-серебряной бархатистой корой и шелковой шелестящей золотой листвой...»

Путники взбираются на макушку чудо-дерева, олицетворяющего *Axis mundi* — Ось мира, соединяющую людей и небеса, или, в данном случае — эльфов с их богами. Затем Фродо попадает в овальный зал:

«...с изумрудным полом, лазоревым потолком и бирюзовыми стенами, зал казался драгоценным камнем, внутри которого застыло мгновение вечно длящейся волшебной жизни»

Среди этой возвышенной, в прямом и переносном смысле, обстановки возникает мир поистине сказочный, но легко уязвимый, обреченный на гибель после ухода эльфов в Серебристую Гавань. Мир этот словно из какой-то волшебной географии, о которой сохранились лишь ностальгические воспоминания. Так что география Толкиена тоже исполнена символики: деревья, цветы, леса, дороги и тропы, горы и ущелья — все это составляющие духовного мира, внутреннего красочного зрелища, которое захватывает читателя, увлекая его за собой, как если бы

он и сам был неутомимым путешественником. И удача Толкиена как раз в том и заключается, что он обращает читателя в очарованного странника, непосредственного участника одного из самых невероятных путешествий— посвящений в истории литературы.

Толкиена вряд ли можно считать британцем по духу; любовь к водным просторам, особенно к морю, выдает в нем чистокровного англосакса, хотя он не был ни великим путешественником, ни мореплавателем. Но именно на морских просторах суждено снискать себе славу самому, пожалуй, значительному и знаменитому герою Толкиена — Эарендилу, получеловеку—полуэльфу, заслужившему прощение Валар за неблагоприятные дела людей, из—за которых все обитатели Средиземья оказались ввергнутыми в войну Великого Гнева, истинно священную войну против Моргота, всемирного Черного Врага.

Любовь к морю, озерам и рекам проходит через все творчество Толкиена, хотя наиболее ярко и определенно она выражена и обоснована в «Сильмариллионе», особенно в описании бога вод Ульмо, чье могущество «первое после Манве, главного Властителя, Владыки мира и Повелителя всех обитателей его».

Толкиен сразу обращает внимание на то, что Ульмо одинок, как одинока судьба самого автора, да и всей Великобритании. Одиночество даже являет собой одну из его сущностей:

«Он редко бывал на Совете Валар, ибо мысль его и без того могла объять всю Арду целиком, да и в крове ему не было никакой надобности»

Ульмо бестелесен, однако же в воинственном обличе своем он грозен, «точно громадный вал, готовый того и гляди обрушиться на берег; чело его венчает черный шлем, отороченный пеною морской и кольчужным воротом, искрящимся серебром». «Глас его гулок, подобен рокоту, исходящему из самой бездны океана, который лишь он один и созерцает».

Между тем, Ульмо отведена роль куда более важная, чем другим Валар:

«Любит он и эльфов, и людей и никогда не оставлял ни тех, ни других».

И все же Ульмо больше помогает советами эльфам; он же упреждает Тургона, дабы тот озаботился судьбой Гондолина. Ульмо олицетворяет спасение, грядущее с запада, откуда, если допустить подобную аналогию, пришло оно однажды для Западной Европы, в частности для Великобритании, во время двух мировых войн, чему Толкиен был непосредственным или косвенным свидетелем.

У Ульмо всегда под рукой огромные рога из белого перламутра,

Улумури, и трубный их глас разносится повсюду, навевая воспоминания о былом. Говоря об Ульмо, нельзя не вспомнить знаменитую строку Бодлера:

«Свободный человек, всегда любить ты будешь море!...»

Толкиен при каждом удобном случае вспоминает море и музыку вод, которой внемлют и люди, и эльфы. Необоримый зов моря и ускорил исход эльфов из Средиземья. Тот же самый зов венчает и эпопею братьев по Кольцу.

Впрочем, Ульмо повелевает не только морем, но и озерами и реками, играя воистину всеобъемлющую роль в судьбе обитателей Арды.

«Ибо моря, озера, реки, источники и ручьи — все ему подвластно, и не случайно эльфы говорят, будто дух Ульмо струится в жилах мироздания»

Ульмо в некотором смысле управляет нервной системой Арды, через которую проходят все импульсы от земных раздражителей:

«Ему, сокрытому в глубинах вод, ведомы, однако, все нужды и горести Арды — от него-то про них и узнает великий Манве».

Ульмо своего рода единственный *deus non otiosus* — единственный истинно деятельный бог: он, не ведая покоя, вбирает в себя вести от всех водных источников, оказываясь, таким образом, самым близким к эльфам и людям среди богов. В 3-м томе «Властелина Колец» наследник древнейшего королевского рода Арагорн приносит своим сподвижникам благую весть о победе на воде. Не менее захватывает воображение и спуск братьев по Кольцу в лодках по широкому величавому Андуину, несущему свои воды в Мордор (и в Минас-Тирит).

Так что не будет преувеличением сказать, что великая борьба во «Властелине Колец» разворачивается на фоне неоглядного водного пространства. Вода служит символом чистоты, радости и здоровья — если она струится по эльфийским землям. Но хрустальные источники вод могут в мгновение ока превратиться в затхлые болота, как это в недобрый час случилось с ручьями, реками и озерами Хоббитании. Впрочем, и в загрязнении хоббитанских водоемов Саруманом и его приспешниками есть нечто духовно-символическое: ведь по-латыни «загрязнение» означает засорение разума дурными видениями и мыслями. И коварство, и контр-посвящение через осквернение чистых водных источников есть одно из тяжких испытаний, через которое тоже нужно пройти. И первое, за что берутся четверо хоббитов по возвращении в родные края, — это очищение водных источников от занесенной скверны. То же самое и в зловещем Мордоре: Сэм с Фродо остерегаются пить тамошнюю воду, дабы не отравиться, памятуя о том, что даже мерзкие орки, не брезгающие никакой падалью, мрут от нее как мухи.

Одно из величайших странствий, о которых поведал нам Толкиен, — это поход нолдор на северно главе с Феанором. Поначалу это «великое переселение» напоминает об Исходе сынов Израилевых в Землю обетованную под водительством Моисея или о миграциях северных народов. Переселение это стало причиной немилости Валар, ввергшей Феанора в исступленную ярость: с этим он никак не мог примириться. И вот он, подобно Моисею, говорит:

«Останемся ли мы здесь сидеть сложа руки, чтобы засим обратиться в призраков и витать среди туманов, проливая напрасные слезы в остывшее море? Или же тронемся в путь и вновь обретем землю родную?.. Ну же! И да останутся в граде сем лишь слабые духом!»

Сияясь поднять нолдор, он будто вторит Ницше:

«Какая славная цель зовет нас вперед, хоть путь к ней долог и тернист! Сорвите же с себя оковы нерешимости! Распрощайтесь с легкой долей! С бессильными распрощайтесь! И с благами прошлыми! Ибо все богатства обретем мы сызнова...»

В исступленном восторге сбившегося с пути истинного воителя Феанор произносит страшную клятву, но перед тем, сияясь поднять дух воинства своего, он изрекает:

«Путь наш лежит, куда не ходил и Ороме, и стойкости нашей позавидует даже Тулкас: мы не прекратим охоты. К Моргогу, на край света — вот куда лежит наш путь! И попутчиками нам будут гнев и борьба, но мы все превозможем и победим, и Сильмариллы снова будут наши. И тогда станем мы единоличными владельцами чистого неугасимого светоча и властителями Арды и будем возрождать радость и красоту. И никаким чужеземцам уже не быть нашими гонителями!»

Наконец, после пламенной речи своего предводителя, нолдор очертя голову пускаются в великий поход; хотя они и разделились в пути, всем им, однако, не терпится увидеть «новые, неведомые земли». И все же что двигало нолдор? Вероятно, утрата бывшего status quo⁽⁷⁶⁾: ибо для них она была горше потери Сильмариллов и важнее ненависти к Морготу. В Валиноре нолдор жили счастливо и в достатке. Но, как объявил Феанор своему народу и вестнику Манве, «через бури и невзгоды обретем мы счастье или, по крайней мере, свободу». Подобная демоническая или прометеевская страсть к свободе и предопределяет участь охваченных фанатизмом народов, ибо вверить свою судьбу пророку — легче легкого. И уж кому-кому, а нам с вами это хорошо известно: ведь в нашем прошлом, в XX веке, лжемессий и лжепророков хватало, и мы отлично помним, во что они в конце концов ввергли мир.

Так и здесь, в братоубийственной войне, разразившейся в Алквалонде, нолдор столкнулись со своими былыми друзьями — телери, морскими эльфами, а потом для нолдор ужасающим бременем стало Северное пророчество, обещавшее им страшные беды среди снегов и льдов. В перерождении Феанора Валар усматривают худшее из деяний Моргота. Исстхпленная ярость уходит из Феанора вместе с жизнью, и тело его тотчас сжимается в комок, потому что кроме гнева в нем уже ничего не оставалось.

Пути героев Толкиена пролегают большей частью через глухие лесные чащобы. Лес для Толкиена — это целый народ: деревья подобны людям, живым существам, притом говорящим. Деревья — истинные светочи, дивные, творения, наделенные первородной магической силой, которая нередко служит во благо людям и эльфам.

И самый знаменитый из этих духовных древесных героев, конечно, Древень, он же Фангорн. Он — один из самых древних обитателей Средиземья — во всяком случае, во «Властелине Колец». Он — Повелитель онтов, наделенных тайной всесокрушающей силой, и, раз ожив, сила эта сметет Сарумана вместе с подручными ему полчищами орков. Фангорн, древний лес, подобно легендарному Мирквуду (Темнолесью), слышит живым и подвижным, а порой и враждебным. И в этом смысле Толкиен словно воссоздает знаменитую сцену из шекспировского «Макбета», когда главный герой — Макбет вдруг видит, как на него надвигается Дунсинанский лес, чтобы уничтожить. Впрочем, Толкиен, сказать по чести, не любил Шекспира, да и упомянутая сцена в «Макбете» ему не нравилась. Сам же Шекспир создал ее под явным влиянием кельтской легенды «Кад Годно» — «Битва деревьев». Известные кельтологи Кристиан Гийонварк и Франсуаза Леру приводят в этой связи следующий отрывок из кельтского эпоса:

«Дуб — несравненный быстроход:
Ввергает в трепет он земную твердь и небосвод,
Отвага же его стеной встает перед врагами,
Опорой нерушимой кличет его всяк, кто с нами».

А вот как описывает своих героев-онтов Толкиен:

«Они были разные, как деревья одной породы, но разного возраста и по-разному возросшие, или совсем уж несхожие, как бук и береза, дуб и ель. Были старые онты, бородатые и заскорузлые, точно могучие

многовековые деревья (и все же по виду намного моложе Древня), были статные и благообразные пожилые исполины, но ни одного молодого, никакой поросли».

До поры до времени таинственный онтский народец пребывал в вековой спячке, оставаясь безучастным к судьбам прочих обитателей Средиземья, в том числе и братьев–скитальцев по Кольцу. По словам того же Древня, кое–кто из онтов «совсем уж одеревенел» (вот вам образ, вполне достойный многих наших «переродившихся» современников); да и потом, с уходом онтиц они, говорит Древень, просто «сгинули» — онтское племя оказалось обреченным на вымирание. Словом, перед нами — своеобразное безмятежное монашеское братство. Вот, к примеру, как выглядит в воображении Толкиена один из лесных собратьев:

«Листвень заспался, совсем, можно сказать, одеревенел; все лето стоит и дремлет, травой оброс по колено. И весь в листьях, лица не видать. Зимой он, бывало, встрепенется, да теперь уж и зимой шелохнуться лень».

А вот какая участь постигла другого члена «лесного братства» — Вскорня:

«Орки его ранили, родичей перебили, от любимых деревьев и пней не осталось».

В довершение Древень с горечью прибавляет: «Нет, я, видать, проморгал. Запустил я свои дела. Хватит!»

Воспользовавшись дремотой онтов, полчища Сарумановых орков кинулись вырубать леса почем зря — а ведь когда–то Саруман был онтам другом. И только с появлением двух невысокликов хоббитов — Пиппина и Мерри онты очнулись от безвременной спячки и, воспрянув духом, выступили в поход, дабы «Изенгард окутала ночь». Воспряв, онты стали прежними, какими были до великой дремоты; именно они сокрушают стены Изенгарда, точно твердь эта была сложена не из крепкого гранита, а из пыльного крошева: ибо «мы — кость от кости самой земли», — подмечает Древень–Фангорн.

Стоило воспрянуть одному онту, помимо Древня, — Брегаладу, как за ним в считанные мгновения встали и другие. И тотчас подхватили песню:

«На Изенгард!

Пусть грозен он, стеной гранитной огражден,

Пусть щерит черепной оскал за неприступной крепью скал, —

Но мы идем крушить гранит, и Изенгард не устоит!»

Древень посадил двух хоббитов себе на плечи, и те «торжествующе оглядывали шагавшую вслед за ними онтскую дружину и прислушивались к суровому, монотонному напеву».

Конечно, говорит чуть погодя Древень, быть может, это последний поход онтов и последняя их песня — одно утешение: пусть они все погибнут, но хоть другим помогут. Но несмотря ни на что, онты победят, вот только великой радости это им не принесет: подобно всем остальным диковинным существам Толкиена, онты обречены кануть во мрак времени — безвозвратно.

А вот как описана кельтская «битва деревьев», которой Толкиен некоторое время спустя придал поистине легендарный размах:

«Неужели Фангорн очнулся от вековой дремы и выслал на горный хребет древесное воинство?.. Но... серые громады шествовали вверх по склону, разнося глухой шум, гудение ветра в бесчисленных ветвях. Онты всходили на гребень и давно уже не пели».

Онты возникают из небытия будто в укор нолдор, канувшим в небытие по вине сбившего их с пути истинного лжепророка Феанора: их поход на Изенгард — во имя всеобщей свободы для Средиземья, избавления от злых колдовских чар, наложивших скверну на все сущее, в том числе и на деревья. Это поход во имя возрождения мира, тем более что возрождать его в борьбе собрались не кто-нибудь, а древнейшие обитатели этого самого мира — те, что восстали против распространения зла, осевшего в Мордоре и Изенгарде, и — добавил бы за нас Толкиен — прогресса.

Страсти постепенно накаляются, но Толкиен время от времени разряжает чересчур напряженную обстановку, сложившуюся на огромной сцене, где разыгрывается величайшая трагедия времени. К примеру, время от времени, подобно *dei ex machina*⁽⁷⁷⁾, появляются орлы, чтобы выручить попавших в беду героев. Так случается с Гэндальфом, на выручку которому всегда спешит Повелитель Ветров Гвайгир:

«И прилетел Гвайгир-Ветробой; он меня поднял и понес неведомо куда. — Ты поистине друг в беде, а я — твоё вечное бремя... — Был ты когда-то бременем... но нынче ты не таков. Лебединое перышко несущий я в своих когтях. Солнечные лучи пронизывают тебя».

Орел по-своему ощущает разительную перемену, духовную и физическую, произошедшую с Гэндальфом: тот стал воздушным и более духовным. В другой раз там же, во «Властелине Колец» Гвайгир выручает хоббитов, затерявшихся на Огнедышащей Горе. Гвайгир — потомок Торондора, который много-много лун тому назад, в «Сильмариллионе», спас Лучиэль и Берена, вырвав их из когтей Моргота. Точно так же и в

«Хоббите» орлы прилетают на помощь Бильбо и тринадцати гномам.

У нас еще будет время поговорить о символическом значении орла, а пока следует отметить только, что орлы играют далеко не последнюю роль в мире Толкиена, точнее, в его истории, нередко меняя ее неумолимый ход. И тут мы вправе спросить, почему орлы не вмешиваются в этот самый ход истории еще чаще, дабы ускорить его? Ведь они могли бы без лишних проволок переправить Фродо прямиком к клокочущему жерлу зловещей Горы, избавив наконец мир от неисчислимых бед. Но Гвайгир этого не сделал — и Фродо, Сэму и товарищам, чтобы уничтожить Кольцо, приходится преодолевать всевозможные испытания, ощущая рядом присутствие вездесущего Ужаса. Интересно, задавал ли хоть один читатель такой вопрос самому Толкиену?

Как бы то ни было, Хэмфри Карпентер в «Биографии Толкиена» сообщает, что однажды, в 1950-х годах, кто-то из издателей предложил адаптировать, вернее, сократить объем произведений Толкиена, изменив образ действия и взаимоотношения героев в пространстве повествования, буквально переложив значительную часть их духовного бремени, да и самих героев, на крылья орлов! Нетрудно себе представить, что подобная адаптация разрушила бы порядок и размеренность повествования даже во «Властелине Колец»: в таком случае не было бы никаких странствий, поскольку интрига завершилась бы, едва начавшись, — буквально с несколькими взмахами орлиных крыльев. Вот почему орлы возникают в сюжетах Толкиена не так часто, как, быть может, хотелось бы, — лишь в самые критические мгновения, когда их присутствие не только необходимо, но и оправдано, чтобы вывести повествование на более высокий уровень.

В мире Толкиена существует еще одна форма странствий — погоня. В начале «Двух Твердынь» мы становимся очевидцами самой настоящей гонки с преследованием. В роли преследуемых здесь выступают орки, на сей раз удивительно проворные и ловкие, а в роли преследователей — несравненные сыны разных племен, вооруженные каждый своим излюбленным оружием: Арагорн — человек и вооружен мечом; Гимли — гном, ни на миг не расстающийся со своею секирой; Леголас — эльф — лучник. Троим отважным героям предстоит преодолеть, как мы потом узнаем, сорок пять лиг — сто восемьдесят километров — за каких-нибудь четыре дня. Правда, для этого им приходится изрядно попотеть, особенно Гимли. Эльфу Леголасу не привыкать: он легок и быстр как ветер; Арагорн тоже не лыком шит: как-никак лучший из следопытов. А вот Гимли то и дело вопрошает, а не собираются ли орки сделать привал; потом начинает тревожиться, а не собьются ли они со следа в ночной тьме. Затем он

говорит, что ноги его бежали бы куда быстрее, будь у него на душе не так тяжело.

И тут становится очевидной обратная сторона странствий, далеко не самая привлекательная (как, впрочем, и в случае жуткого перехода Сэма и Фродо через Мордор в компании с Горлумом, когда путниками мешает продвигаться вперед некая незримая сила). Как подмечает Толкиен, гномы крепки как скала и в труде, и в скитаниях, но нескончаемая гонка изматывает до предела, тем более что надежда вызволить двух друзей-хоббитов из орочьих лап тает прямо на глазах. Пожалуй, один только Леголас сохраняет бодрость духа и тела; к тому же, только он и может в буквальном смысле спать на ходу — «забываться сном, недоступным людям или гномам, — эльфийским мечтанием о нездешних краях».

Гимли начинает роптать, поминая недобрым словом Гэндальфа — не все, мол, предвидел, не все предугадал, хотя и прослыл прозорливым, — при том, что преследователи уверены: маг, добрый их друг и товарищ, канул безвозвратно. И вот, когда они втроем добираются наконец до опушки Фангорна, Гимли ворчит: что еще остается делать — только умереть с голоду в этом дремучем лесу...

Другой многотрудный переход выпадает на долю Фродо и Сэма — они совершают его вместе с Горлумом по извилистым тропам, затерянными в землях Саурана. Места эти нехоженые, окутанные зловещим мраком, и, кажется, троим путникам их ни за что не одолеть. Но величайшая литературная заслуга Толкиена как раз в том и заключается, что описанию этого нескончаемого перехода он отвел в своей книге добрых триста страниц. При том острый глаз наблюдателя ни разу его не подвел — даже не верится, что все это он видел не в реальной жизни, а в собственном воображении. Возьмем несколько примеров, напомним для начала тот, что уже был приведен выше:

«В стылый предутренний час они прыгали по мшистым кочкам, а ручей забулькал на последней россыпи каменных обломков, и канул в ржавое озеро. Шелестели и перешептывались сухие камыши, хотя в воздухе не было ни дуновения.

И впереди, и по обе руки простирались в тусклом свете неоглядные топи и хляби. Тяжелые испарения стелились над темными смрадными мочажинами. Их удушливое зловоние стояло в холодном воздухе. Далеко впереди, на юге, высились утесистые стены Мордора, словно черный вал грозowych туч над туманным морем»

И так — на протяжении многих-многих страниц. Все это еще больше убеждает наших хоббитов, что они и впрямь забрели в самые гиблые края

во всем свете. Правда и то, что их поход, в сравнении с ратными подвигами Пиппина и Мерри, дело на редкость неблагоприятное и изнурительное. Из них троих больше всего достается Фродо: он смертельно устал и почти всю дорогу плетется в хвосте, покуда спутники его выбирают верную стезю в лабиринте едва различимых троп. А между тем кругом простирается сплошная топь: «окна, заводи, озерца, раскисшие русла речушек... Это было нудно и утомительно. Зима с ее мертвенным, цепким холодом еще не отступила от здешнего захолустья».

Даже сноровистый Горлум порой теряется — не может отыскать верную дорогу. Так, постепенно «они забрели в самую глубь Гиблых, или Мертвецких, Болот, и было уже темновато». Дальше Толкиен дает еще одно описание обрывистых стен Мордора. Путники уже брели по безотрадной, сумрачной бугристой равнине, больше похожей на неоглядное заброшенное кладбище, — символ долгого, мучительного сошествия в преисподнюю, внешние пределы которой обозначились в виде Мертвецких Болот.

Пришествие в Мордор характеризуется в начале главы 3 тома 4 своеобразной фонетической поляризацией:

«С запада Мордор ограждает сумрачная цепь Эфель–Дуата... а с севера — пепельно–серый, обветренный хребет Эред–Литуи..»

Далее Толкиен упоминает скорбные равнины Литлада и Горгорота — последнее название созвучно с библейской Голгофой, — Ущелье Привидений Кирит–Горгор и, наконец, Клыки Мордора. Ну а за всем этим громоздится крепость Барад–Дур...

К мытарствам двух хоббитов и Горлума мы еще вернемся — в главе «Изысканный ужас». В самом деле, далеко не всякий писатель смог бы так мастерски создать обстановку страха, перерастающего в леденящий ужас, вызванный будто не самим автором, а природой, словно она внезапно переродилась, сделавшись в одночасье до омерзения неприглядной. Это тем более ощутимо на фоне лоса атоена — дивных, благих мест, что встречались нашим странникам на их долгом пути. Приведем здесь примечательные в этой связи слова Фродо:

«Он [Бильбо] часто повторял, что на свете всего одна Дорога, что она как большая река: истоки ее у каждой двери, и любая тропка — ее проток».

Фродо пока еще не улавливает до конца смысл дядюшкиных слов: ведь он еще только в начале своего пути и пока только раз столкнулся с одним из Черных Всадников. Но он уже предчувствует чарующую магию Дороги, ибо для него она становится сродни Судьбе. И если в нашем мире все дороги ведут в Рим, то в мире Толкиена, они непременно ведут к Кольцу.

Лоса атоена (напомним — дивные места), через которые пролегает

путь героев «Властелина Колец», заключают в себе важную символику — она имеет прямое отношение к риторической традиции, восходящей к тем стародавним временам, когда странствующие поэты состязались меж собой в красноречии — вернее, в умении живописать чарующую прелесть природы. История живописания подобных *locus amoenus* начинается с легенд о короле Артуре, вдохновлявших многих писателей и поэтов, очарованных Средневековьем и героической рыцарской эпохой.

Страсть к приключениям неумолимо влечет рыцарей, сподвижников Артура, в отрядные уголки, где они переживают самые возвышенные чувства, которые можно испытать разве что в священные мгновения Богоявления. Традиционная литература всегда опиралась на религиозные традиции, в которых воспеваются райские кущи, благоухающие диковинными цветами сады наслаждений, порожденные в человеческом сознании ностальгическими воспоминаниями о первозданной чистоте потерянного рая (чтобы это себе представить, достаточно обратиться к трудам Мирчи Элиаде). В романах артуровского цикла, в частности тех, что вышли из-под пера Кретьена де Труа, описания подобных благодатных мест втекаются сплошь и рядом.

Вот что говорил по этому же поводу Роберт Курциус, большой знаток темы «*locus amoenus*» в западной литературной традиции:

«Из всех живописаний природы, воспетой Гомером, его последователи позаимствовали несколько сюжетов, ставших со временем основой великой традиции: край вечной весны, где после смерти нам суждено вкушать нескончаемое блаженство; чарующий пейзаж, сочетающий в себе деревья, водные источники и лужайки, диковинные лесные чаши; цветочные ковры-поляны. Начиная с Овидия поэзия зиждется на риторике. Описание пейзажей становится у него и его последователей упражнением в изысканности и утонченности... при том, что у самого Овидия каноническая тема блаженного леса претерпевает всевозможные изменения: к примеру, если у него где-нибудь встречается роща, то она не просто стоит — а вдруг вырастает перед нашим взором».

Однако давайте вновь обратимся к Толкиену и посмотрим, как он описывает, или, точнее, создает совершенную действительность — с деревьями, реками и лесами. Возьмем, для примера, эпизод, когда Сэм выводит своего хозяина Фродо, оправившегося после смертельного ранения, на прогулку по эльфийскому Разделу:

«Они миновали множество переходов, спустились по нескольким пологим лестницам и вышли в огромный тенистый парк, разбитый на высоком берегу реки... В долине за рекой уже сгущались сумерки, но

далекие пики восточных гор еще освещало заходящее солнце. Предвечерний сумрак был прозрачным и теплым, звучно шумел отдаленный водопад, а воздух был напоен ароматами цветов, запахом трав и свежей листвы, как будто здесь, в парке у Элронда, остановилось на отдых отступающее лето».

Дивный сад, шумящий водопад, деревья и цветы — все это и есть составляющие элементы *locus amoenus*.

И вот чудный Раздол того и гляди накроет грозная Тьма. Лоса атоена подобны звездам, меркнувшим под покровом сумеречных туч. Раздол — одна из последних «светлых обителей», пока еще не тронутых неумолимо надвигающимся Черным воинством, подвластным Саурону. К числу последних лоса атоена относится и маленькая Хоббитания. Впрочем, вот какой разговор обо всем этом ведут Фродо и Гэндальф — первый спрашивает, а второй, стало быть, отвечает:

«А Раздол? А эльфы? Над ними-то он (Саурон — *перев.*) не властен? — Сейчас — нет. Но если ему удастся покорить весь мир, не устоят и эльфы. Многие эльфы — хотя отнюдь не все — страшатся воинства Черного Властелина, им приходится отступать перед его могуществом... однако он уже никогда не сумеет заставить их подчиниться или заключить с ними союз. Мало того, здесь, в Разделе, до сих пор живут его главные противники, почти такие же могучие, как он, — я говорю о Преображающихся эльфах, древних владыках Эльдара-Заморского. Они не боятся Призраков Кольца, ибо рождены в Благословенной Земле, а поэтому им доступен и Призрачный Мир».

Далее Гэндальф с горечью замечает:

«Словом, в Разделе отыщутся силы, способные на время сдержать врага, — да и в других местах такие силы есть, даже у вас, в мирной Хоббитании. Но если течение событий не изменится, свободные земли превратятся в островки, окруженные океаном Черного воинства — его собирает Властелин Мордора...»

Слово «островки» представляет для нас интерес постольку, поскольку на кельтском языке оно означает труднодоступные места, таящие нечто сокровенно-первозданное, сокрытое от мира живых людей. Но, даже невзирая на грядущую угрозу, как в данном случае, Фродо забывает про жестокие битвы и всецело отдается счастливой прогулке одинокого мечтателя...

«На другой день, проснувшись с рассветом, Фродо, превосходно отдохнувший и бодрый, решил прогуляться по берегу Бруинена. Когда он оделся и вышел в парк, из-за отдаленной горной гряды встало огромное, но

неяркое солнце, в воздухе серебрились осенние паутинки, на листьях мерцали капельки росы, а над речкой таяла предрассветная дымка. Сэм молча шагал с ним рядом.., удивленно разглядывая далекие горы, покрытые сверкающими снежными шапками».

Во время паузы в повествовании о странствиях *locus amoenus* источает покой, наполненный таинственными звуками, которые навевают нам, читателям, воспоминания о благодатных библейских местах, чарующих островах кельтского мира или толкиеновского Валинора:

«Солнечное утро разгоралось в день, под берегом мерно шумела река, небо звенело птичьими трелями, и Фродо показалось, что его злоключения, так же как разговоры о грозной туче, встающей над миром, приснились ему — слишком спокойным, ясным и ласковым было это осеннее утро...»

Locus amoenus предстает здесь как некий образ, возникший из внутреннего мира мудреца, который достиг высшего блаженства, сумев полностью абстрагироваться от мира внешнего. Нечто подобное можно наблюдать и в «Сильмариллионе» — во время сотворения Гондолина, Потайного Града, или Дориата, Потайного царства. Эти возвышенные оплоты не так-то просто обнаружить, а осквернить — и подавно. Однако по законам Скончания Веков и круговорота жизни и смерти они обречены. Все имеет свой конец, говорит Толкиен, и утешение, хоть и мало-мальское, лишь в том, что все имеет продолжительность:

«Долгим был срок Гондорского королевства на юге; а в иное время ослепительным своим блеском оно навевало воспоминания о могущественном Нуменоре до его падения».

Ступив в Лориэн, Леголас замечает:

«Лихолесские эльфы не бывали в Лориэне много десятилетий.., но, как я слышал, наши сородичи успешно сдерживают Завесу Тьмы, хотя их владения сильно уменьшились».

Потайной духовный центр — неизменный объект внимания эзотерической литературы; не случайно тот же Генон посвящает этому целую главу в своей книге «Властелин мира». Лориэн заключен в незримые охраняемые пределы, подобно Гондолину и Дориату. И сохранился он, как мы дальше узнаем, благодаря Галадриэли: как ни силится проникнуть в него враг — все тщетно. Один из таких пределов — Нимродэль: хотя эту речку местами можно перейти вброд, Черным Всадникам это не под силу.

«Это Белогривка [по-эльфийски Нимродэль]! — воскликнул Леголас. — О ней сложено немало песен, и мы, северные лесные эльфы, до сих пор поем их, не в силах забыть вспененные гривы ее водопадов, радужные днем и синеватые ночью... Но некогда обжитые берега

Белогривки давно пустеют. Белый мост разрушен, а эльфы оттеснены орками на восток... Я спущусь к воде, ибо говорят, что эта река исцеляет грусть и снимает усталость...»

Следом за ним и «Фродо вступил в прохладную воду... и ощутил, что уныние, грусть, усталость, память о потерях и страх перед будущим, как по волшебству, оставили его».

Locus amoenus — понятие географически-временное, но при том и магическое. Оно предполагает переход в иной мир и иное время, как в случае с кельтскими Силами⁽⁷⁸⁾. Во всяком случае, так происходит с Фродо:

«Еще над Ворожеей ему вдруг почудилось, что он уходит из сегодняшнего мира, как будто шаткий мостик был перекинут через три эпохи и вел к минувшим Предначальным Дням. В Стэрре это странное ощущение усилилось... и Фродо не мог отделаться от мысли, что вокруг него оживает прошлое. В Разделе все напоминало о прошлом, а здесь [в Лориэне] оно было живым и реальным».

И то верно: в Лориэне, где все было пропитано благодатным прошлым, путник словно переступал незримую грань и оказывался в ином временном пространстве. Должно быть, такое же чувство испытал и сам Толкиен, когда впервые попал в Венецию. Но, увы, с приходом в Лориэн мытарства для его героев не закончились — как, впрочем, и радости:

«Фродо... взволнованно огляделся. Хранители [братья по Кольцу] стояли на огромном лугу. Слева от них возвышался холм, покрытый ярко-изумрудной травой. Холм венчала двойная диадема из высоких и, видимо, древних деревьев, а в центре росло еще одно дерево, громадное даже среди этих гигантов. Это был мэллорн — исполинский ясень — с белой дэлонью в золотистой листве. Внутреннее кольцо древесной диадемы образовали тоже исполинские ясени, а внешнее — неизвестные хоббитам деревья с необыкновенно стройными белыми стволами и строго шарообразными кронами, но без листьев. Изумрудные склоны округлого холма пестрели серебристыми, как зимние звезды, и синими, словно крохотные омуты, цветами, а над холмом, в бездонной голубизне неба, сияло ясное послеполуденное солнце».

В этом благодатном краю, достойном, как в Каббале⁽⁷⁹⁾, самых высших берахот⁽⁸⁰⁾, герои, конечно же, и сами преобразаются:

«У подножия кургана они увидели Арагорна, молчаливого и неподвижного, как ясень Эмроса; в руке он держал серебристый цветок, а глаза его светились памятью о счастье. Фродо понял, что их проводник переживает какое-то светлое мгновение, вечно длящееся в неизменности

Лориэна».

В конце «Властелина Колец» Арагорн становится участником и вовсе невероятных событий:

«...Гэндальф быстро зашагал по белым плитам двора. Поодаль на ярко-зеленом лугу искрился Фонтан в лучах утреннего солнца, и поникло над водой иссохшее дерево, скорбно роняя капли с голых обломков ветвей в прозрачное озерцо».

Речь идет об умирающем Древе жизни, которое надобно во что бы то ни стало оживить, дабы избавить землю от оскудения. Первые, кто проникается к нему заботой, — Арагорн и Гэндальф, о чем Сэм догадается лишь много позже, когда и сам возьмется оживлять деревья, поникшие в оскверненной Хоббитании.

«Древо в Фонтанном Дворе по-прежнему иссохшее, ни почки нет на нем. Увижу ли я верный залог обновления?

— Отведи глаза от цветущего края и взгляни на голые холодные скалы! — велел Гэндальф.

Арагорн... увидел посреди пустоши одинокое деревце. Он взобрался к нему: да, деревце, едва ли трехфутовое, возле заснеженной наледи... И Арагорн воскликнул:

— Йе! Утувьенес! Я нашел его! Это же отпрыск Древнейшего древа!..»

И Гэндальф вторит ему:

«— Воистину так: это сеянец прекрасного Нимлота, порожденного Галатилионом, отпрыском многоименного Телперiona, Древнейшего из Древ... Да, тысячу лет пролежало оно, сокрытое в земле, подобно тому, как потомки Элендила таились в северных краях... Арагорн бережно потрогал деревце, а оно на диво легко отделилось от земли.. и Арагорн отнес его во двор цитадели... У фонтана Арагорн посадил юное деревце, и оно принялось как нельзя лучше; к началу июня оно было все в цвету.

— Залог верный, — молвил Арагорн, — и, стало быть, недалек лучший день в моей жизни».

Ибо расцветшее дерево означает конец оскудению земли и скитаниям достославнейшего из земных правителей. И тут следует еще раз подчеркнуть великое значение символа дерева.

За долгие-долгие века до того, как Фродо, Арагорн и Гэндальф оказались вовлеченными в великие дела своего времени, другие герои пытались спасти деревья от губительной скверны, пустившей корни в Нуменоре:

«Когда Амандил прознал о коварных замыслах Саурана... говорил он с Элендилом и сыновьями его и поведал им историю Валинорских Дерев... и

совершил подвиг, снискав себе за то славу превеликую. Переодевшись, один явился он в Царские Сады, куда подданным вход бы заказан, подошел к Древу... и сорвал с него плод... Однако ж потом Правитель уступил Саурону: срубил он Белое Древо и отступился так от веры отцов своих... Элендил сделал все, как наказывал ему отец... Было так Семь Каменьев, дар эльдар, и струг Исилдура унес младое еще Древо, росток прекрасного Нимлота».

Благодаря тому спасенному плоду

«...на землю снова пришла весна, Наследник Исилдура взошел на престол Гондора и Арнора, и дунаданцы вернули себе былые могущество и славу. И вновь расцвело в садах Минас–Арнора Белое Древо, и все благодаря ростку, что Митрандир сыскал средь заснеженных взгорий Миндоллуина, сверкающего чистой белизной над Градом Гондорским. А раз ожило Древо, стало быть, сохранилась в сердцах правителей и память о днях минувших».

Глава третья

Предметы и драгоценности

Подобно силам природы, рукотворные предметы также имеют свою символику в творчестве Толкиена — точнее, в его героико–средневековом мире, где превращения, творимые человеком с природой, есть не что иное, как преобразования (как в случае с головкой эфеса меча, о чем мы еще поговорим), а не разрушения. Давайте же подробнее остановимся на плодах трудов рук человеческих. Хотя, как пишет о символике средневековых предметов историк и культуролог Жак Рибар, «нелегко выбрать то единственное, что помогло бы нам оценить все несметное богатство и многообразие средневековых предметов».

Символический смысл оружия истолковывается, в частности, в романах артуровского цикла, заметно повлиявших на все творчество Толкиена. Так, например, в «Ланселоте» треугольный или четырехугольный щит толкуется как надежный оплот, равно как и знак принадлежности к тому или иному рыцарскому ордену, и даже к определенной «даме сердца». Щит Ганбо⁽⁸¹⁾ украшен гербом, «отображающим храбрость рыцаря». На щитах Каратака⁽⁸²⁾ и Алардина⁽⁸³⁾, персонажей «Сказания о Каратаке», изображены «ползущие зеленые львята» и «алые пасти с орлами, несущими белую мантию».

Другое защитное средство — кольчуга, названная в «Ланселоте» «оплотной стеной» рыцаря. Кольчуги на воинах буквально трескали по швам от сокрушительных ударов, а щиты раскалывались в щепки. Но и тогда рыцари продолжали сражаться, и разбитые доспехи им уже заменяла доблесть, презирающая смерть. Так что кольчуга служила защитой скорее символической.

Шлем означал, что «рыцаря, в него облаченного, должны были видеть все те, кто замыслил осквернить Святую церковь».

Однако шлем может принести и гибель: так, в «Поисках Грааля» рыцари в шлемах, обознавшись, обнажают мечи и бросаются друг на друга. В «Сильмариллионе» огромный незадачливый Турин водружает шишак на голову дракона, который предрекает ему битву с великим драконом Глаурунгом, посланцем Моргота. В конце концов, он одолевает дракона, но тот успевает предопределить и его собственную смерть, вернее самоубийство, погубив Ниниэль, несчастную жену Турина.

Атакующего оружия больше, да и символика его побогаче. Как писал Юлиус Эвола в своем «Протесте против современного мира», «в Средние века было написано великое множество трактатов, где каждый вид оружия и каждый рыцарский доспех имел свое символическое толкование — духовное и этическое... клинок меча символизирует душу рыцаря», и это, среди прочего, объясняет, почему холодное оружие ковалось в глубокой тайне. Так что теперь понятно, какое значение имел для Арагорна меч Андрил, перекованный эльфийскими кузнецами. Меч, разумеется, «из всех видов оружия самое почетное и благородное».

У каждой стороны лезвия меча свое предназначение: первая сторона разит «всякого, кто смеет оспаривать божественную сущность Спасителя нашего», а вторая «карает всякого, кто восстал против рода человеческого»; острие же клинка «означает повиновение, ибо всем должно повиноваться рыцарю».

Меч служит главным символом власти, а значит, он должен быть красив, под стать ножнам и головке эфеса, украшенной символическими драгоценными камнями:

«Меч сей был красоты изумительной и отливал радужным сиянием: головка эфеса — из цельного камня, лучившегося всеми цветами земными, и каждый цвет — с особым переливом... рукоять — из половин туловища двух разных зверей: змеи и рыбы» («В поисках Грааля»).

Меч — это и средоточие тайного знания металлов и драгоценных камней; предназначен он лишь избранному и готов в мгновение ока сразить любого, кто неподобающе попытается им завладеть; «всякий осквернитель либо падет от него, либо навек покалечится».

Миф о сломанном и перекованном мече символизирует поруганное и возрожденное владычество — ту же королевскую власть; то же относится и к мечу, который Артур выдернул из крыльца: это означает обретение новой земли и сокрытых в ней драгоценных камней, равно как и власти, заключенной символически в металле клинка. Королевская власть есть камень, и на нем зиждется королевство... Наконец, подобно индуистской ваджре⁽⁸⁴⁾, меч символизирует молнию, солнечное сияние и речь.

Не менее важную роль в легендах о Граале играет и копье. В древнейшей кельтской исторической традиции оно сочетается с блюдом, на котором лежит отсеченная голова. И с копья стекает кровь. Кельтский дротик габулга, подобно копью, означает молнию; как божественный талисман ассоциируется он и с котлом Дагды⁽⁸⁵⁾.

Знаменитый герой Кухулин выучился владеть копьем во время своего

посвящения в воители у Скатах⁽⁸⁶⁾. Копье пронзает и ранит — но и излечивает тоже, как и змея, несущая двойную символику. В этом смысле копье сравнимо с розой, впитывающей «росу небесную», что стекает с него. Дротик, незаменимый на охоте, служит главным оружием Персивалю: он пронзает им око и мозг первого своего противника.

Подобно деревьям, копье представляет собой *Axis mundi*, олицетворяющую связь земли с небом. А древесный сок сродни крови, стекающей с копья.

Магическую роль копья, наконец, подчеркивает и Фулканелли в «Философских храмах». Так, вспоминая поступок центуриона Лонгина, он пишет, что «тот сыграл в Страсти Господа нашего Иисуса Христа такую же роль, что и святые Михаил с Георгием; то же содеяли в языческой традиции Кадм, Персей и Ясон⁽⁸⁷⁾. Лонгин пронзает копьем бок Христу подобно тому, как небесные воины⁽⁸⁸⁾ и греческие герои сражают драконов. Этот своего рода символический поступок призван возыметь счастливые последствия».

В другом месте тот же автор поясняет нам роль «твердых активных предметов, заключающих в себе мужское начало»: к ним относятся жезл, посох, скипетр, древко копья или дротика.

Рассмотрим теперь другие виды оружия, столь же важные: к примеру, секира, которой у Толкиена мастерски орудует гном Гимли, исправно служит и Бландену Корнуэльскому, доблестному герою бретонского цикла. Секирой вооружен и скандинавский бог войны Тор, мечущий грома и молнии. Бог силы Тулкас тоже вооружен секирой (или молотом), которой он разит Моргота. Лук и стрелы также незаменимы на охоте. Уже известный нам Вольфрам фон Эшенбах, намеренно уклоняясь от главной темы повествования, сравнивает этот прием с натяжением тетивы лука: таким образом он идет к цели не прямым путем, а обходным.

Ко всему прочему, в сказаниях лук и стрелы имеют эротическую символику, подобную разящим стрелам Купидона, самого, пожалуй, популярного персонажа живописных полотен эпохи Возрождения. В этой связи Жак Рибар вспоминает «Поэму о Гигемаре», где главный герой пускает стрелу в белую лань, а стрела рикошетом возвращается к стрелку, нанося ему символическую рану, которую если что и может излечить, то только любовь. При всем том, однако, не стоит забывать главное: в Средние века ничто не могло сравниться с рукопашной схваткой. В отличие от лука, палица, грозное оружие кельтского бога Дагды, символизирует гром и молнию, будучи сродни индуистской ваджре или греческому трезубцу,

несущими столь же многозначную символику: гром, Ось мира...

Во «Властелине Колец» речь идет о Кольце Всевластья; в «Сильмариллионе» — о трех драгоценных камнях Сильмариллах, ограненных Феанором; в «Хоббите» — об охоте за сокровищами. Другими словами, драгоценности так-же играют важную роль в творчестве Толкиена: они — движущая сила и первопричина всех его историй.

Раскручивая свои сюжеты вокруг драгоценностей, Толкиен всего лишь продолжает вечную сказочно-легендарную традицию, включающую в себя, среди прочего, и «Песнь о Нибелунгах», где также говорится о чудесном золотом кольце, и сказание про кольцо Гига⁽⁸⁹⁾, подобное кольцу-невидимке, которое нашел Бильбо, и многие другие легенды и предания, превозносящие магическое значение «особенных» драгоценностей.

Упомянув о традиционной роли драгоценностей, нельзя не сказать и об их традиционной символике. В тайном знании украшение, например драгоценный камень в оправе из чистого, неблекнущего золота, становится носителем и выразителем первозданной силы, исходящей из земных недр, что, иначе говоря, символизирует возрастающее желание. Таким образом, украшения и драгоценные камни, которые почти во всех мифах и легендах связаны с драконом или змеем, заключают в себе тайну бессмертия — не чудесного, а самого что ни на есть земного, связанного с недрами земного мира. Поэтому страсти, что неизменно разгораются вокруг них, а также самозабвенное преклонение перед ними, всегда исполнены драматизма. Благодаря драгоценным камням и оправе из драгоценного же металла украшения символизируют эзотерическое, сокровенное знание. В то же самое время украшение, то есть ограненный и оправленный камень, — это продукт труда ювелира дел и заказчика. Именно так действует и союз души, знания и силы; в свою очередь, украшение наделяет всеми этими качествами человека, который его носит, и даже общество, которое почитает драгоценность как святыню.

Словом «символ» (symbolon) на греческом языке не случайно обозначается кольцо, разделенное на две половины, которые должны воссоединиться. В «Словаре символов» можно, в частности, прочесть следующее:

«Кольцо символизирует крепкую привязанность, верность, добровольное согласие... Первые христиане носили кольца, и Климент Александрийский⁽⁹⁰⁾ советовал христианам носить на оправе своего кольца изображение голубки, рыбы или якоря... В эзотерическом плане кольцо обладает чудодейственными силами. Кольцо — это пояс, оберегающий

некое место и хранящий сокровище или тайну. Завладеть кольцом означает в определенном смысле отворить дверь, ведущую в замок, пещеру или рай и т. д. Надеть кольцо на себя или кого-нибудь, или принять его от кого-нибудь — значит оберечь себя или кого-нибудь, или принять чей-то дар как единственное в своем роде сокровище, или оделить таким же даром кого-нибудь».

Но самое главное заключается, пожалуй, в том, что кольцо — это знак признательности, «символ могущества или уз, которые ничто не в силах разорвать, даже если кольцо теряется или забывается где-нибудь на долгом пути».

Но вернемся, однако, к Толкиену и к его Кольцу. Согласно легенде, Соломон был обязан своим могуществом именно кольцу.

«Арабы сказывали, будто однажды пометил он печаткой того самого кольца всех бесов, собрав их вместе чудесным заговором, и те сделались его рабами. А после некий неистовый гений похитил Соломоново кольцо, дабы завладеть силой его. Однако же Бог повелел ему бросить кольцо в море, дабы оно вновь вернулось к Соломону».

Исчезновение проклятого кольца — своего рода традиция в подобных легендах.

По времени и традиции нам ближе кольцо Нибелунгов, хотя Толкиен не любил, когда «его» Кольцо Всевластья сравнивали с «сокровищем» изначальных хранителей легендарного клада. И все же мы попытаемся сравнить эти два кольца, благо между «Песнью о Нибелунгах» и «Властелином Колец» есть немало общего.

Кольцо Нибелунгов было залогом их могущества. В данном случае оно символизирует узы, подвластные человеческой воле и связующие человека с природой: кольцо на руке дает человеку власть над природой, хотя при этом оно порабощает его страстью к этой самой власти, что несет человеку невероятные беды и страдания. Уверовавший в свою власть, человек *ощущает* крепкую связь с золотым кольцом, поскольку оно ставит его в зависимость от всех его желаний и страстей. Таким образом, кольцо олицетворяет одновременно волю, силу и власть. Но бог Вотан, не желавший, чтобы тот, кого он породил, лишил его власти над ним, отбирает у человека кольцо. Вслед за тем Зигрфрид и Брунгильда⁽⁹¹⁾, дочь бога, выбросят кольцо в реку [Рейн] в знак отрешения от могущества и избавление мира от великой напасти во имя торжества любви. Итак, Кольцо занимает главное место среди других драгоценностей в творчестве Толкиена. Судьба Хоббитании и ее обитателей, равно как и исход Третьей Эпохи, предопределяются с того самого мгновения, как только Бильбо

случайно находит Кольцо:

«Так он довольно долго ползал и шарил руками, надеясь найти хоть какой-нибудь ориентир, и вдруг нащупал что-то холодное и гладкое. Оказалось — металлическое колечко. Бильбо его машинально подобрал, не подозревая, что этот случайный поступок станет поворотным пунктом в его жизни. Подобрав, он так же машинально сунул его в карман, ибо в данный момент оно ему было ни к чему...»

Дальше следует знаменитая игра в загадки-отгадки, и все вокруг того же Кольца, хотя сами игроки — Бильбо и Горлум этого пока не сознают. Как тут не вспомнить историю Эдипа и сфинкса. Первая загадка — насчет зубов, вторая — про ветер, за ними следуют другие загадки — про солнце, темноту, яйца, рыбу, время... и, наконец, про то самое Кольцо: Бильбо просит Горлума отгадать, что у него в кармане. Игра эта, надо заметить, не простая: ей суждено определить судьбу всего Средиземья. В другой раз, уже во «Властелине Колец», не менее сложную «загадку» пытается разгадать Гэндальф, чтобы проникнуть вместе со спутниками в подземелья Мории. Гэндальфу нужно отгадать ключевое слово, поскольку

«Западные ворота Морийского государства Дарина открывает заветное заклинание — «друг»».

На то, чтобы отгадать это самое заветное слово — «друг» и войти в ворота Мории, даже всеведущему магу Гэндальфу нужно время. Ну а что до Бильбо, то «...хоббит знал, что игра в загадки — священная и очень древняя, и даже лиходеи в ней не смеют жульничать»

Горлumu, как всякому азартному игроку, невдомек, что он ведь может и проиграть. И он проигрывает...

А вот что мы узнаем о злополучном Кольце и других сокровищах гномов в том же «Властелине Колец»:

«Бильбо слыл невероятным богачом... Только самые мудрые старики сомневались в том, что вся круча изрыта подземными ходами, а ходы забиты сокровищами».

Затем следует разговор Гэндальфа с Фродо про Кольцо. Так Фродо узнает, что «могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им...»

Чуть погодя Гэндальф дает хоббиту разгадку:

«Одно Кольцо покорит их, Одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их...
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак».

А то Кольцо, что у Фродо, растолковывает изрядно струхнувшему хоббиту маг, — «Кольцо Всеаластья, которому покорны остальные двенадцать».

Много веков назад это единственное в своем роде Кольцо потерял Черный Властелин — Саурон, и могущество его заметно ослабло. И теперь он желает заполучить его обратно любой ценой, только допустить этого никак нельзя. Тогда Гэндальф раскрывает Фродо заветную тайну всех Колец, и здесь Толкиен еще раз подчеркивает свою нелюбовь к людям, с их малодушием и необоримой спесью, ибо Смертные, то есть люди, первыми оказались во власти злых чар:

«Три прекраснейших Кольца эльфы от него [Саурана] укрыли: рука его их не коснулась и не осквернила. Семь Колец было у гномов; три он добыл, остальные истребили драконы. Девять он раздал людям, величавым и гордым, чтобы поработить их. Давным-давно превратились они в Кольценосцев-призраков, в Прислужников Мрака, его страшных вассалов. Давным-давно... да, очень давно не видывали на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак опять разрастается, возможно, появятся и они, исчадия мрака...»

После легендарной битвы «сын Элендила Исилдур отсек Саурону палец вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. И сгинул Саурон, и духу его в Средиземье не стало, и минули несчетные века...»

Потом Кольцо досталось Горлуму, а за ним, как известно всем читателям Толкиена, владельцем его волею судеб стал Бильбо:

«...это случилось наперекор воле врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашел не кто-нибудь, а именно Бильбо».

Узнав же, к ужасу своему, что Горлум доводится дальним сродственником хоббитам, Фродо задумывается, а не проще ли выкинуть Кольцо или спрятать в каком-нибудь укромном месте, где его уж наверняка никто не найдет. Но у Гэндальфа на это есть готовый ответ:

«Выкинуть его можно только по безрассудству. Магические Кольца не пропадают бесследно: со временем они возвращаются в мир, и мало ли кто их найдет, сам подумай. Ведь Кольцо может попасть в руки врага...»

К тому же, добавляет Гэндальф, хотя и было раньше поверье, что «Магические Кольца плавают в драконовом огне, но теперешние драконы — жалкие твари...»

А посему «есть только один способ: добраться до Ородруина, Роковой горы, и бросить Кольцо в ее пылающие недра...»

Ну а вот что Толкиен рассказывает в «Сильмариллионе» о происхождении Кольца Всеаластья:

«Эрегионские нолдор внимали Саурону, и он многому их научил, ибо велики были познания его. В оные же времена блистали умением и Восточно-Эдильские кузнецы, превзошедшие в мастерстве самих себя: недолго думая, выковали они Кольца Всевластья. Саурон приглядывал за ними и ведал про все их дела, ибо желал он привязать к себе эльфов крепкими узами. Эльфы выковали много Колец, а Саурон в тайне от них отковал одно — Единственное, коему были подвластны все остальные... и когда надевал он Единственное Кольцо, то узнавал обо всем, что творилось с другими Кольцами, — так видел он и направлял мысли их владельцев».

Потом Саурон отдал «семь Колец гномам и девять — людям, и те, как всегда, первыми покорились воле его».

Но девятирх обладателей Колец постигла незавидная участь, ибо превратились они в Кольценосцев-призраков:

«И стали они ко времени оному могущественными властителями, чародеями и воителями и снискали себе славу и богатства — себе на горе. Возомнили они, будто жить им отныне вечно, только вот жизнь оказалась для них уж больно тягостной, невыносимой: скитались они по белу свету, незримые для других, даже при солнце... и так вот, один за другим сделались рабами Колец, кои носили, оказавшись при том во власти Единственного Кольца, — того, что было у Саурона... и вошли они в Царство Мрака. И обратились в назгулов — Призраков Кольца, самых чудовищных прислужников врага. Ночь была им спутницей, и смерть вопияла их устами».

Зато с гномами Саурону пришлось нелегко. Что верно, то верно: «на диво своенравными оказались гномы, непокорными, ибо было им невмочь, когда над ними кто-то властвовал; сами же они были крепки духом, и никакие силы не могли обратить их в призраков».

Об отношении же гномов к золоту довольно любопытное примечание делает Фулканелли:

«они — хранители земных тайн и секретных свойств минералов. Гном служит проводником, помогающим находить вещи, распознавать их и приводить в единую систему».

Но куда более хитроумно в той же эзотерической традиции толкуется символическое значение дракона:

«Дракон служит иероглифическим изображением твердого минерального вещества, с которого должно начинать Творение... Призвание дракона — неусыпно стеречь дивное место, где мудрецы хранят тайные свои сокровища».

Под «мудрецами», возможно, подразумеваются рыцари... А что до

грозного обличья и такого же драконьего нрава, тот же Фулканелли видит тому причины в следующем:

«Они вполне соответствуют особенностям, свойствам и возможностям основания»,

— то есть первичного минерала, лежащего в основе великого алхимического творчества. То же относится к грубому драконьему нраву:

«Кристаллическое по строению своему основание сродни чешуйчатой шкуре дракона».

Наконец, Фулканелли напоминает о двойственном происхождении дракона — порожденного огнедышащим Тифоном⁽⁹²⁾ и коварной Ехидной⁽⁹³⁾. Соединив в теле своем твердость минерала и «воспламеняемость» серы, дракон заключает в себе и довольно сложную символику.

В «Сильмариллионе» Толкиен уделяет не меньше внимания Сильмариллам. Вначале великий искусник Феанор «задумался, как сделать навек неугасимым сияние Дерев... И пустился он в долгие тайные поиски, вложив в них все свои знания и силы, и все умение свое, и сотворил Сильмариллы... С виду походили они на кристаллы, однако же были тверже алмазов, и никакие силы в Арде не могли ни раздробить их, ни омрачить их блеска... Феанор придал их пламенному блеску удивительное сияние двух Валинорских Дерев, и сделалось оно в них неугасимым, хотя сами Деревы угасли и уж давно как зачахли».

Звездная богиня Варда «осветила Сильмариллы, дабы в будущем ни плоть смертного, ни чья-либо нечестивая рука, ни чье-либо лиходейство не коснулось их, не заклеившись гибельным заклятием».

Когда Мелкор загубил Древо жизни и Древо света, Лаурелин и Тельперион, Валар так и не смогли вернуть их к жизни. И тогда богиня Йаванна, Повелительница растений, возгласила:

«Сияние Дерев померкло, отныне живо оно лишь в Сильмариллах Феаноровых. Сколь же прозорлив он! Ибо даже самым могущественным из созданий Илуватара под силу совершить только одно—единственное великое дело, одно и единственное. Я одарила мир сиянием Дерев, однако ж возродить их для мира сызнова мне уже не по силам. Будь у меня хоть мало—мальская искорка от этого дивного светоча, я вдохнула бы в Древа новую жизнь, покуда тлен не тронул корни их. И покончено было бы тогда со злом, и бессильной стала бы лютая ненависть Мелкора».

Однако Феанор, в чьем сердце любовь к Сильмариллам переросла в алчность, возненавидел Валар и отказался отдать хотя бы один

Сильмарилл. Ибо единственным его желанием было оставить Сильмариллы при себе.

«И завела тогда Ниенна песнь, исполненную всеобщей печали по оскверненной Арде».

Затем мы узнаем, что Мелкор похищает Сильмариллы и нарекает себя Властелином Мира.

Подобно сокровищам «Золота Рейна» у Вагнера, Сильмариллы у Толкиена тоже принесут неисчислимы беды нолдор, Феанору и всем его потомкам, поклявшимся любой ценой вернуть себе Сильмариллы, окажись они в чужих руках. Сыновья Феанора повели себя заносчиво даже перед Валар, сокрушившими Моргота:

«Маэдрос с Маглором отказались последовать за Эонве и проявили готовность исполнить клятву. За Сильмариллы они и правда были готовы не пощадить живота своего — их не устрасило даже победоносное Валинорское воинство — и восстать против всего мира... В ответ же им было сказано, что они лишаются права на творение отца своего по причине бесчисленных кровавых злодеяний, учиненных ими под действием клятвы, ибо именно они повинны в гибели Диора и разрушении гаваней».

И все же братьям удастся заполучить обратно два Сильмарилла, вот только те обожгли руки; и тогда один из братьев в сердцах выбросил свой Сильмарилл в глубокую расщелину, а второй швырнул свой в море, и тот упокоился на дне морском. Третий же Сильмарилл остался у Эарендила, парившего в поднебесье. Таким образом, три бесценных камня обрели каждый свое место в трех мирах — в воздухе, в море и на земле.

В Предначальную Эпоху, задолго до того, как были сотворены Сильмариллы, и даже до того, как появились деревья, Валар задумали изваять два величавых столпа:

«Поскольку огонь был укрощен и погребен в глубинах первозданных гор, нужен был свет. По просьбе Йаванны Ауле перенес в середину морей два гигантских светильника, сотворенных им собственноручно, дабы озаряли они сиянием своим все Средиземье. Варда наполнила их лучезарным веществом, Манве засветил их, а Валар водрузили их на громадные столпы, возросшие выше самых величественных гор. Один столп высился на севере, и нарекли его Иллуином, а другой, Ормал, — на юге, и озарили светильники Валар сиянием своим всю землю, и все засверкало ярким блеском, словно день длился вечно».

Столпы — символы опоры, несущей оси, на которой удерживается конструкция. Столп от основания до вершины символизирует и Древо жизни: основание — это корни, стержень — ствол, а вершина —

лиственная крона. В кельтских традициях колонна или столб также символизируют ось мира и Древо жизни. И с ними часто сравнивают воинов.

Столпы, служащие, ко всему прочему, оплотом знаний, символизируют и узы между небом и землей, знаменуя почтение человека к божеству и одновременно обожествление самого человека из числа самых выдающихся людей. С другой стороны, столп символизирует запретную грань, за которую человеку нельзя переступать, ибо ни власть, ни покровительство Бога за нею не распространяются. Наконец, столп служит символом Богоявления: ведь Бог, как известно из Библии, может являться человеку в виде огненного столпа.

Однако с божественным присутствием, служащим опорой мироздания, никак не может смириться разрушитель Мелкор:

«Уверовав в незыблемость своей цитадели и верность союзников своих, обрушился он на Иллуин и Ормал силой великой и сокрушил столпы вместе со светильниками. От страшного удара при падении громадных столпов разверзлась твердь земная, и светильники выплеснули на берега морские всепоглощающий пламень... так закатилась весна Арды».

Фигурируют столпы и во «Властелине Колец»:

«Это Каменные Гиганты, великие витязи Нуменорского королевства», — поясняет своим спутникам Арагорн. Дальше Толкиен описывает их так:

«Немые, но грозные, древние, но могучие, в каменных, растрескавшихся от времени шлемах, смотрели они, чуть сощурившись, на север, предостерегающе подняв левую руку вверх и сжимая в правой боевой топор».

Чтобы ободрить хоббитов, попритихших в эльфийской лодке, Арагорн добавляет:

«Долгие годы мечтал я увидеть Каменных Гигантов — Исилдура с Анарионом. Своему потомку Элессару Эльфийскому, сыну Араторна из рода Элендила, они помогут... Не бойтесь. Здесь нам ничто не угрожает».

Толкиен, заметим, с большим почтением относится к искусству рукотворчества. У его героев-мастеровых есть создатель и покровитель — бог Ауле. Это он породил гномов и обучил нолдор, искуснейших среди эльфов. Благодаря Финроду гномы берутся сотворить редкую вещь — Наугламир, Гномье Ожерелье.

«В златом их ожерелье, украшенном бесчисленными валинорскими самоцветами, была заключена сила могучая, передававшаяся всякому, его

надевшему; однако ж было оно не тяжелее льняной нити и при том обладало свойством пленять и завораживать всякого изумительной своею красотой».

Впрочем, и эльфы были искусными ювелирами и зодчими–ваятелями. Например, Менегротский чертог в Тинголе, или Граде Гондолине, воздвиг Тургон Неврастиец. Телери же строили дивные струги, как, например, Корабел Кирдан во «Властелине Колец». Там же, во «Властелине Колец», эльфы строят и лодки — средство общения с Внешним Миром; как признаются своим гостям сами эльфы, они вкладывают любовь души и сердца во все, что делают своими руками, и любовь эта служит залогом совершенства каждой эльфийской поделки. И тут на память приходят путлибы, знаменитые эльфийские хлебцы, не раз спасавшие от голода хоббитов во время их долгих скитаний; или веревки, сослужившие добрую службу Сэму с Фродо. Одним из величайших эльфийских творений по праву считается Вингилот:

«Большая дружба связала Эарендила с Корабелем Кирданом, обитавшим на острове Валар... С его–то помощью Эарендил и соорудил себе Вингилот, Цвет Белопенный, прекраснейший из стругов, что когда–либо были воспеты в легендах. Весла его были точно маков цвет, борта сверкали ослепительной белизной, словно Нимбретильские березы, а паруса отливали лунным серебром...»

На своем чудесном струге Эарендил является к Валар:

«Он будто застыл на носу Вингилота со сверкающим во лбу Сильмариллом, и чем ближе был он к Западному Краю, чем ярче тот сиял. Мудрецы говорят, что благодаря сему благословенному камню они и могли плавать по неведомым водам... Так прибыли они к Зачарованным Островам, но не коснулись отважных мореходов чары их: благополучно прошли они и по Морю Мрака, обойдя стороной непроглядные туманы, и узрели Тол Эрессеа, Одинокий Остров, но долго там не задержались и наконец бросили якорь в гавани Эльдамарской».

Вингилот затем благословили Валар, и с их благословения дивный струг обрел способность проникать в иные миры.

«Они направили его по–над Валинором к заокраинным пределам мироздания. И вошел он во Врата Ночи и воспарил в океаны небесные. Чуден был сей струг, ибо испускал он струи пламени яркого и чистого. На носу струга неизменно восседал Эарендил Мореход, осыпанный сверкающей драгоценной пылью, и во лбу у него сиял Сильмарилл. В струге своем ходил он в заокраинные дали, коих не достигал даже свет звезд, однако ж чаще его можно было видеть по вечерам или по утрам, в

ореоле восходящего или закатного солнца, когда возвращался он в Валинор из странствий к окраинам мироздания».

Другие предметы в мире Толкиена обладают магическими свойствами и величием, как, например, Палантиры, о которых идет речь и в «Сильмариллионе», и во «Властелине Колец». Так, по словам Толкиена, главное свойство этих Камней в том, что с их помощью можно заглянуть далеко–далеко — во времени и пространстве. Но чаще всего они показывают то, что происходит с другими Камнями, ибо между ними существует незримая связь; при всем том, однако, тот, кто обладает большой силой воли и разума, может научиться управлять их взглядом. Во «Властелине Колец» это удастся разве что Арагорну, который, в отличие от любопытного не в меру Пиппина, относится к ним весьма осторожно и бережно. Пиппин же, проигнорировав очередное предупреждение Гэндальфа, пробует найти одной из этих хрупких «стеклянных безделушек» свое применение. И тут...

«Сначала шар был темный, янтарно–черный, сверкающий в лунных лучах, потом медаенно засветился изнутри, впиваясь в его глаза, неотвратимо притягивая их. Шар вспыхнул... это в нем закрутился огненно–багровый вихрь — и вдруг погас Хоббит ахнул, застонал и попробовал оторваться от шара, но только скрючился, сжимая его обеими руками».

Потом Пиппин оцепенел и без чувств упал наземь. Ему оказалось не под силу совладать со Зрячим Камнем.

Еще один важный символ — кубок, или чаша, та самая, которую в «Хоббите» сторожит дракон Смауг. Чаша, по выражению культуролога Мари–Мадлен Дави, символизирует

«Деву, подобную, согласно Песни песней⁽⁹⁴⁾, «запретному саду» и «запечатанному источнику». В мольбах своих Дева причитает о духовной чаше, почтенной чаше, исполненной благоговения».

Такое же сходство между чашей, источником и кубком подчеркивает и Рене Генон: он, в частности, уточняет, что «у древних египтян чаша обозначалась иероглифом в виде сердца — жизненного центра человека».

В своих же «Заметках о христианской эзотерике» Генон пишет, что «чаша, подобно сердцу и Граалю, предназначена для хранения эликсира бессмертия, упоминающегося во всех традициях».

И все же главный символ в «Хоббите» — Аркенстон, или краеугольный камень. Арагорн носит на шее зеленый камень, вызывающий в памяти Грааль, тем более что, по Генону, чаша Грааля была вырезана из изумруда.

Но Арагорн ценит превыше всего перекованный у Элронда меч Андрил: он не расстается с ним ни на мгновение и зарекается сложить его лишь после победы в решающей битве с врагом. А царь гномов Торин столь же высоко ценит таинственный Аркенстон, то возникающий, то исчезающий на протяжении всего произведения Толкиена. Как бы то ни было, камень этот заключает в себе очевидную духовную символику. Понятие краеугольного камня, возрожденное в масонстве, на самом деле олицетворяет вершину, то есть буквально — замок свода. Это — венчающий, или венценосный камень, символизирующий Христа, сошедшего с Небес для исполнения Закона Божьего и пророчеств. С другой стороны, обтесанный, отшлифованный камень, по Мейстеру Экхарту, символизирует знание. В масонской символике ограненный или кубический камень, к тому же, служит знаком равновесия и завершенности: он вполне соответствует символике алхимической соли.

Между понятиями Грааля как чаши и Грааля как камня нет никакого различия, ибо и то и другое относится к пище духовно-преходящей. В евангелии дьявол желает увидеть, как камень обратится в хлеб. У кельтов камень Лиа Фаль, кроме того, символизирует власть, «центр», «средоточие», пуп земли, расположенный в Таре. Но Кухулин разбивает его своим мечом, потому что камень безмолвствует, когда герой желает с ним говорить. Это очень напоминает историю с «гибельным престолом», на который невозбранно усаживается Галаад. В «Парцифале» же появляется Высший, или Священный камень, сродни тому, что Иаков в Бытии кладет себе под голову: это, как сказал бы Малларме⁽⁹⁵⁾, «бесшумная глыба, низвергшаяся из гибельного мрака»; камень этот озаряет («Светит он дальше, чем на шесть далеких лье») и, главное, питает.

«Благодаря чудесным свойствам камня сего, — прибавляет Вольфрам фон Эшенбах, — феникс сгорел и обратился в пепел; но из пепла возрождается жизнь... Камень сей дает человеку такую силу, что кости его и плоть вновь молодеют, обретая невиданную крепость».

Однако речь в данном случае идет о возрождении физическом, а не духовном. Вот уж действительно странно, и даже парадоксально: Вольфрам, излюбленный автор толкователей «символики» Грааля, и славит возрождение тела, а не духа при соприкосновении с «драгоценным камнем». Хотя, впрочем, физическая сила всего лишь образ, тем более что в рыцарскую эпоху без нее никак нельзя было обойтись. Еще одно чудесное свойство камня заключается в том, что он питает. Так, например, святой Бернар⁽⁹⁶⁾ писал в своем 106-м Послании:

«Неужто вы полагаете, будто нельзя испить меда из камня или взять масла от крепчайшей скишш? Но не с гор ли струится живительная влага? Не с холмов ли льются молоко и мед? Не долины ли колосятся пшеницею? Мне еще столько надобно сказать вам...»

Вот только готовы ли мы слушать?..

Грааль создает и воссоздает мир: рядом с ним в изобилии водятся дичь и рыба; он сплавливает вокруг себя своих хранителей, объединившихся в доблестное «рыцарское братство». И свидетельство тому — «перечень имен всех, кому было предначертано совершить сие всеблагое странствие; имена же те увековечены на одной из его граней».

Помимо всего прочего, Грааль символизирует книгу, сродни головке эфеса меча, где «все» написано. — все, что имеет значение с точки зрения метаистории... Наконец, не стоит сбрасывать со счетов символическое значение падающих камней. В Библии камень рассматривается как Божья обитель; и не случайно Сатана просит Христа превратить камень в хлеб, доказав тем самым, что и то, и другое есть одно и то же. А в книге «В поисках Грааля» можно прочесть и такое:

«В слове «камень» должно видеть и другое значение... ибо у камня из камня возникает и та влага, что питает великое Черемное море⁽⁹⁷⁾...»

И тут снова возникает понятие «бесшумной глыбы, низвергнувшейся из гибельного мрака», священного камня-изголовья, связующего нас с высшим центром.

Что же до упомянутого выше Аркенстона, он еще наывается Сердцем Горы, будучи одновременно и сердцем Торина Это — краеугольный камень, оплот великой горы, тоже своего рода Грааль, хранящий тайны мироздания.

Немалое значение имеют у Толкиена и другие предметы, например, оружие, предназначенное каждому герою-воителю: перекованный эльфийский меч предназначен Арагорну, ибо с ним тот обретает законное право на престол; секира — гному Гимли, потому что она служит символом его силы, несокрушимой и поистине хтонической, то есть рожденной в самых недрах земных; лук — легкому и стремительному Леголасу, чьи меткие стрелы поражают цели, невидимые человеческому глазу.

При всем том Толкиен не уделяет, или почти не уделяет внимания облачению своих героев, за исключением, быть может, упоминания о знаменитых эльфийских плащах да мифриловой кольчуге Бильбо, прочной и невесомой, которая не раз спасает жизнь Фродо. Впрочем, упоминает он и про пояс, что Галадриэль подарила Боромиру, в сердце которого она угадала неугасимый огонь и необоримую страсть завладеть Кольцом. Как

будто «опоясав» его, Владычица Лоризна хотела усмирить в нем пагубный жар, расплавивший узы, которые до поры до времени накрепко связывают Братство Кольца.

Кстати, о Кольцах. Толкиен упоминает еще три магических Кольца, одним из которых владеет Галадриэль:

«Нарья, Нэнья и Вилья — Кольца Огня, Воды и Воздуха, с рубинами, бриллиантами и сапфирами, — их-то и жаждет заполучить Саурон больше всего, ибо над тем, кто наденет их, не властно ни время, ни тяготы мирские».

В целом же все предметы у Толкиена имеют двойное предназначение: будь то творения эльфов или людей, они таят в себе и худшие, и лучшие свойства каждого народа и посему влияют на судьбы Валар, эльфов, гномов и людей — словом, всех обитателей Средиземья.

Часть четвертая

Космогония

Глава первая

In illo tempore

Эта глава посвящается началу «Сильмариллиона». Здесь Толкиен создает свою мифологию, своих богов и своих же эфирных существ. А вместе с ними создает он и эльфов, и гномов, и людей, о которых мы еще будем говорить. Поскольку во всем этом угадывается определенная связь с язычеством (ибо речь идет о своего рода богах, или, точнее говоря, Валар), нам придется кое-что уточнить и разъяснить. Это важно еще и потому, что толкиеновских Валар нельзя считать богами, а Толкиена — автором-язычником, поскольку, как мы знаем, он был убежденным, верующим католиком. Действительно, из того же католического катехизиса мы можем извлечь немало интересующих нас сведений, при том довольно полезных. К примеру, в начале этой весьма поучительной книги говорится, что «слово небо означает место, где обитают духовные сущности, — ангелы, окружающие Бога... существование ангелов, есть вопрос истинной веры... по сути своей, ангелы — это слуги и посланцы Божьи, ибо они неизменно созерцают лик отца своего небесного, доносят слова его и внемлют их звучанию.. » (§ 328–330).

«Будучи существами истинно духовными, они обладают мудростью и волей. Каждое из них по-своему индивидуально и бессмертно. Они совершеннее всех зримых существ. И немеркнущая слава их — тому свидетельство».

Слова эти удивительным образом подходят и к Валар, порожденным Эру, Первозданным и Единственным, сотворившим мир из пустоты. Согласно учению католической церкви, «мир начался тогда, когда слово Божье извлекло его из бездны» (§ 328).

Мир этот прекрасен, ибо «красота творения отражает несравненную красоту Творца».

Толкиен будет не раз подчеркивать красоту Валар и их творений. Впрочем, кое в чем толкования церкви и Толкиена расходятся: для церкви «человек есть высшее творение». У Толкиена же первое место в его мире занимают эльфы, хотя они и обречены в конце Третьей Эпохи покинуть Средиземье.

В «Сильмариллионе» проблему зла, воплощенного в Мелкоре, также можно толковать с точки зрения катехизиса католической церкви, тем более что в мире Толкиена человек не безгрешен и нередко служит Мелкору,

претворяя в жизнь его черные замыслы:

«За нашими праотцами, избравшими непослушание, звучит глас богопротивного искушителя, обрекающего их на гибель через зависть. В Священном Писании и церковной традиции под искушителем подразумевается падший ангел по имени Сатана, он же дьявол.

Церковь учит, что изначально то был добрый ангел, ибо Бог сотворил его. Дьявола и прочих демонов Бог создал, конечно же, добрыми, ну а злыми они сделались сами собой».

Применительно к человеку проблема зла — величайшая из тайн. Толкиен решает ее, рассматривая злодеяния Мелкора в эсхатологическом контексте, в котором зло на мгновение становится добром или служит добру. Бог не допускал неоправданное зло. Далее в катехизисе говорится:

«Путь к падению есть свободный выбор самих падших, решительно и бесповоротно отринувших Бога и Царство Его... Бесповоротная решимость в выборе падших, а вовсе не избыточность Божьего милосердия стала причиной того, что их грех не подлежит искуплению. После падения не было с их стороны раскаяния, как не было его и для иных людей после смерти».

Эти строки ясно объясняют, почему приспешники зла у Толкиена однозначно плохи.

В катехизисе, кроме того, подчеркивается следующее:

«Самым пагубным из злодеяний [падшего ангела] было коварное искушение, заставившее человека нарушить Божью волю» (§394).

Действительно, хотя в «Сильмариллионе» человек и не совершает чего-то непоправимого, по натуре своей он, однако, больше склонен к архангелу зла, нежели к эльфам. Но, «хотя сатана действует в мире через ненависть к Богу и Царству Его, воплощенному в Иисусе Христе, и несмотря на то, что злодеяния его причиняют серьезный вред духовной природе человека, а косвенно и физической, для каждого человека и человеческого сообщества подобные действия допускаются божественным Провидением, влияющим решительно и вместе с тем осторожно на историю человечества и всего мира. Тот факт, что Провидение допускает дьявольские происки, есть великая тайна, однако же, насколько известно, Бог покровительствует тем, кто, возлюбив его, творит добро».

То же самое, как мы дальше увидим, можно прочесть и у Толкиена.

Безгрешный человек призван непосредственно участвовать в божественном промысле, и даже больше, чем эльфы у Толкиена:

«Рожденный в святости, человек изначально подлежал всеполному обожествлению и прославлению Богом. Но он хотел стать вровень с Богом,

и без Бога, и даже перед Богом, а не за Богом».

В этом и заключается грех Мелкора: исполнившись гордыни и тщеславия, он с самого рождения мира пытается открыто соперничать с Эру. Да и сам человек, с точки зрения Толкиена и церкви, постоянно подвержен искушению грехом:

«Священное Писание и церковная традиция неустанно напоминают, что в истории человечества грех присутствует повсеместно, ибо он всеобъемлющ... Передача первородного греха из поколения в поколение тоже есть тайна, которую нам не дано постичь до конца».

Приведенные выше строки позволяют понять логику распространения сумерек на протяжении всего сюжета «Сильмариллиона»:

«Из-за трагедии, постигшей мир вследствие того, что он покорился власти зла, жизнь человека превратилась в битву... Жестокая битва против темных сил проходит через всю историю рода человеческого»,

равно как и через все истории, рассказанные в «Сильмариллионе» и «Властелине Колец».

Выражение *In illo tempore* означает далекие благословенные времена, когда человек был един с богами, животными и деревьями. Оно означает первозданный мир, где вещи значили все и не значили ничего. То была эпоха единства, всеобщего очарования, которую не без грусти воспевали Руссо, Гельдерлин, Нерваль и многие другие поэты-романтики, а мы с вами сегодня считаем ее колыбелью человечества.

В свое время Шатобриан написал строки, которые вполне соответствуют романтически-ностальгическому стилю и обстановке «Сильмариллиона»:

«Ко мне будто снизошел Дух воспоминаний и в раздумье опустился подле меня».

А вот еще:

«И захотелось мне узнать, могут ли ныне живущие народы наделить меня добродетелями или хотя бы пороками своих усопших предков... Что случилось со всеми героями, понаделавшими столько шуму? Время шагнуло вперед — и лик земной преобразился».

Точно так же автор «Рене» и «Аталы»⁽⁹⁸⁾ славит «художников и людей, исполненных небесной благодати и поющих под звуки лиры хвалу богам и народам, почитавшим законы, веру и гробницы предков».

В древнегреческих мифах эта благословенная эпоха сродни золотому веку, а в индуистской мифологии — сатья-юге. В иудео-христианской традиции эпоха эта соответствует началу мира, когда человек пребывал в раю, в «детском саду» — словом, когда он еще не совершил непоправимой

ошибки.

Творчество Толкиена от начала до конца глубоко пронизано этими первозданными идеалами. Толкиен испытывает неутолимую ностальгию по древним временам и пытается при первой же возможности снова и снова окунуть нас в благодатную купель времен первозданных. Он это делает не раз в «Сильмариллионе» или в чудесной сцене появления в Лориэне, во «Властелине Колец», когда хоббитам и их спутникам открываются истинные Юса атоена, сокрытые в священной обители очарования Кветлориэне, где правит эльфийская чаровница Галадриэль.

Точно так же и Жерар де Нерваль не без пафоса воспекает рождение мира в «Аврелии»:

«Дивный сад возник из-за облаков позади нее, и мягкий, всепроникающий свет озарил этот рай... и все живое в саду том было подвластно единому великому порыву возродить в мире первозданную гармонию».

Вот почему «счастливый народ сотворил себе это прибежище, полюбившееся птицам и цветам, полное чистого воздуха и света. Так-то вот! Ни порока, ни пагубы, ни рабских оков — чистота, восторжествовавшая над невежеством».

Эти строки как нельзя лучше соответствуют описанию эльфов в Истории Сильмарилл.

Впрочем, *In illo tempore* означает не только времена былые, благословенные. Это еще и собственно начало мира, в частности в «Сильмариллионе», о котором мы поведем дальнейший рассказ. Не всякому писателю удалось бы так мастерски создать, вернее, воссоздать первозданный мир. Толкиен же справился с этой многотрудной задачей блестяще: он воссоздал целый древний мир, а вместе с ним и целую эпоху.

Не менее поразительное впечатление, уже в самом начале «Сильмариллиона», складывается и оттого, что Толкиен будто творит свое Бытие. Когда-то Бальзак пытался возродить в своей «Человеческой комедии» идеальное гражданское общество, а Толкиен, как видно, решил в пример Богу, или, по крайней мере, ветхозаветному Богу сотворить мир за шесть дней. Быть может, в этом его величайшая ошибка, как традиционного католика, или, уж во всяком случае, тайна. Толкиен, как истовый *Laudator temporis Acti*⁽⁹⁹⁾, словно попытался повернуть время вспять. Прежде мы не раз говорили о языке и стиле Толкиена, помогающих понять его мир, теперь же нам самое время постараться понять намерения, побудившие его обратиться к истокам Предначального Мира — мира духовного, возвышенного и куда более благородного и независимого по

сравнению с нашим. То время напоминает счастливое детство мира, как писал Нерваль в «Аврелии»:

«О, призрачные воспоминания о детстве и отрочестве, сохранится ли сладость ваша навеки?.. Юность, как и утро, исполнена чистоты, красоты и гармонии».

Сотворение мира начинается у Толкиена в общем—то традиционно:

«Вначале был Эру, Единый, коего в Арде нарекли Илуватаром».

Этот изначальный бог сродни Демиургу⁽¹⁰⁰⁾, сотворившему других богов под стать мифологическим божествам. И все они связаны с Эру так же, как скандинавские боги с Одинем или греческие с Зевсом. И породил их всех Эру:

«Вначале создал он Айнур, благословенных, породив их разумом своим, и те были при нем до того, как сотворил он еще что—либо».

Бог создает сущности так же, как писатель своих героев.

Однако Сотворение мира Богом интересует нас в данном случае в связи с тем важным значением, которое Толкиен придает музыке. В первых же строках «Сильмариллиона» мы словно слышим мелодию «Золота Рейна» Вагнера — его знаменитый пролог из ста шестидесяти трех тактов:

«И говорил он с ними и дал музыкальные темы, и воспели они с ним и были счастливы».

Здесь Толкиен напоминает Пифагора, воспевающего «музыку сфер». Музыка у Толкиена звучит в начале Сотворения мира так же, как Слово в Евангелие от святого Иоанна:

«В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог... Жизнь была в Нем, и эта жизнь была светом для людей...»

У Толкиена же вместо Слова Божьего звучит божественная музыка. Напомним:

«И говорил он с ними и дал музыкальные темы, и воспели они с ним и были счастливы».

Айнур играют каждый свою музыку, «ибо каждый из них внимал той части Илуватарова разума, что породила его, но ощущение единства еще долго не приходило к ним».

И вот наконец явилась гармония:

«всеблагое сознание осеняло их по мере того, как внимали они: оно же привело их к согласию и гармонии».

Затем наступает день великой музыки, раскрывающей тайны мироздания:

«...и собрал Илуватар всех Айнура, дабы дать им тему чудесную, какая раскрыла бы им величайшую и прекраснейшую суть вещей, доселе им

неведомую».

И обратился Илуватар к очарованным Айнур с такими словами:

«Из темы, какую я дал вам, угодно мне, чтобы сей же час все мы сотворили Великую Музыку».

Сам же он будет «внимать ей и радоваться тому, что благодаря Айнур красота обратится в музыку».

На этом мистико–теологическом значении музыки нам, пожалуй, следует остановиться подробнее, поскольку музыка занимает важное место в нашей жизни. И громкая слава тех же рок–звезд связана непосредственно с «музыкальностью» современного мира. Музыка во все времена почиталась как величайшее искусство. Пифагор, как мы помним, внимал «музыке сфер», Сократ полагал, что «философия есть высшая музыка». Позднее Шопенгауэр и Ницше, оба, кстати, отличные музыканты, видели в служении Эвтерпе⁽¹⁰¹⁾ проявление высшей формы–человеческой деятельности. Ну а Эразм, философ и гуманист эпохи Возрождения, отмечал чудодейственно–целительную силу искусства Эвтерпы:

«Древняя литература воспевала поклонение флейте, чье дивное звучание облегчало страдания тем, кто недужил воспалением седалищного нерва».

Помимо всего прочего, продолжал он, «песнопениями издревле пользовали больных на Лесбосе и в Ионии⁽¹⁰²⁾», а в его время «песнью исцеляли людей от падучей».

Другой же гуманист эпохи Возрождения, Марсилио Фичино, даже написал трактат по музыкальной терапии.

В этом труде есть, например, такие строки:

«Всякому страдающему бессонницею или предрасположенному к горячке, музыка дает целительный сон. Известно, что, ежели плачущему младенцу дать послушать напевную мелодию, он скоро утешится. Силе музыки подвластны люди всех возрастов и обоих полов, даже если им неведома суть сего искусства. А суть его, по Платону, в том, что сердце мироздания бьется в музыкальном ритме».

Чудодейственные свойства и силу музыки подчеркивал Эразм, обращаясь к мифу об Орфее:

«Какие только чары не приписывали древние Орфею и его цитре! Мог ли кто другой столь же ярко выразить несравненную силу музыки? Да и мог ли кто другой представить себе такое?»

Темам Илуватара Толкиен также придает первостепенное значение, особенно главной из них — самой прекрасной и непревзойденной. Вот как

он описывает ее:

«Из благозвучия мелодий, без конца переливавшихся одна в другую, родилась гармония, не подвластная слуху по высоте и глубине звучания».

Подобная музыка сродни свету, устремленному во тьму. В самом деле, обитель Илуватара переполнялась музыкой, и «отзвуки ее достигали Пустоты, и не стало больше Пустоты».

Эта пустота очень напоминает тьму в Евангелие от Иоанна.

Но самая дивная мелодия должна зазвучать в Конце Времен:

«Сказано, что куда более величественная музыка зазвучит пред Илуватаром по окончании времен, — то будут хоры Айнур и Детей Илуватара».

Недолго, однако, звучала чудесная гармония, ибо уже в начале начал — буквально на второй странице «Сильмариллиона» — объявился мятежный ангел, нарушивший вселенское благозвучие. Музыка способна служить и дурным целям, ибо она воздействует на человеческое сознание так, как, пожалуй, ничто другое. Музыка может ввергать в ужас или безумие (вспомним рассказ Лавкрафта «Музыка Эрика Зана»); с ее помощью можно управлять душами людей в пагубных целях.

Музыка ведет воинов в бой, писал Эразм и, словно предвосхищая рождение современных агрессивных музыкальных стилей, в частности рока, отмечал, что «когда-то корибанты — служители Великой матери богов Кибелы, — впад в исступление, грохотом своих барабанов и завыванием флейт ввергали людей в ярость. Шальная какофония и правда способна вызвать в душе самые низменные страсти».

По наблюдениям Эразма, неблагозвучная музыка особенно дурно воздействует на девиц, достигших поры замужества:

«При неистовых звуках девицы бросились в толпу, новобрачная пустилась в пляс — торжество праздновали с шумом, и так весь день, а к вечеру всеобщее веселье переросло в вакханалию, какая не снилась и корибантам. Ежели б у нас справляли так всякое торжество, то на земле давно воцарился бы суший ад».

Прибавим сюда же «пронзительный вой военных труб и громоподобный грохот барабанов», будто созывающих на всеобщую черную мессу, — чем не современный рок-концерт...

Кстати, рок-музыка изначально считалась дьявольским порождением, к тому же она вполне может довести до сумасшествия. Ненавистники «дьявольской музыки» говорят о бесноватости поклонников рока и самих рок-музыкантов, о том, что рок-концерты, больше похожие на музыкальные оргии, — чудовищная какофония, подавляющая гармонию, —

словом, обвиняют рокеров едва ли не во всех смертных грехах. Но ведь в свое время и к блюзу, было такое же отношение, не правда ли?..

Впрочем, что верно, то верно:

«замыслил Мелкор смешать свои собственные темы, порожденные разумом его, со всеобщим звучанием, да вот только не были они созвучны с темой Илуватара».

Мелкором правит гордыня — самый пагубный из грехов и с точки зрения христианства:

«Уж больно тщился он возвеличить силу и торжество своей собственной партии».

И тщания Мелкора увенчались—таки успехом, ибо «был он самым одаренным и сильным среди Айнур и объединял в себе все их таланты».

Эту силу Мелкора следует подчеркнуть особо, иначе а posteriori нам будет трудно понять, как и почему Мелкор подавил Айнур и установил свое господство над Ардой. С другой стороны, самому Мелкору способна противостоять только безупречная сплоченность Айнур — то есть Валар.

Своим величием Мелкор будоражит и искушает. Он нарушает все запреты и, как скажет потом Саурон, дает свободу нуменорскому государю Ар-Фаразону:

«Он часто скитался в одиночку по глухим пустошам в поисках Вечного Пламени, а его самого сжигало изнутри страстное желание явить Сущему плоды помыслов своих; казалось ему, что Илуватар отринул Пустоту из мыслей своих, в то время как ему самому было в радость созерцать ее»

Из слов Толкиена может сложиться впечатление, будто Эру был бессилен перед пустотой и потому потерял к ней всякий интерес, перепоручив ее во владение самому одаренному из Айнур. Стремление Мелкора к одиночеству тоже по-своему любопытно. Мятежный ангел, он, подобно романтическому герою-скитальцу, пытается бежать прочь от остальных Айнур, дабы в уединении посвятить себя сочинению безумной музыки:

«Разлад в душе Мелкора переродился в смятение, из коего возникла новая тема; звук борьбы все нарастал и, в конце концов, сделался столь пронзительным, что многие Айнур, смутившись, перестали петь, и тогда—то Мелкор восторжествовал над ними».

Позднее Илуватар имел с ним беседу, в которой снова прозвучала тема зла, как она трактуется и в христианстве: как и почему Бог допустил зло, если сам был безгранично добр? Этот вопрос пошатнул и веру Робинзона Крузо, когда его спросил о том же Пятница. И вот что говорил сам Эру:

«И ты, Мелкор, уразумеешь, что нельзя сыграть тему, если высший источник вдохновения не во мне, и что никто не волен изменить музыку вопреки мне. Ибо даже тот, кто идет против меня, действует моим орудием ..»

Так зло на мгновение становится добром, а хаос обращается в порядок; так зло побуждает добро превзойти самое себя, дабы подчинить себе зло:

«И ты, Мелкор, постигнешь самые тайные помыслы свои и поймешь, что они лишь часть целого и подвластны величию его».

Верховный бог у Толкиена благороден и скрытен: «Еще никому не поверял Илуватар заветной тайны своей, и каждая эпоха порождала свои новшества, коим не было предначертания, ибо возникали они не из прошлого».

Музыка у Толкиена включает в себе великое созидательное начало. Она порождает эльфов, или эльдар:

«Дети Илуватара были созданы только им, и явились они из третьей изначальной темы».

Ну а Дети Илуватара — «это эльфы и люди, Первенцы и Наследники».

Затем Эру переселяет чад своих на равнину Арды, «и многие Айнуры из числа сильнейших устремили к месту тому и волю, и помыслы свои».

Более других усердствовал Мелкор, и не без причины: он хотел «управлять раздиравшими его жаром и стужей и покорить воле своей эльфов с людьми».

И вот Мелкор является им в странном обличье эдакого бога-заместителя, желающего занять место Илуватара. Словно ослепленный катарсической⁽¹⁰³⁾ верой, Мелкор, возмнив себя самым Эру, возжелал иметь собственных рабов, «дабы слышать, как они величают его Владыкой, и повелевать всеми их помыслами».

Мелкору с первого взгляда земля пришлась по душе:

«он вождедел землю, совсем еще юную и горячую, и сказал он остальным Валар: — Сие будет царство мое, и нареку его именем своим».

У Толкиена земля — главное поле брани Айнуры, место их великих сражений. Отсюда и все беды эльфов и людей. Что же до эльфов, о них прекрасно высказался Хэмфри Карпентер, памятуя, что они бессмертны:

«Они совсем не похожи на развеселых духов-коротышек. По натуре своей они что люди — вернее, человеки, еще не познавшие грехопадения, лишившего их былой силы и величия. Толкиен твердо верил, что когда-то на земле действительно был сад Эдемский и что причина всех бед человеческих — в первородном грехе человека, тогда как эльфы, хотя и они

не без греха, не «пали» в теологическом смысле слова и, стало быть, сохранили и силу свою, и величие, не в пример людям. Эльфы — искусные мастеровые, стихотворцы и словесники; творения их рук своей красотой превосходят человеческие. К тому же им не грозит гибель на поле брани, поскольку они бессмертны. Ни старость, ни недуги, ни самая смерть — ничто не может остановить их творчество, день ото дня все хорошеющее. Они являют собой идеал для всех натур творческих и артистических».

А вот что писал об эльфах сам Толкиен:

«Их сотворил человек по образу и подобию своему, и ни в чем не дал им ограничения, оттого-то они и стали ему непосильным бременем. Эльфы бессмертны и силой воли своей способны воплотить в жизнь любую мечту и желание».

Стало быть, эльфы не боги и не ангелы, а высшие человеческие существа — точнее, сверхлюди. Заметим кстати, что среди эльфов в мире Толкиена не было землепашцев. Валар же — иначе говоря, Айнур — «мало-помалу обретали форму и облик... и, когда хотели, ходили нагими, и тогда их с трудом различали даже эльдар. Когда же им хотелось сокрыть наготу, Валар обретали форму мужчин и женщин... и ходили они по земле как живое воплощение силы и величия».

Как раз это и ввергало Мелкора в ярость — «очи его загорались огнем, холодным и гибельным».

Далее Толкиен поясняет, кто такие Валар и почему они неизменно противостоят Мелкору, но это и понятно, ведь он разрушает все, что они ни сделают. Первый из Айнур — Манве, «предназначенный быть во все времена первым из Властителей».

Он «радуется ветру и облакам», и не случайно его еще зовут Повелителем Зефира. Манве в чем-то сродни индуистскому Брахме⁽¹⁰⁴⁾, парящему верхом на лебеде. Манве несет поэзию, «ибо стихотворство доставляет ему величайшую радость и песня слов — его настоящая музыка».

Песням Толкиен тоже придает не последнее значение, что ощущается и во «Властелине Колец». Песни у него, как и у Нерваля, — это узы, связующие нас с прошлым. Что до Нерваля, он воздаст хвалу чарующей силе песен и слов в своем рассказе «Сильвия». Напомним:

«Юные девы водили на лужайке хоровод и пели старинные песни, которые переняли от своих матушек... И я был единственным юношей в их хороводе... И тут заметил я среди них высокую, светловолосую красавицу — звали ее Адрианной».

У Нерваля ночной хоровод, как, пожалуй, ничто другое, позволяет

мысленно переноситься через пространство и время:

«Мы, дети этой земли, с луками и стрелами, сойдясь в едином шествии и нарекшись рыцарями, и помыслить не могли, что пошли по стопам древних друидов, чьи праздники пережили века, монархии и новоявленные религии».

Манве неразлучен с одной из Валие — Вардой, Повелительницей Звезд. Мелкор ненавидит ее лютой ненавистью. Живет Варда на вершине Таникветил, откуда ей все видно и слышно. Эльфы зовут ее Элберет и «прославляют в песнях своих, кои поют, когда зажигаются звезды».

Напомним, что эльфы — существа ночные, скорее лунные, нежели солнечные.

Ульмо, главный среди Валар, одинок — как и Мелкор; он же ему и первый враг. Толкиен, неустанно воспевавший океан как источник свободы и великого приключения–посвящения, довольно часто поминает Ульмо в «Сильмариллионе». Ульмо, помимо того, еще и бог музыки, и «те, чьего слуха коснулась его музыка, навсегда сохраняют ее в сердце своем как вечную память о море».

Толкиен добавляет, что дух Ульмо витает по всему миру, несомый водными потоками земными. Ульмо сродни греческому и римскому морским богам; он же ближе всех к эльфам и людям, да и сам Толкиен, кстати, уточняет, что если нолдор и стоит ждать откуда–нибудь спасения, так только с запада — со стороны моря. Вот вам типичный кельтско–англосаксонский взгляд на море (поскольку именно с запада приходила помощь во время двух мировых войн), однако разделить его трудно.

Как бы то ни было, Мелкор ненавидит Ульмо, а вместе с ним и океан. И не случайно, несмотря на великое благотворное влияние моря, на берегах его возникает обреченная, сбившаяся с пути истинного цивилизация, очень похожая на Атлантиду. Толкиен не был ни моряком, ни яхтсменом, поэтому трудно сказать, откуда у него такая беззаветная любовь к морю — миру, полному ностальгических воспоминаний и великих приключений, где его самый, пожалуй, сверхчеловеческий герой, Эарендил, станет спрашивать у Валар прощения для людей и нолдор за их ошибки.

Другому Вале видная роль отведена на земле: это Ауле, бог–умелец, эдакий кельтский Луг–Самилданах⁽¹⁰⁵⁾ или Гефест⁽¹⁰⁶⁾ и Вулкан⁽¹⁰⁷⁾ в одном лице. Ауле владеет драгоценными камнями и покровительствует нолдор и гномам — искуснейшим мастерам. Ауле — бог–созидатель, являющий собой полную противоположность разрушителю Мелкору, который, будучи его непримиримым соперником, сокрушает все, что бы тот ни создал. Ауле вершит «великие дела», и «от него–то нам достались

знания о земле и о том, что таится в ней... секреты всех ремесел: ткачества, столярничества, обработки металлов, а также земледелия».

Ауле создает себе подмастерьев — гномов, наделяя их «силой и стойкостью». И тем, что он, поддавшись прометеевскому порыву, создал гномов, его постоянно попрекает Илуватар — однажды он даже пригрозил уничтожить гномов.

У Ауле есть супруга — Йаванна, подобная одновременно Церере⁽¹⁰⁸⁾, Прозерпине⁽¹⁰⁹⁾ и Фрейе⁽¹¹⁰⁾. Она — богиня растений; это «статная дева в зеленом одеянии». Величают ее и Земной Владычицей.

На этом, впрочем, пантеон богов у Толкиена не заканчивается. Есть в нем и Феантури — Ирмо и Мандос. Последний напоминает греческого Миноса⁽¹¹¹⁾; это страж чертога мертвых, «тот, кто созывает к себе убиенных». Мандос хорошо помнит прошлое и знает многое про будущее. Он женат на прядильнице Вайре, прядущей нескончаемую нить из былых событий, чтобы затем ткать «исторические полотна, что украшают чертог Мандоса и со временем разрастаются вширь».

Вайра подобна парке⁽¹¹²⁾ или норне⁽¹¹³⁾.

У Мандоса есть брат Ирмо, повелитель видений и снов; его супруга Эсте исцеляет от недугов и усталости, погружая немощных в воды своих чудодейственных источников. Ниенна — сестра Феантури, она повелевает страданиями.

«Она оплакивает все раны, оставленные на земле Мелкором»

Толкиен тут же добавляет, что «со временем песнь Ниенны превратилась в горестный плач, и печальный глас ее волился в темы мироздания задолго до того, как был сотворен мир».

И как тут не вспомнить строки Шатобриана:

«Сердце наше — инструмент несовершенный: оно подобно лире без струн, из которой мы вынуждены извлекать радостные звуки в тональности, больше подходящей для вздыханий».

Печаль, но не отчаяние, — главный порок и грех в мире Толкиена, где разруха, причиненная архангелом зла, так велика и неизбывна, что ей, кажется, никогда не будет конца.

Противоположностью Ниенны является Тулкас, объединивший в своем лице скандинавского бога-громовержца Тора и римского бога войны Марса.

«Его величают бравым Астальдо, он последним снизошел в Арду, дабы помочь сородичам своим сокрушить Мелкора. Он упивается битвой и силой... Кудри и борода у него золоченые, а в руках неизменно оружие...

Слова его мало что значат, зато отвага его велика».

У Тулкаса необычная супруга: зовут ее Нессой — она родственница оленям и ланям, хотя и проворнее их. Несса непревзойденная танцовщица — живое воплощение мысли Ницше о том, что мужчина должен быть искусным воином, а женщина — доброй матерью, ну а когда они вместе, то должны танцевать.

Есть у Толкиена и великий охотник — Ороме, подобный библейскому Нимроду, большой насмешник и гонитель чудищ и хищников. Он любит общаться «с лошадьми, гончими псами и деревьями, потому-то его и кличут Алдароном — Повелителем Лесов».

При нем всегда рог Валарома, чей глас «чистотою своею сродни пурпурному восходу или молнии, пронзающей тучи...»

Применительно к великой охотничьей традиции Ороме — охотник-чистильщик, ибо «он увлекал и друзей своих, и зверей в погоню за злобными тварями, прихвостнями Мелкора».

Наряду с Валар существуют менее значимые духи, появившиеся впрочем, тоже во времена сотворения мира, — майар. Среди них особенно примечательны Илмаре, служительница Арды, и Эонве, глашатай Манве.

Еще один майа, Оссе, состоит в вассалах при Ульмо, Владыке морей, омывающих Средиземье...

«Он управляет бурями, и смех его перекликается с рокотом волн».

Уинен, его супруга, повелевает морскими тварями, о которых моряки слагают легенды.

Оссе, в отличие от Ульмо, олицетворяет бурное море:

«Когда возникла Арда, Мелкор решил переманить Оссе на свою сторону, обещав отдать ему за верную службу все владения Ульмо. Потому-то и взбурлили и вспенились моря когда-то, едва не затопив все земли».

Но стараниями супруги Уинен Оссе был допущен к Ульмо и снискал его прощение. И «всякий, кто живет у моря или ходит по неоглядным водам его, с почтением поминает Оссе, однако ж доверяться ему не смеет».

Валар с самого начала противостоят сильнейшему среди них — Мелкору, который рушит все, что они ни сотворят:

«Он набросился на Иллуин и Ормал (два лучезарных столпа, похожих на гигантские светочи, озаряющие землю), низверг их и разбил светильники. От крушения столпов содрогнулась земля, вздыбились моря, и хлынуло из светильников всепоглощающее пламя».

Первое злодеяние Мелкора обернулось непоправимыми последствиями. Отныне миру уже никогда не будет суждено стать таким,

как прежде; уже никому не удастся восстановить его *Statu quo ante*:

«Лик Арды сделался уродливым, равновесие между сушей и водами нарушилось — Арда навеки лишилась прелести, какой наделили ее Валар».

«Так закатилась юность Арды», — добавляет Толкиен. Впрочем, Валар, похоже, смиряются с первой величайшей бедой:

«И тогда ушли они из Средиземья в землю Амана, что на Заокраинном Западе, на самом краю света».

Здесь Толкиен воздает дань кельтской традиции с ее Сидхом — иным миром на западе, и греческой с ее садами Гесперид («дщерей ночи»), что цветут там же, на крайнем западе. Бессилие Валар очевидно:

«Мелкор крепко удерживал Средиземье, и низвергнуть его они не могли никакими силами».

Так Мелкор становится *Princeps hujus mundi* — Властелином мира, который, как он любил говаривать, «стал его безраздельной вотчиной», что и толкнуло людей на вероломство. И не случайно Толкиен с нескрываемым скептицизмом замечает, что Илуватар «наделил людей странными свойствами» и что, по разумению эльфов, люди больше других «походят на Мелкора». И то правда: помимо всего прочего, век людей короток, а сердца их «пребывают в извечном поиске пределов мироздания и нигде не находят ни покоя, ни отдохновения, хотя им достаёт отваги строить жизнь по-своему и при этом противостоять случайным превратностям и силам, правящим миром».

Илуватар, положивший столько трудов на сотворение человека, обманувшего его чаяния (еще одно подтверждение нелюбви Толкиена к людям), «знал, что люди, оказавшись меж сил, правящих миром, нередко сбивались с пути истинного и далеко не всегда использовали свои таланты так, как было надобно».

Но, как и в случае с Мелкором, «что бы ни делали они, деяния их служат во славу творенья моего» (творения Эру).

Толкиен противопоставляет запад, главную исходную точку всех благих начинаний, востоку и северу, где властвуют силы тьмы. Именно там, на Заокраинном Западе мира, Валар обустривают новообретенную землю, Валинор, — своего рода нордическую Вальхаллу⁽¹¹⁴⁾. Только они это делают собственными силами, а не с помощью великанов. Валар возводят горы — обиталище духов и богов, подобное греческому Олимпу. На священной горе Таникветил Манве воздвигает свой престол. Создают они и особый уголок — *Locus amoenus*,

«где ничто не блекло и не увядало, где цветы и листья не знали пятен тлена, где никакой недуг и никакая пагуба не коснулись живых существ, где

даже воды и скалы были осенены благодатью».

Валар создают и Маханаксар — Круг Судьбы, нечто, подобное колесу мира, известному так же под названием «свастика». Богиня растительности Йаванна возвращает два легендарных валинорских дерева — Тельпериион и Лаурелин, свет которых озаряет Валинор и весь мир.

«В Валиноре дважды на дню наступал час отдохновения и яркого озарения, в коем оба дерева лучились золотом и серебром».

Древа символизируют хронологическое начало мира, поскольку именно «с их появлением начался отсчет новой эпохи». Толкиен не уточняет, какой породы Лаурелин, но дает понять, что Тельпериион — это бук.

Начало времен ознаменовано первой войной против Мелкора — в результате он будет побежден и посажен на цепь, как волк Фенрир из скандинавских мифов. Отныне у Валар достаточно сил, чтобы осадить Мелкора в его логове Утумно. Осада продолжается долго, но богу-силачу Тулкасу все же удастся низвергнуть Мелкора. Он-то и сажает его на цепь Ангайнор, выкованную Ауле. Мелкора заточают в крепость Мандоса, бросив сперва в середину Круга Судьбы... Из-за участия в войнах образ Валар меркнет в глазах эльфов — они отказываются следовать за ними в Валинор.

«Так случился первый разлад среди эльфов» и, добавим, начались размолвки между эльфами и Валар. Со временем, правда, будет заключен союз между одним из эльфов и одной из майа, которые, как мы помним, были божествами второго уровня в мире Толкиена (кстати, Саурон тоже майа). Зовут ее Мелиан, и про нее говорят, что «не было никого прелестнее и мудрей ее и искуснее в чародейных песнях».

Пение ее сродни трелям птиц, она-то и передала свой несравненный дар соловьям. Мелиан покидает Валинор и возвращается в Средиземье. Там песнь ее доносится до слуха Элве, или Тингола, и он, зачарованный, берет дивную певунью за руку. Так Мелиан становится королевой и супругой Элве, или, по-другому, Элу-Тингола. Она оказалась правительницей куда более мудрой, нежели те, что властвовали в Средиземье до нее; «она возвеличила Тингола, хотя он и без того слыл среди эльфов великим, ибо был единственным среди всех своих соплеменников, кто собственными глазами видел два чудо-дерева еще в пору их цветения», то есть покуда их не иссушили Мелкор и Унголиант. Далее Толкиен пишет, что «любовь Тингола и Мелиан явила миру самого прекрасного младенца из всех чад Илуватаровых, что были и еще будут потом».

Речь, конечно же, идет об уже упоминавшейся нами Лучиэни. Что же до союза Мелиан и Тингола, он чем-то напоминает одну знаменитую библейскую историю.

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди» (Бытие 6:1–4).

Эти сильные и славные люди очень напоминают героев греческих легенд и их детей, рожденных от смешанных браков и соединивших в себе божественное и человеческое начала. У Толкиена примеров такого кровосмешения не так уж много, но от каждого такого союза рождаются поистине великие герои. Ну а завершается наша история об «*In illo tempore*» освобождением Мелкора, вымолившего—таки прощение у Манве, который уверовал в чистосердечное раскаяние хитреца.

«Манве поверил, что Мелкор отрешился от сидевшего в нем демона. Ибо сам он, чистый от всякого зла, не мог распознать истинной сути зла; к тому же он знал, что изначально, по замыслу Илуватара, Мелкор был ему ровня. Не смог угадать он, что таится в глубине души Мелкора, и узреть, что любовь оставила ее навеки».

Глава вторая

Проклятие и измена

В этой главе мы рассмотрим одну из самых мрачных тем в творчестве Толкиена — тему проклятия и измены. Проклятия, подобного тому, что тяготело над нибелунгами и героями греческих легенд, превратив их жизнь в сущую трагедию. Не случайно такое же страшное проклятие, изреченное Морготом в «Сильмариллионе», падает не только на многострадального Хурина, но и на весь его род.

Измена играет не менее значимую роль в феодальном мире, где верность данному слову почиталась святым долгом. В мире нескончаемых войн, союзнических распрей и династических козней измена — предательство, отступничество — являет собой самое страшное из злодеяний.

Первый отступник в мире Толкиена, разумеется, мятежный Вала Мелкор, решивший уничтожить творение Эру и своих собратьев—Валар. Саурон, его прислужник, такой же предатель: он сеет мировой хаос, который охватывает все и вся. При этом в огромном мире Толкиена существует две категории предательства: непосредственное и ярко выраженное; и невольное, бесповоротно меняющее жизнь героя и становящееся, по сути, его злым роком. К первой категории можно отнести предательство Мелкора, Саурона, а также Сарумана и Гнилоуста; а ко второй — отступничество Боромира, Денэтора или Турина, героя самой печальной истории в «Сильмариллионе».

Во «Властелине Колец» есть два героя, которые мало в чем уступают друг другу, даже в красноречии: это Саруман и Гнилоуст. Саруман — жалкое подобие Саурона, хотя зла от него не меньше: ведь это он в конце повествования предает скверне благоденствующую Хоббитанию. Саруман становится изменником потому, что он бессилен противостоять чарам зла, с которым призван бороться. А стало быть, предает он и Гэндальфа, и остальных мудрых из Светлого Совета — таинственных магов-истари, объединившихся с эльфами и людьми против Саурона. Затаившись в своей крепости Изенгард, Саруман собирает вокруг себя темные силы — орков, которым уже не страшен солнечный свет. Он становится своеобразным сахером — по исламской традиции, колдуном, сбившимся с пути истинного и двинувшимся в обратную сторону, то есть так называемым контрпосвященным.

Между тем его верный прихвостень Гнилоуст постоянно отравляет душу старому Властителю Мустангрима Теодену. Его пагубные, полные безысходности речи подтачивают дух доблестного воителя — и он дряхлеет у всех на глазах. Вот, к примеру, что отвечает Гнилоуст на призыв Теодена присоединиться к его войску и мечом доказать верность своему повелителю:

«Подобная решимость к лицу конунгу из рода Эорла, как бы он ни был стар... Конечно, преданный слуга умолил бы его пощадить свои преклонные лета. Но я вижу, что запоздал, и государь мой внял речам тех, кто не станет оплакивать его преждевременную кончину...»

Но Гэндальф без труда изобличает злой умысел Гнилоуста и сообщает об этом Теодену, в то время как Грима (настоящее имя Гнилоуста) пытается обвинить Гэндальфа во лжи:

«Недаром это слово не сходит у тебя с языка, — сказал Гэндальф. — Нет, я не лгу. Смотри, Теоден, вот змея подколотная! Опасно держать его при себе, и здесь тоже не оставишь. Казнить бы его — и дело с концом, но ведь много лет он служил тебе верой и правдой, служил, как умел. Дай ему коня и отпусти на все четыре стороны».

Гэндальф объясняет, какими черными делами занимался Гнилоуст, бередя душу старцу, при котором он состоял советником:

«А он вдобавок... наушничал, отравляя твои мысли, оледеняя сердце, расслабляя волю...»

Грима, как только его милостиво отпускают восвояси, ясное дело, спешит напрямик к Саруману, чтобы и впредь вершить лиходейство с ним заодно. Но в самом конце «Властелина Колец» он, опережая хоббитов, собственноручно убивает Сарумана, который то и дело унижал его, точно собаку. Как бы то ни было, Гнилоуст так и останется гнусным предателем — до конца своих черных дней.

Что касается братьев по Кольцу, среди них, к счастью, не было изменника в прямом смысле слова. Однако же один из братьев сразу же начинает сомневаться в правильности порученного им задания. Сомнения эти, вернее заблуждения, передались ему от родного отца. Это Боромир, сын Денэтора, прибывший из Минас-Тирита и пожелавший заполучить Кольцо, чем в результате и навлек гибель на себя и злоключения на голову своих братьев. С самого начала, еще на Совете у Элронда, Боромир показывает свое истинное лицо — отступника, отвергающего духовную власть Гэндальфа. Но прежде он убеждается, что Кольцо действительно существует:

«Так вот оно что!.. Значит, Кольцо Всевластья сохранилось? По

нашим—то преданиям, оно исчезло, когда завершилась Вторая Эпоха...»

И вот, не в силах совладать со все возрастающим любопытством, Боромир старается выпросить как можно больше подробностей. Когда Элронд, следуя советам Гэндальфа, решает уничтожить Кольцо в огне, Боромир тотчас же раскрывается перед всеми:

«...Фродо почувствовал, как черный страх ледяными щупальцами сжал его сердце. Ему показалось, что Боромир шевельнулся, и он с надеждой посмотрел на гондорца. Тот рассеянно играл охотничьи рогом и хмурился. Потом решительно сказал: — Я не понимаю, чего вы боитесь. Да, Саруман оказался предателем, но ведь глупцом никто из вас его не считает. Почему вы думаете, что вражье Кольцо можно лишь спрятать или уничтожить? Раз уж оно очутилось у нас, надо обратить его против хозяина Свободным Витязям Свободного Мира оно поможет сокрушить врага. Именно этого он и боится!.. Пусть же Кольцо будет нашим оружием, если в нем скрыта столь грозная мощь!»

Боромир с самого начала представляет собой угрозу для главного хранителя Кольца. Элронд взывает к его благоразумию, пытаясь убедить гондорца, что Кольцо служит только злу — только Саурону, но все тщетно: его увещевания не действуют на Боромира — он рвется в Братство Кольца с тайным умыслом. Не случайно Галадриэль потом скажет, что на Боромира надежды мало. Как бы то ни было, цель Боромира вполне ясна: он желает доставить Кольцо в Минас-Тирит, дабы Денэтор употребил его по своему усмотрению.

Позднее (после исчезновения Гэндальфа, повергшего в уныние всех братьев по Кольцу) Боромир начинает открыто роптать:

«Неведомые беды на тайных тропах всегда оказываются гораздо опасней, чем открытые враги на торных дорогах. По совету Гэндальфа мы спустились в Морию... Выбраться из Лориэнского леса нелегко, а выбраться таким же, как был, невозможно, — вот что говорят о Лориэне в Гондоре!»

По словам Боромира, выходит, что чудесный Лориэн, где правят Келеборн и Галадриэль, очень опасен для братьев. А некоторое время спустя он вызывает у Арагорна полное недоумение, когда вдруг предостерегает его насчет Галадриэли:

«Будь начеку! Неизвестно, какие у нее намерения».

Так, мало-помалу Боромир все больше сторонится своих собратьев:

«Я—то и один пойду в Минас-Тирит, это мой долг», — говорит он. И уже более решительно прибавляет:

«Если Кольцо необходимо уничтожить, то силой оружия тут ничего не

добьешься... Но если необходимо уничтожить врага, то глупо отказываться... — Боромир замолчал, словно до этого он рассуждал сам с собой, а теперь вдруг понял, что говорит вслух...»

Вот когда «Фродо встревожили слова Боромира. Глупо отказываться, начал гондорец... От чего? Может — от Кольца Всевластья? Фродо вспомнил, что на Совете у Элронда он уже заводил об этом разговор, но Элронд тогда же ему все объяснил, и он как будто бы понял, в чем дело. Хоббит с надеждой взглянул на Арагорна, однако тот, погруженный в раздумье, видимо, просто не слушал Боромира...»

Итак, пока только главный хранитель Кольца догадывается, какие мысли не дают покоя Боромиру.

Между Арагорном и Боромиром идет борьба за главенство.

«Боромир долго спорил с Арагорном. Однако, убедившись, что Фродо и остальные решили идти вдоль реки, сказал: — Гондорцы не привыкли сворачивать в сторону, когда их друзей ждет нелегкий путь. Я помогу вам перенести лодки, а потому вместе спустимся к Скалистому... Но потом сразу же уйду на запад — один, если я недостоин попутчиков».

Однако ворчун Боромир еще не сказал своего последнего слова.

Спустя некоторое время Фродо уединился, чтобы принять окончательное решение, куда идти дальше.

«Внезапно ему стало не по себе: чей-то взгляд в спину оборвал, скомкал его раздумья. Он торопливо вскочил, оглянулся — и с невольным облегчением увидел Боромира. На лице гондорца застыла чуть напряженная, но добрая улыбка».

Но в этой дружеской улыбке явно угадывается недоброе: Боромир предлагает Фродо принять единственно верное решение вместе с ним. И вдруг просит Фродо показать ему Кольцо еще раз — при этом хоббит замечает «странный блеск в глазах Боромира». И вот наконец гондорец говорит начистоту:

«...все эти эльфы и маги — для самих себя. Быть может, они действительно станут злодеями, если к ним попадет Кольцо... Но нас, людей из Минас-Тирита, которые вот уже много лет защищают Средиземье от Черного Властелина, не превратишь в злодеев! Нам не нужна власть над миром и вражья магия. Мы хотим сокрушить всеобщего врага, чтобы отстоять свою свободу — и только. Но заметь, как удивительно все совпало: сейчас, когда силы у нас на исходе, снова нашлось Великое Кольцо — подарок судьбы, иначе не скажешь! К победам приводят лишь решительность и бесстрашие. Ради победы в справедливой битве отважный воин должен быть готов на все. Чего не сделает воин для победы —

истинный воин? Чего не сделает Арагорн? А если он откажется — разве Боромир дрогнет в борьбе? Кольцо Всевластья даст мне великое могущество. Под моими знаменами соберутся доблестные витязи из всех свободных земель — и мы навеки сокрушим вражье воинство!

Так нет же, — тут же восклицает Боромир, — они хотят лишиться Кольца! Именно лишиться, а не уничтожить его — ибо если крохотный невысоклик слепо сунется в темный Мордор, то враг неминуемо завладеет своим сокровищем!»

И снова у Толкиена человеком овладевает искушение, которому оказались неподвластны хоббиты — Бильбо с Фродо. Отказ прибегнуть к всесокрушающему оружию связан с нравственно-этическим запретом и одновременно с великим космологическим принципом — не применять оружие в борьбе со злом. Однако люди этого решительно не могут взять в толк, или не хотят. Услышав отказ Фродо, Боромир выходит из себя и уже едва ли не оскорбляет хоббита:

«Глупец! Упрямый глупец! Ты погибнешь сам — по собственной глупости — и погубишь всех нас... Оно могло стать моим! Оно должно стать моим! Отдай его мне!. Жалкий штукарь!.. Теперь я знаю, что у тебя на уме! Ты хочешь отдать Кольцо Саурону — и выискиваешь случай, чтобы сбежать, чтобы предать нас всех! Ну подожди, дай мне только до тебя добраться! Будь ты проклят. Вражье отродье, будь проклят на вечную тьму и смертельный мрак!..»

Так и не сумев убедить обезумевшего Боромира, Фродо надевает Кольцо — и становится невидимым. Только тогда Боромир наконец спохватывается и сознает, что натворил: он «мертво застыл, словно его сразило собственное проклятье, а потом вдруг начал бессильно всхлипывать».

Он взывает к Фродо — но все без толку: хоббита простыл и след. Сэм, вскоре догнавший своего хозяина, говорит, что Боромир явился «растерянный и угрюмый».

Через некоторое время (в начале 2-го тома) Боромир сталкивается один с целой оравой орков, кинувшихся вдогонку за хоббитами... И погибает на руках Арагорна. Но перед смертью он успевает покаяться:

«Я хотел отбрать Кольцо у Фродо. Я виноват. Но я расплатился... Прощай, Арагорн! Иди в Минас-Тирит, спасай наших людей!..»

Ошибка Боромира, как мы уже сказали, стала следствием заблуждений его отца. Так давайте попробуем разобраться, в чем же заблуждался Денэтор, достославный Властитель Гондора?

Перед самой встречей с Денэтором Гэндальф предупреждает Пиппина:

«Это тебе не добродушный старец Теодем. Денэтор — человек совсем иного склада, гордый и хитроумный, высокородный и могущественный властитель, хоть князем и не именуется».

С виду Денэтор похож на мага. Это очевидное сходство, близкое к родству, и столкнет его с Саруманом, и ввергнет в горестное отчаяние. Гэндальф делает и другое важное замечание:

«...если не по крови, то по духу он — истый потомок нуменорцев; таков же и младший сын его Фарамир, в отличие от Боромира, хоть тот и был любимцем».

Кстати, опять же в отличие от Боромира, Фарамир не только благороднее, но и мудрее: он не отвергает советы мага, а напротив, внимательно к ним прислушивается.

Вскоре между Гэндальфом и Денэтором происходит размолвка. Денэтор будто вторит своему погибшему сыну:

«Ты, Митрандир, может, и мудр, но не перемудрил ли ты сам себя? Есть ведь иная мудрость... И я сопричастен ей больше, нежели ты думаешь».

Есть у него и свое мнение насчет Кольца:

«Нельзя его использовать — это опасно. Но в нынешний грозный час отдать его безмозглому невысоклику и отправить в руки к врагу, как сделал ты и следом за тобой мой младший сын (Денэтор имеет в виду Фарамира), — это безумие... его надо было сохранить, упрятать в темной, потаенной глуби»

Гэндальф ему возражает, настаивая на том, что главное — уничтожить Кольцо, поскольку только так можно вызволить из Мордора всех невольников. И тут же прибавляет:

«...хоть и не во всем, но оно сильнее тебя. Схорони ты его в горной глуби под Миндоллуином, оно и оттуда испепелило бы твой рассудок, ибо велика его мощь в наступающей тьме...»

Когда же Гэндальф узнает от Фарамира про встречу Фродо с Горлумом, он тонко подмечает:

«Может статься, предатель проведет самого себя и невольно совершит благое дело...»

Так оно и будет: сорвав с пальца Фродо Проклятое Кольцо, Горлум канет вместе с ним в клокочущую бездну.

Что же до Денэтора, то Черный Властелин уже занес над ним свою роковую десницу, и среди апокалиптического хаоса, напоминающего вагнеровские «Сумерки Богов», тот отрешенно изрекает, глядя на бегущих от гибельного огня воинов:

«Сгорят — и отмучаются, все равно ж гореть. Возвращайтесь в огонь! А я? Я взойду на свой погребальный костер. Да-да, на костер. Ни Денэтору, ни Фарамиру нет места в усыпальнице предков. Нет ни посмертного ложа. Не суждено успокоиться вечным сном их умащенным телам! Нет, мы обратимся в пепел, как цари древнейших времен, когда еще не приплыл с Запада ни один корабль. Все кончено: Запад побежден. Идите и гибнете в огне!»

Вскоре Денэтору уже совсем все становится безразлично. Он умирает обманутым, подобно Тристану⁽¹¹⁵⁾, уверовав в смерть своего сына Фарамира.

«В помраченной душе властителя Дальных островов... поселяется надменное разочарование, неутолимая тоска, влекущая за собой отвращение к жизни, что в Средние века считалось величайшим из грехов», — писал профессор-историк Жан Фраппье о Галеготе, славном герое артуровской эпопеи, дражайшем друге доблестного Ланселота.

Став очевидцем безрассудной, достойной разве что исступленного язычника, смерти Денэтора, Гэндальф объясняет Пиппину причины, толкнувшие Денэтора к отступничеству:

«Я давно догадался, что здесь, в Белой Башне, сокрыт хотя бы один из Семи Зрячих Камней... с годами мудрости у него [Денэтора] поубавилось, и, когда над Гондором нависла угроза, он, должно быть, в Камень заглянул — и заглядывал, и обманывался, и боюсь, после ухода Боромира заглядывал слишком часто. Барад-Дур не мог подчинить его своей злой воле, но видел он только то, что ему позволялось видеть. Узнавал он немало, и многое очень кстати, однако зрелище великой мощи Мордора довело его до отчаяния и подточило рассудок».

В трагическом мире Толкиена нет места для отчаяния или, по крайней мере, для тоски и печали. А отчаяние — грех против разума и надежды. И тут, как ни парадоксально, Толкиен, описывающий мир, полный отчаяния, пытается нас убедить (как истинный христианин), что отчаиваться не стоит ни в коем случае, ибо отчаяние — прямой путь к помрачению разума.

В этом смысле достоин подражания Сэм Скрамби: он никогда и ни перед чем не отступает и всегда готов постоять за своего хозяина, чтобы быть при нем везде и всюду и помочь выполнить поручение, всю важность и много-трудность которого и не может постичь до конца. Сэм борется с отчаянием неизменно, и сила воли не изменяет ему никогда.

В роли еще одного предателя во «Властелине Колец» выступает Горлум. Сэм с Фродо отлавливают и приручают этого «дикаря», хотя в тайне тот так и остается двуличным. Горлум то и дело пытается сбежать

или откинуть какое-нибудь коленце; но при всем том, однако, это существо, в чьей душе, глубоко-глубоко, затаились остатки добродетели, порой старается помочь или угодить своему «доброму хозяину»: например, подобно Коту в сапогах, он ловит и приноситему пару кроликов. Горлум находится в каком-нибудь шаге от искупления своей давней страшной вины — убийства сородича Деагорла, — которая тяжким бременем лежит на нем и его судьбе, ибо он одержим страстью заполучить обратно Кольцо, которое у него отобрали. Раздираемый противоречиями, он, в конце концов, уступает самым низменным своим чувствам — и заводит Фродо напрямик в логово к чудовищу Шелоб. Между тем, как в свое время подметил Гэндальф, этому жалкому мерзавцу суждено сыграть положительную роль в истории с Кольцом, и жадность его и низменная страсть к Кольцу Черного Всевластья сослужит Фродо добрую службу, когда он, зачарованный его золотым блеском, вдруг окажется не в силах бросить это орудие зла в пылающее горнило Ородруина. И тут Горлум вмешивается в самый ход высшей судьбы, которая уже раз выпала ему, когда он нашел Кольцо, потерянное Исилдуром. И в этом смысле Горлум служит уже не своим интересам, а всеобщим, как и предвещал Гэндальф.

В «Сильмариллионе», посвященном событиям куда более мрачным и трагическим, чем история, описанная во «Властелине Колец», предательство случается много чаще, и это лишний раз подтверждает, что зло множится и распространяется по миру. Измена и предательство растут по мере того, как история становится все более трагичной. И тут важно отметить, что предательство в мире «Сильмариллиона» совершают главным образом лнэди. Вот вам еще одно доказательство нелюбви Толкиена к людям, обратившего их в усердных подмастерьев сил зла. Ведь люди, по Толкиену, никогда не любили, но и не боялись Валар (это меткое замечание, касающееся отношений между людьми и богами, объясняет и некоторые особенности религиозного поведения, в частности то, что страх объективно сильнее любви). Если взять, к примеру, нуненорцев, чей век недолог, то их бессилие перед злыми чарами связано непосредственно с бренностью их существования и теми «странными качествами», которыми Илуватар — совместно с Толкиеном — наделил людей.

Но среди тех же людей есть многочисленные племена — в основном восточные, — к которым Толкиен не благоволит, не указывая, впрочем, к каким именно. Вот как он описывает предательство людей с востока:

«Однако же ни волк, ни Барлог, ни Дракон не смогли бы угодить Морготу лучше, чем люди. Тогда-то и открылись все происки Ульфанга.

(Ульфанг служил Карантиру, одному из сыновей Феанора) Многие ратники с востока обратились вспять и бежали, унося в сердце своем ложь и страх, а сыновья Ульфанга, так те переметнулись на сторону Моргота и напали на сыновей Феанора с тыла И пробились в возникшей сумятице к стягу Маэдроса Но обещанной награды от Моргота они не получили, ибо Маглор сразил Улдора Проклятого, главаря изменников, а сыновья Бора повергли Ульфаста и Ульварта, перед тем как пали сами Меж тем из-за взгорья нагрянули свежие людские отступнические рати под водительством Улдора — воинство Маэдроса, стиснутое с трех сторон, дрогнуло, рассыпалось и почти полностью обратилось в бегство...»

Подводя итог истории предательства, положенной в основу всей книги, Толкиен пишет:

«Велико было торжество Моргота. Он добился того, что вынашивал в сердце своем, ибо люди стали убивать друг друга, предав эльдар, и все, кому должно было объединиться против него, в ненависти и страхе разделились. С той поры сердца эльфов ожесточились на людей, за исключением Трех Родов Эдаинских».

В той беспощадной битве уцелел Тургон, повелитель эльфов Гондолина, «последнего оплота эльдар», «откуда взойдет звезда» величайшего из эльфийских воителей, как говорит Хурин.

«А Тургон между тем никак не выходил из головы Моргота, потому что из всех врагов, с коими ему хотелось покончить в первый черед, он был самый главный — и вот сбежал... из их роду-племени больше всех страшился он Тургона, ведь тот уже объявился в Валиноре: всякий раз, как он приближался нему, какая-то тень затмевала его рассудок, и тогда чудилось ему, будто близок тот день, когда Тургон низвергнет его».

Ну а что до предсказания Хурина, тут он и правда как в воду глядел: ведь именно в Гондолине явится в мир Эарендил, величайший из воителей и мореходов в истории.

Но до той поры Гондолин будет захвачен, а Тургон — убит по вине своего племянника Маэглина. Печальная участь ожидает и Аредэль, мать Маэглина:

«Скоро тягостно стало ей в стенах гондолинских, ибо с каждым днем крепло в ней желание снова бродить среди неоглядных равнин и лесов, что было в радость ей в Валиноре...»

Аредэль бежит в землю Гимлад, где живут сыновья Феанора Келегорм и Куруфин, но «нетерпение угнетает ее», и она снова пускается в путь, идет куда глаза глядят. Это нетерпение, стремление к скитаниям, как мы дальше увидим, обернется для нее трагедией. Так, Аредэль забредает в землю

Черного эльфа Эола, согбенного прислужника гномов, который, поддавшись их искушению, трудился на них не покладая рук. Эол женится на Аредэли, и она рождает ему сына Ломиона — Дитя Сумерек. Но отец дает ему другое имя — Маэглин, что значит Острый Взор: «ибо взгляд его пронзал туман, и он мог читать самые сокровенные мысли».

Но Аредэли не дает покоя желание повидаться со своими сородичами. Вместе с сыном она бежит от мужа. Тот, придя в ярость, настигает их уже в Гондолине, где сын его успел присягнуть на верность тамошнему правителю. Эол пытается убить сына, но жена заслоняет его от смертельного удара — и погибает сама. Эол собирается и себя принести в жертву, но перед тем он успевает сказать сыну такие слова:

«Здесь (на краю пропасти) потеряешь ты всякую надежду и здесь же обретишь ту же смерть, что и я».

Маэглин, проклятый родным отцом, обретает, однако, великое покровительство Владыки Тургона. Но «горе, что носил он в себе, становилось все тяжелее и омрачало все его радости: он любил красавицу Идриль (дочь Тургона от его двоюродной сестры) и безнадежно воцделел ее... Идриль же совсем не любила Маэглина... Она чувствовала в нем нечто странное и порочное... Шли годы, и Маэглин все любовался Идрилью в надежде на ее снисходительность, но за столь долгий срок любовь в сердце его померкла... Так, мало-помалу сумерки легли и на Гондолин: среди славного, благодатного края посеял он проклятое семя».

Маэглина подтолкнула на путь предательства ревность: Туор, племянник Хурина (чье прорицание и тут оправдалось вполне) бежит в Гондолин с помощью Ульмо, Владыки вод, взявшего его под свое покровительство. И «все, кто слышал голос Туора, были очарованы, не в силах поверить, что перед ними один из смертных, ибо настолько слова его были созвучны с речью Владыки вод...»

Но очерстевший душой Тургон не верит, что дни его сочтены, и не внимлет предостережениям Ульмо:

«Не прикипай к творениям рук своих, ни к прихотям сердца своего, а помни, что истинная надежда нолдор витает в западной стороне и что явится она из-за моря».

Тургон запирает потайную дверь в глубь Горного пояса. Однако беда грядет не оттуда. Тем временем «сердце Идрили обратилось к Туору, а его — к ней, и тайная ненависть Маэглина сделалась оттого еще сильнее, ибо превыше всего на свете желал он обладать Идрилью, единственную наследницей Властителя Гондолина».

Туор становится зятем Тургона, «завоевавшего сердца всех, кроме

Маэглина и тайных приспешников его», — из чего можно заключить, что Маэглин был не единственным, кто предал Гондолин.

Судьба, соединившая зло с предательством, дамокловым мечом зависла над Гондолином.

«Случилось однажды, когда Эарендил был еще отроком, что Маэглин потерялся... его захватили орки и отвели в Ангбанд. Маэглин был силен и бесстрашен, однако пытки, коим подвергался он, помutilи его разум, и выкупил он жизнь свою и свободу, выдав Морготу тайную силу Гондолина... Страсть к Идрили, — прибавляет Толкиен, — и ненависть к Туору склонили Маэглина к измене, самой подлой из всех, что описаны в Древних Летописях».

Гондолин падет и подвергнется разграблению, Тургон будет убит, как, впрочем, и Маэглин: он погибнет в роковом поединке от руки Туора, отца Эарендила. Похожее предательство совершил и Горлим, выдавший из любви к своей жене, с которой он надеялся свидеться, скрытое место расположения Дортониона и воинов Барагира, с которыми был сын его Берен. А взамен Саурон предал его самой «лютой смерти». Так что отступничество Маэглина кроется в его двуличности: слишком не похож он на эльфа, ибо все время безмолвствует, да и родился он от проклятого союза.

В другой истории рассказывается об изменах и злодеяниях Турина Турамбара, сына Хурина, проклятого Морготом. Хотя Турин сам по себе не предатель, что бы он ни делал — все во зло и на беду своим соплеменникам. Над Туриним тяготеет *Fatum* — безжалостный рок. Толкиен уточняет, что история жизни Турина описывается в «Нарн-и-Хин-Хурин» — «Сказании о детях Хурина», или «Песни горестей», ибо слишком уж печальна эта песнь. Турин находит прибежище у Тингола. После ссоры с эльфом по имени Саэрос Турин бежит прочь и становится изгнанником, «убоявшись, что его схватят». Так начинается его жизнь, полная мытарств и тяжких испытаний. Среди прочих изгнанников Турин обретает знаменательное прозвище, означающее «Тот, с кем обошлись не по справедливости». Но благодаря Белегу, начальнику охраны Тингола, полюбившему его как брата, Турин перестает разбойничать, а если кому и досаждают, то «только прислужникам Моргота». И все же в тщеславии своем от отвергает прощение своего повелителя.

Белег же и дальше продолжает выручать Турина. И в награду за усердие повелитель дарит Белегу «Англахель, драгоценный меч, нареченный так потому, что выковали его из куска металла, упавшего с неба, подобно пылающей звезде, и оказавшегося куда крепче всех

металлов, что сокрыты в недрах земных».

Меч этот сродни грозовому камню, своеобразному Граалю, низвергнутому с небес. Вот что пишет по этому поводу Генон:

«Грозные камни символизируют молнию... Символика грозных камней уходит корнями в гиперборейскую⁽¹¹⁶⁾ традицию, древнейшую из всех традиций нынешнего человечества».

Но символическая сила, заключенная в металле Белегова клинка, совсем не добрая, и первой это замечает Мелиан:

«Зло заключено в мече твоём. Зловещий дух кузнеца ещё не остыл в нём. Ему претит десница, его касающаяся, а посему он недолго послужит тебе».

Но Белег, как нередко случается в «Сильмариллионе», не внимает пророчествам. Он падёт от руки Турина, так и не осознавшего содеянного, ибо рукой его действует проклятие.

Турин, чья жизнь полна невзгод и печалей, встречает гнома по имени Мим, очень похожего на одного из вагнеровских героев.

«Мим был потомком гномов, некогда изгнанных из великих городов Восточного Наугрима... Мало-помалу они сделались совсем маленькими и утратили кузнечное мастерство; отныне пробавлялись они грабежом да разбоем, отчего спины их согнулись ещё больше, а поступь стала вороватой».

Физическое и духовное перерождение этих гномов усугублялось и тем, что их невзлюбили эльфы.

Гном предаёт Турина с товарищами, и тот по ошибке убивает Белега в результате трагической размолвки. Повстречавшись тогда же с Гвиндором, Турин узнаёт, что Моргот проклял и его, и родителей его: «Охотно верю тебе», — отвечает Турин. Гвиндор тоже один из проклятых воителей в «Сильмариллионе»: увидев, как орки убивают его брата, он, на беду, бросает эльфов против воинства Моргота в Битве Бессчетных Слез; побывав же в орочьем плену в Ангбанде, он возвращается, обессиленный и ничтожный в прямом смысле слова. Представ перед нарготрондцами, народом Гвиндора, Турин называется «Агарвэном, сыном Ульварта (кровавым, сыном проклятого)» и лесным охотником. Турин становится самым могущественным воином среди нарготрондцев. Однако он меняет их наступательную тактику на засады и ловушки, полагаясь на скрытные выпады лучников, ибо «стал он бояться открытой сечи, требующей отваги, но Властитель внимал пагубным советам его».

Гвиндор изобличает эту гибельную тактику, но его никто не слушает, «наипаче что ему, слабосильному, не было места в первых рядах воителей».

Ульмо, желая предостеречь Ородрета, Властителя Нарготронда, отправляет к нему посланника с такими словами:

«Демон с Севера осквернил источники Сириона, и сила моя оставляет водные потоки. А ты готовься к худшему. Ступай и скажи Властителю Нарготрондскому — запри врата крепости своей и не выходи из нее. Низвергни глыбы гордыни своей в бурный поток, дабы не смог демон подкрасться к вратам твоим .. Однако ж Турин не внял мудрым советам и не пожелал разрушить мост, ибо непреклонная гордыня мешала ему действовать вопреки воли своей».

Спустя время Моргот обрушивает на Нарготронд всю свою мощь; и смертельно раненный в битве Гвиндор говорит Турину страшные слова:

«Хоть ты и люб мне, сын Хурина, я проклиная тот день, когда вызволил тебя из орочьего полона. Если б не тщетная гордыня твоя, быть бы мне живу и любить, кого любил, да и Нарготронд простоял бы еще немалый срок».

Мост же, воздвигнутый по наущению Турина, «сыграл в тот день поистине роковую роль...»

Турина обездвигил взгляд дракона Горлунга, резко бросившего ему:

«Оплошал ты, сын Хурина. Неблагодарный сын, противозаконник, душегуб, убивший друга своего, захватчик Нарготронда, бездарный вояка, изгой, проклятый своими же соплеменниками...»

И Турин вдруг «увидел себя точно в кривом зеркале и возненавидел себя».

Сраженный этой ненавистью, Турин размышляет о своей горькой участи и правоте своих деяний. Вот о чем спрашивает себя этот горе-воитель: «Какое дело обходится без зла, пусть мало-мальского? Что мог я еще сделать, чтобы послужить своим, приди я к ним даже много раньше? Ибо если Кольцо Мелиан раскололось, с ним умерла и последняя надежда. Да уж, чему быть, того не миновать, и пусть мрак следует за мною по пятам. Да хранит их Мелиан! Я же уйду прочь, и так накликал я на них немало бед».

И вот, чтобы не накликать еще более страшных бед, Турин решает покинуть этот мир. Он находит мертвое тело юной эльфийской девы, некогда любившей его и распалившей любовь в сердце Гвиндора. И падает рядом с нею «в безутешной скорби, больше похожей на смерть». В этой короткой фразе подразумевается расплата за бессмысленные жестокости Турина, чьим уделом было потерять все, что он обожал, лишиться сил и возможности жить в мире, где он был чужаком. О судьбе Турина узнают его мать Морвен и сестра Ниенор, которым суждено пропасть в гиблом тумане,

наведенном чудовищным Глаурунгом. Морвен исчезает без следа, а Ниенор, оказавшись лицом к лицу с драконом, теряет память:

«Она ничего не помнила из того, что с нею стряслось, ни имени своего — ничего; еще долго была она глуха и слепа и не могла двигаться по своей воле».

Маблунг, предводитель дориатского воинства, бросается вдогонку за Ниенор, бежавшей от орков:

«Она кинулась в лес и бежала, покуда не упала без сил и не заснула мертвым сном».

И вот, когда она лежит, «точно умирающий зверь», ее находит Турин. Он называет ее Ниниелью и «имя сие так и осталось за нею среди лесных обитателей».

Ниниель выходит замуж за своего брата, а между тем дракон Глаурунг «размышляет, какое бы еще учинить коварство».

Однако Турину, наделенному силой Зигфрида, удастся выжить в схватке с громадным змеем, хотя «взгляд его источал такую ненависть, что Турамбар пошатнулся, точно от удара, а от яда его он словно провалился в непроглядную тьму и рухнул на меч свой как подкошенный».

Ниенор, последовавшая за Турамбаром, узнает от умирающего дракона страшную правду:

«Здравствуй, Ниенор, дочь Хурина... Радуйся же, ибо ты снова обрела брата своего и теперь сможешь узнать, кто же он на самом деле: а он трус и душегуб, чинивший коварства и недругам своим, и друзьям, и проклятие лежит на нем, как и на всех сородичах его...»

Ниенор, сраженная правдой, бросается в клокочущую пропасть Кабед–Эн–Арас, слывущей с той поры проклятым местом:

«Ни один человек отныне не смел заглянуть в бездну Кабед–Эн–Араса, ни один зверь ни приходил туда на водопой, ни одна птица не пролетала над нею и ни одно дерево не возросло возле нее».

Турин, придя в себя, обрушивает свой гнев на увечного Брандира — обвиняет его в предательстве и убивает. Только с приходом Маблунга ему открывается истина:

«И осознал наконец Турин, что проклятие снова легло на него тяжким бременем и что лишил он Брандира жизни напрасно. Рассмеялся он тогда безумным смехом и молвил: — Какая злая штука — истина!»

Турин обретает покой, лишь когда сводит счета с собственной жизнью, на что Маблунг с горечью замечает:

«И меня коснулось проклятие рода Хуринова, ибо слова мои погубили любимого мною человека»

Глава третья

Изысканный ужас

Толкиен — великий мастер ужасов, чего-чего, а их в его произведениях предостаточно. Памятуя о традиции «ужасов», одной из древнейших в мире, можно сказать, что он входит в число редких писателей-ясновидцев, чьи видения обращены к самой логике ужаса, пугающего и зачаровывающего читателя. Подобно тому, как почитатели По, Лавкрафта или даже Джорджа Лукаса (создателя Дарта Вейдера и «Звездных войн») ценят своих кумиров за силу их воображения, породившего фантастических чудищ, читателей Толкиена привлекает в его творчестве возможность повстречаться с поистине живыми барлогами, драконами, троллями, гоблинами, назгулами и прочими кошмарными тварями.

Однако понятие изысканного ужаса не ограничивается одним лишь изобретением чудовищ, о которых мы, конечно же, поговорим. — Истинная изысканность в данном случае заключается в том, что ужас пронизывает само повествование, придавая еще больше остроты описываемым приключениям; она помечает печатью ужаса некоторых героев, которым суждено либо нести ее до последнего вздоха, либо, в конце концов, избавиться от нее, пройдя через нелегкие испытания. И тогда суть ужаса становится самой что ни на есть очевидной и действует на воображение всей своей силой, грозящей вывернуть мир наизнанку и превратить историю в «кошмар, от которого я стремлюсь поскорее очнуться» (Джойс). Подобное видение мира с изнанки, со всеми его чудовищными пороками и изъянами, есть взгляд, обращенный внутрь нас самих, — в наши души, сознание и подсознание. И в этом пронизательном взгляде заключается, пожалуй, самая главная сила творческого воображения Толкиена, про которого, как и про Виктора Гюго, можно сказать, что «он в определенном смысле поэт сатаны».

Ужас возникает в самом начале Сотворения мира — вместе со злом и злодеями вроде мятежного ангела Мелкора. Мелкор порождает какофонию, внося разлад в музыку Эру и Валар, и берется сотворить свой собственный мир. Перед тем как уединиться, он успевает посеять раздор среди Валар.

«Он оставался в тени, являясь в мир в ужасных, гнетущих обличьях, низвергая пламя и лед с горных вершин и из земных недр, впитывая все злое и жестокое, что попадалось ему на пути».

Диалектика льда и огня в том виде, в каком ими манипулирует в своих зловещих целях Мелкор, напоминает физическую теорию Горбигера, описанную Пауэлсом и Бержье в «Утре магов». Горбигер, будучи, кстати, любимцем Гитлера, сводил главный принцип мироустройства к противоборству льда и огня. В нашем же случае такая полярность — от горных вершин до земных недр — только усиливает впечатление от ужаса, исходящего от Мелкора. Стоит напомнить, что Мелкор всегда ненавидел море, которое, как говорится в «Сильмариллионе», ему так и не удалось укротить. А Толкиен так самозабвенно любил море, что даже не упоминал про населяющих его глубины чудовищ — китов, кашалотов, гигантских змеев и кальмаров, которым посвящено столько приключенческих романов, — от морского змея у Жюль Верна до Моби Дика у Генри Мелвилла, не говоря уже о чудовищах Плиния Старшего.

По словам Толкиена, Мелкор не способен создавать: единственное, на что он способен, так это подделывать, разрушать и извращать то, что было создано другими и задолго до него. Потому-то ему и удалось превратить эльфов в орков.

«Как говорят в Эрессеа, те из квенди, что попали в лапы к Мелкору еще до падения Утумно, были брошены в застенки — там их долго изощренно истязали и в конце концов сломили, а после обратили в рабов; так Мелкор и породил орков».

Далее Толкиен прибавляет, что «в самых потайных глубинах души орки ненавидели своего повелителя, ибо боялись, как бы он не замучил их до смерти. И это было, пожалуй, самым подлым злодеянием Мелкора, отчего и невзлюбил его Илуватар».

Под влиянием своей нелюбви к людям, что в «Сильмариллионе» ощущается более явственно, чем во «Властелине Колец», Толкиен уточняет, что «люди становятся все больше похожими на Мелкора, хотя он всегда боялся их и ненавидел, даже тех из них, кто служили ему».

Гибельные узы свяжут людей с Мелкорм в Битве Бессчетных Слез, когда большая часть людей во главе с восточными предводителями переметнутся на сторону Моргота.

Сам же Моргот особенно преуспел в злодействе дважды — в ту пору, когда мир еще был юн: во-первых, он помутил разум Феанора, обратив его в мятежника, а во-вторых, он же уничтожил два дерева — Лаурелин и Тельперион, озарявшие землю своим светом. С этого, собственно, и начинается весь ужас, живым воплощением которого становится приспешница Мелкора, чудовищная паучиха Унголиант. Когда Мелкор и паучиха замыслили недоброе, «лучи, исходявшие от обоих древ, как будто

слившись воедино, озарили безмолвный град Валимар золотисто-серебристым блеском».

Но сиять этому свету, увы, суждено было недолго:

«Мелкор и Унголиант спешили... Унголиант пронзила своим черным светом корни древ, и Мелкор бросился на холм. Ударами сумеречного своего копья он поразил оба дерева в самое сердце — из разверзшихся ран брызнул сок, подобный крови, и оросил землю. Почуввав запах его, Унголиант припала черным своим клювом к ранам и не отрывалась, пока вконец их не обескровила. И тут же впрыснула в них смертельный яд, что струился по жилам ее, и, разлившись по деревьям, отравляла и корни их, и ветви, и листву...»

Что касается черного света, то были черные испарения, источавшиеся из Унголиант и даже Мелкора ввергавшие в страх.

Обуреваемая неутолимой голодом, Унголиант, в конце концов, пожирает самое себя. Что же до Мелкора, то он облакает порождаемый им ужас в изощренные формы: роет подземные лабиринты и возводит бастионы в своей крепости Ангбанд, и обносит вершину своей горы, Тангородрима, непроницаемой клубящейся завесой черного тумана; преумножает воинство орков и барлогов, выковывает себе корону с Сильмариллами и провозглашает себя Владыкой Мира. Присвоенный им титул напоминает таинственного повелителя подземного царства Агарты, затерянного где-то в Средней Азии, и предводителя тамошнего несметного воинства, призванного однажды восстать из-под земли и уничтожить все человечество. В свое время небезызвестный английский писатель Булвер-Литтон, автор «Последних дней Помпеи», даже написал про это подземное воинство книгу — «Грядущая раса», — в которой предрек всем нам гибель. Мелкор напоминает и *Princeps hujus mundi* — пресловутого «князя мира», каковым нарекался сатана. Да и потом, сам Мелкор заявляет: мир — моя вотчина, и правит в ней «пламя, укрощающее строптивых и ввергающее их в новые безумства».

Моргот обрел силу, после того как разделились эльфы и боги, — сам же он остался врагом и тех, и других. Подобное разделение произошло и во «Властелине Колец»: в результате гномы стали недругами эльфов, а люди перессорились между собой, при том что враг у них у всех общий — Саурон. Являя собой само зло во плоти и крови, Саурон действует по принципу «разделяй и властвуй». В «Сильмариллионе», тем не менее, самым поразительным представляется то, что Валар почему-то никак не могут справиться с Мелкором, и бессилие их кажется столь же непостижимым, сколь и неоправданным.

А между тем Мелкор продолжает плести зловещие тенета ужаса и натаскивать подручных ему тварей. Вершить злодеяния Мелкору нередко помогает стихия, как это часто случается в мире Толкиена:

«Железные горы служили ему круговым оплотом с громадой Тангородрима посередине, а благодаря снегам и льдам оплот его и вовсе было не преступить».

Далее говорится, что эти Железные горы громоздились на границе вечных льдов. Как у Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» дьявол Толкиена столь же холодный, даже ледяной, хотя и играет с огнем и льдом, или, выражаясь по-научному, экстремумами температур. Мелкор опускает туман и на страну Хитлум, остававшуюся, по словам Толкиена, прекрасной, покуда нолдор осаждали Ангбанд.

Мелкор выпускает и Глаурунга, «первого из Урулоки, изрыгателей огня с Севера». Имя Урулоки, очевидно, происходит от злого древнескандинавского бога Локи. А что касается имен и названий всевозможных тварей, все они, вероятно, плод воображения Толкиена и объяснению не подлежат. Возвращаясь к Мелкору, напомним, что, как явствует из текста, «он не пытался строить струги и вести войну на воде. Все его прислужники боялись воды, и не один из них и близко не подходил к морю по своей воле».

Ульмо говорил Тургону:

«Помни, что истинная надежда нолдор витает в западной стороне и что явится она из-за моря».

Со временем нуменорцы, околдованные темными чарами, не побоятся схлестнуться с Валар и на морских просторах. Но пока зло вершится на земле, в горах и пещерах, на равнинах и безотрадных песчаных пустошах.

Наконец, по истечении многих веков Мелкор готовится обрушить всю свою мощь на нолдор, тщетно осаждающих Ангбанд.

«Настала зима с ее непроглядными, безлунными ночами... И тут Моргот изрыгнул огромные огненные реки... многие нолдор сгинули в пожаре... Так началась Битва Внезапного Пламени».

Осада Ангбанда ничем не закончилась — эльфы рассеялись. Финголфин бросает Морготу вызов, и тот его убивает. За тем ужас распространяется по всей земле. Тогда же на сцене появляется Саурон — он тоже всюду сеет ужас, хотя еще и не стал Властелином Колец.

«Он сделался всемогущим колдуном, повелителем призрачных теней, своим коварством и жестокостью он извращал все, к чему прикасался, и подчинял своей злой воле. Служить ему, повелителю волколаков [оборотней] было сущей пыткой... чудный остров Тол-Сирион обратил он

в проклятое место, и с той поры стали называть его Тол-ин-Горот — Остров Волколаков».

Так, мир Толкиена становится настоящим миром ужасов. Неясно только, что наваяло ужас на самого Толкиена, — то ли время, в котором он жил, то ли изощренное воображение, которым он обладал, то ли, быть может, разочарование в некоторых христианских духовных ценностях. Как бы там ни было, «дух и сердца эльфов Белерианда омрачили страх и отчаяние», а то и другое в мире Толкиена считается грехом таким же страшным, как гордыня и жадность. Не случайно дальнейшее повествование в «Сильмариллионе» пронизает безмерная скорбь. Как только образовалась брешь, Мелкор простирает власть свою и силу повсюду, вынуждая Феанора с сыновьями дать роковую клятву, пробивая осаду Ангбанда и умножая численность орков и прочих тварей.

И тут-то и появляются люди с Востока, ставшие живым воплощением то ли расовых — или даже расистских, — то ли исторических предрассудков Толкиена, точнее, его страха перед силой, грядущей с Востока, чтобы захватить Запад, — силой, которую олицетворяют сарацины, гунны, монголы и турки. Вот как он их описывает:

«Люди те были мелкие, коренастые, с длинными крепкими ручищами, обветренной желтоватой кожей, черными волосами и такими же глазами».

Они-то и станут изменниками в решающий час Битвы Бессчетных Слез.

Вершиной творческого мастерства Толкиена по праву считается история Берена и Лучиэни — в частности потому, что, по собственному признанию Толкиена, он вложил в нее всю свою любовь к Эдит. Тем не менее и эту историю ужас пронизывает от начала до конца, захватывая ее с того самого мгновения, как Горлим оказывается в плену. Он думает, что жена его жива, и предает всех сотоварищей — из слабости и чувства беспомощности, обуявшего его под взглядом Саурана. В живых остается только Берен, и то по чистой случайности. Обреченный на отшельничество, он становится другом птиц и зверей:

«Он больше не ел мяса и не убил ни одного живого существа, даже из тех, что прислуживали Морготу».

Этот отшельник-вегетарианец, однако же, так силен, что Саурон натравил на него «волколаков, злобных, кровожадных тварей».

Но отшельник Берен — герой последней эпохи, поскольку «отныне в землях тех безраздельно царствовало зло, и все, кто остался беспорочным, уходили прочь».

Но Берену суждено стать предвестником гибели Дориата, «как и

предрекала Медиан». Он укрывается за стенами, охраняемыми силами майя, влюбляется в Лучиэнь, а она — в него. Затем он обещает Тинголу, что добудет и вернет Сильмариллы. Но впереди его ожидает трагическая судьба, и дальше мы это увидим.

Сначала Берена хватают стражи Тингола. Потом Берен гневит Владыку Дориата, отказавшись отдать ему, хотя бы даже один Сильмарилл в обмен на его дочь. Вскоре он встречается Фелагунда, обещавшего помощь и поддержку отцу его Барахиру. В конце концов, великий правитель понимает весь трагизм происходящего: отправившись на поиски Сильмарилл, Берен навлекает на себя ненависть сыновей Феанора, друга Фелагунда, верных своей клятве:

«Боюсь, они не только не приветят, но и не пощадят тебя, когда узнают, зачем ты явился. Но и меня клятва моя сковывает по рукам и ногам, так что все мы оказались в западне».

Фелагунд находит Берену только десятерых попутчиков, а сам он после магического поединка с Сауроном оказывается у него в плену, ибо Саурон уже непобедим. Ужас продолжается и дальше, поскольку волколаки пожирают одного за другим и других пленников. Но перед тем Фелагунду удастся заслонить обессиленного Берена от волколака и даже убить зверя.

В первый раз Берена выручает Лучиэнь, главная героиня этой истории, предстающая в образе эдакой Шакти⁽¹¹⁷⁾. Верным помощником ей служит гончий пес Хуан Валинорский — его тоже коснется проклятие Сильмарилла, но перед тем он успеет совершить несколько подвигов. Один из парадоксов сказания о Берене и Лучиэнь заключается в очевидном бессилии Берена: он отодвигает эльфов на великие дела, а сам даже не может достойно противостоять ни Саурону, ни повелителю его Морготу.

Итак, Лучиэнь появляется с верным Хуаном, говорящим псом, обладающим воистину человеческим разумом. Хуан сокрушает волков, посланцев Саурана, потом — Драуглина, повелителя волколаков, а затем и самого Саурана, являющегося в обличье волколака.

«И никакие чары, никакой рок, ни когти, ни яд, ни самое изощренное коварство, ни звериная сила не могли сломить Хуана Валинорского».

Впрочем, в тексте он зовется Гончим, а не просто псом или собакой. Ибо он совершенно другой природы — не то что какой-нибудь обычный зверь. Поверженный Саурон бежит из крепости, и в нее вступает Лучиэнь. Эльфы, томимые угрызениями совести, покидают Келегорма и Куруфина, сыновей Феанора, хотя проклятие и напасти следуют за ними неотступно. Затем оба брата вступают в жестокую схватку с Береном, и ему, раненому, снова приходят на выручку Лучиэнь и Хуан. Они помогают Берену

исполнить его обет — похитить Сильмариллы. С помощью Лучиэни похитители меняют своей облик и пытаются незаметно проникнуть в Ангбанд — впоследствии это будет воспето как самый выдающийся ратный подвиг эльфов и людей.

Тем временем Моргот готовится к мести — и вскармливает живой плотью волчонка, дабы превратить его в чудовище, которое впоследствии нарекут Кархаротом — Кровавой Пастью, или Анфауглиром — Железной Челюстью. Чем не Фенрир — легендарный волк из древнескандинавской традиции! Фенрир, будучи отпрыском коварного бога Локи, пожирает остальных богов перед концом мира, с наступлением Сумерек, или Рагнарека — «Судьбы богов». Будучи Валие по матери. Лучиэнь обладает сверхчеловеческими, точнее говоря, сверхэльфийскими силами. Она усыпляет волка, а потом и самого Моргота, «оказавшегося в плену своих порочных страстей и собственного коварства».

И тут завязывается поистине страшная, космическая битва: Лучиэни удается усыпить Моргота — «погрузить его в забвение, такое же черное, как Внешняя Пустота, где он когда-то витал в полном одиночестве».

Таким образом, Моргот выбывает на некоторое время с поля «космической битвы», унесясь в черную бездну, насыщающую душу его мраком. Берен завладевает одним из Сильмариллов — и тот совсем не жжет ему руку, поскольку для «чистых рук» он совершенно безопасен. Но Берен не находит ничего лучшего, как ткнуть им в морду Кархароту, — к тому времени тот уже успевает очнуться и отрывает Берену руку. К счастью, на помощь влюбленным поспевают орлы, а чудовище, терзаемое изнутри силой и пламенем Сильмарилла, начинает яростно метаться, сокрушая на своем пути все и вся. Затем начинается самая жестокая охота на волка в истории. Берен, в очередной раз являющий свою слабость, сражен укусом. Но Хуан сокрушает чудовище и при этом обрекает на смерть и себя:

«Участь его, предначертанная когда-то давно, в конце концов предрешилась... Едва доковылял он до Берена, лег подле него и заговорил третий раз в жизни, но лишь затем, чтобы попрощаться...»

Берен подбирает роковой Сильмарилл и передает его Тинголу, за что тот позднее поплатится жизнью.

Так заканчивается сказание о Берене и Лучиэни и начинается крушение эльфийских королевств, а натиск Моргота между тем усиливается. И тут на сцене появляется другой герой, вернее очаровательная героиня, о которой Толкиен пишет так:

«Кто в силах познать злонамерения Моргота? Кто способен проникнуть в пространные мысли его — того, кто некогда был самым

могущественным среди Айну́р, Великих Музыкантов, и кто отныне стал повелителем Тьмы и восседает на Севере, на черном троне, с ненавистью внимая долетающим до него вестям и постигая намерения и деяния врагов своих лучше самого великого мудреца, кроме повелительницы Меди́ан? Моргот неизменно силился добраться до нее мыслью своею, и всякий раз тщетно...»

В точности как Саурон, тщившийся проникнуть в помыслы Эльфийской Владычицы Галадриэли.

Именно во «Властелине Колец» этот новоявленный повелитель Тьмы, достойный наследник Моргота, начинает вершить свои черные колдовские дела. Но на пути у него встают другие чародеи во главе с Гэндальфом, включая хоббитов, пытающиеся сокрушить его темное могущество. Так, ужас, порожденный в «Сильмариллионе», проникает в мир «Властелина Колец».

Однако главное различие между «Сильмариллионом» и «Властелином Колец» в том, что во втором случае физическое присутствие главного злодея нигде не ощущается. Если в «Сильмариллионе» Саурон с Мелкором, на горе эльфам, присутствуют едва ли не везде и всюду, то во «Властелине Колец» Саурон как таковой отсутствует. И это тем более поразительно, что он — то и есть Властелин Колец и в этом своем качестве, вынесенном к тому же в название книги, мог бы, напротив, обнаруживать себя постоянно.

Впрочем, он обнаруживает себя косвенным образом. И тут уместно вспомнить рассказ [точнее, эссе] Борхеса «Приближение к Альмутасиму», где об «объекте» мы узнаем опосредованно — с чужих слов. Как бы то ни было, Сау́рона во «Властелине Колец» нет как нет, а ужас он сеет посредством орков, Барлога, Черных Всадников — Кольценосцев и омерзительных крылатых тварей назгулов. Ну а если где он, казалось бы, и должен был вот-вот объявиться, то в самом конце книги, когда выясняется, что он проиграл войну за Кольцо и, стало быть, лишился своего могущества над всем сущим в настоящем и будущем. Вот что говорится об этом в главе «Роковая гора»:

«Внезапно опомнился Черный Властелин, и око его, пронизывая сумрак, воззрилось через равнину в черное жерло пещеры — заветной пещеры владыки Мордора. Будто при взблеске молнии увидел он, как глупо просчитался, и понял все расчеты своих врагов. Ярость его взметнулась как пламя, и черной тучей склубился удушливый страх».

Так оправдался расчет Гэндальфа, верившего, что Саурон и вообразить не мог, что Хранитель Кольца пожелает уничтожить предмет его вожделений. И в этом проявляется классический поворот в сюжете многих

приключенческих романов, когда герой отказывается от посул коварного злодея или плодов победы над оным. Будто предчувствуя все это и осознав, что обманулся, Саурон и приходит в иступленную ярость:

«По зову его взвились и отлетели с поля битвы Кольценосцы–назгулы, и, как крылатые вихри, вперегонки помчались к Ородруину».

Однако во «Властелине Колец», по ходу повествования мы так ничего и не узнаем о поведении Саурона. Подобно самодержцу–затворнику, уединившемуся в ледяной башне, он вверяет свою силу бесчисленным прислужникам, рассылая их вершить злодеяния от своего имени по всему белу свету. Так, например, его посланцы, Черные Всадники, едва не застанут Фродо у него дома, в Торбе–на–Круче.

Сэму с Фродо как–то почудилось, будто их догоняет лошадь или пони. И Фродо даже подумал, уж не Гэндальф ли это спешит за ними следом, как вдруг «ему... захотелось укрыться от этого всадника, кто бы он ни был»

Фродо начинает бояться, хотя пока еще не встретился с опасностью лицом к лицу. Мало–помалу его сковывает ужас, тем более когда он понимает, что всякая тропинка рано или поздно выводит на большую дорогу.

Описание Черного Всадника дается мельком, поскольку один из главных стилистических приемов во «Властелине Колец» — так называемая восходящая градация, то есть, в нашем случае, постепенное перерастание неосознанного страха в леденящий ужас, как, впрочем, и в «Сильмариллионе». Сначала Толкиен создает зыбкое видение — «черный промельк между деревьями...», затем «обе тени, словно кто–то вел лошадь, слились с темнотой. Потом черная фигура возникла там, где они сошли с тропки ...»

И, наконец, «тень заколыхалась, и Фродо расслышал тихое сопение...»

Дальше следуют дополнительные штрихи к призрачному образу — сперва со слов Сэмова папаши, а после — старого Бирюка. Чуть погодя Гэндальф поясняет, что «Черные Всадники — это Кольценосцы», и что главная их цель — обратить Фродо в призрака, подчинить его воле Черного Властелина. И Фродо едва удастся избежать столь незавидной участи. Черные Всадники бесплотны, объясняет дальше Гэндальф. Зато кони у них «живые, из плоти и крови. Да и плащи у всадников самые обычные — они лишь маскируют их бесплотную призрачность».

В одухотворенном мире Толкиена даже растения имеют характер — хороший или дурной, а то и вовсе предстают в виде демонических существ. С такими растениями повстречался Бильбо во время своего удивительного путешествия с гномами, когда они проникли в Темнолесье и

поняли, что «в этом лесу даже ничего не росло, кроме поганок и каких-то бледных трав с неприятным запахом».

Во «Властелине Колец» иные деревья, например Старый Вяз, и вовсе предстают в виде живого воплощения ужаса. Вот что про них рассказывает извечный хозяин Вековечного леса легендарный Том Бомбадил:

«Несчетные годы напители их гордыней, мудростью, злобой. И не было из них опаснее Старого Вяза с гнилой сердцевиной, но богатырской, нерастраченной мощью: он был жесток и хитер, он повелевал ветрами и властвовал по обе стороны реки».

Когда хоббиты оказываются в плену у Вяза, «он [Фродо] срывался на визг, но сам себя почти не слышал: поднятый Вязом вихрь обрывал голос, бешеный ропот листвы глушил его. Но Фродо продолжал отчаянно верещать — от ужаса и растерянности».

Это — настоящее заколдованное царство, предстающее перед глазами не на шутку испугавшихся хоббитов в самом жутком своем виде.

Впрочем, опасность порой таится не только в деревьях, но и в «священных» камнях, известных еще по артуровским легендам. У Толкиена первый «священный» камень появляется так:

«Впереди перед ними лежала глубокая долина, ее замыкали два отвесных склона... он [Фродо] поглядел на восток и увидел плосковерхие зеленые курганы — у некоторых вершины были пустые, а из других торчал белый камень, как сломанный зуб».

Внезапно на хоббитов опускается мгла — знак перехода в иной мир, или по-кельтски Сид. Перед Фродо вдруг вырастают два громадных каменных зубца, он проходит между ними — и замечает, что спутники его куда-то подевались. И тут Фродо различает тень и пару глаз, пригвождающих его к земле ледяным взглядом. И что же дальше?

«Умертвив схватило его, околдовало, и теперь он во власти мрачных чар, о которых в Хоббитании даже и шепотом говорить боялись».

Но Фродо сопротивляется изо всех сил — ведь не случайно Гэндальф с Бильбо считают его «самым лучшим хоббитом во всей Хоббитании» — и в конце концов сбрасывает с себя проклятое наваждение. И вдруг видит трех своих друзей: они лежат навзничь, мертвенно-бледные, облаченные в белые саваны, посреди груды соковок. Тут же звучит пение, «но скорбные звуки постепенно складывались в страшные слова — жестокие, мертвящие, жалобные».

Зловещее пение навеивает холод, оцепенение... и образ Черного Властелина, простирающего ледяную свою десницу над иссушенной землей. Поколебавшись мгновение-другое, Фродо взывает о помощи к

великому посвященному — лесному чародею Тому Бомбадилу, который, не заставив себя долго ждать, светом и песнями изгоняет умертвий прочь, к вящей радости незадачливых хоббитов.

На этом их путешествие в загробный мир, к счастью, заканчивается.

В трактире «Гарцующий пони», у Лавра Наркисса, хоббитам снова угрожает опасность — на сей раз в виде «желтоватых и косоглазых физиономий... по виду сущих орков»; некогда в точности такие же «орки» ввергли в ужас Бильбо и его спутников гномов, а тут еще «рыжий детина с нахальной мордой — бровастый, глаза темные, мутные». Вот уж действительно, Толкиен не скупится на нелицеприятные эпитеты, описывая какого-нибудь мерзавца или отщепенца. Там же, в трактире, Бродяжник сообщает хоббитам кое-какие подробности про заклятых всадников: «днем им приметны наши тени, а в темноте они различают черную тайнопись природы, нам неведомую. И теплую кровь они чувят все время, чувят с жадной мистической злобой». К тому же их неотвратимо притягивает Кольцо, а стало быть, и Фродо, за которым они, собственно, и охотятся. Впрочем, скоро Фродо представляется случай увидеть всадников, что называется, воочию; стоит ему только надеть Кольцо, как вот они — в своем жутком обличье:

«Перед ним возникли пять высоких воинов в серых плащах: двое стояли на гребне холма, трое приближались. Запавшие их глазницы светились острыми, беспощадными взглядами... в руках — стальные мечи».

Толкиен и тут уделяет больше внимания форме, а не живой сущности, стараясь описать то, что и описать-то невозможно, — истинное видение ужаса, которое по-настоящему открывается лишь хранителю Кольца. Пронзивший Фродо призрачный кинжал, как потом оказалось, был обломан, а сам клинок растаял, словно дымка.

Однако путешествие наших героев продолжается, хотя они продвигаются теперь медленно и уныло, и «даже Бродяжник казался усталым и угрюмым». Толкиен не раз уделяет внимание физическому состоянию Гэндальфа и Арагорна-Бродяжника. Время от времени их обоих — всемогущего мага и человека — одолевает усталость и бремя старости, и они вдруг делаются слабыми, такими, как все, если не хуже. И это говорит о том, что нескончаемые мытарства подавляют их, в точности как и их спутников. Но, по признанию Бродяжника, «не судьба мне там оставаться, не живется мне, вечному страннику, в дивных чертогах Элронда», который, кстати, впоследствии становится его тестем.

По дороге пятерых смельчаков тут и там подстерегают зловещие

видения: окаменевшие тролли, наподобие тех, что едва не сожрали Бильбо и его товарищей; таинственный валун, «испещренный гномскими рунами и какой-то еще тайнописью». Затем эльф Горислав, разглядывая рукоятку от клинка, ранившего Фродо, различает на нем «колдовские, лиходейские письмена»; дальше Фродо получает удар копьем... снова кинжалом... и, наконец, его кусает жуткая паучиха Шелоб. Но, как бы там далее ни было, последний раз Черные Всадники возникают на пути у Фродо и его друзей у переправы через Бруинен, где Гэндальф с верными эльфами добиваются первой важной победы над врагом. Вот в каком обличье предстают всадники в тот злополучный час:

«ни капюшонов, ни плащей — серые латы, белые саваны и длинные сивые космы. Мечи мерцали в костяных руках, глаза сверкали из-под надвинутых шлемов, и свирепый вой не умолкал».

Чуть погодя, на Совете у Элронда, когда первые тяжкие испытания уже позади и где отважные путники объединяются в Братство Кольца, перед ними вырисовывается новая опасность — Мория. Вот что вспоминает про это зловещее место Глоин, отец Гимли:

«Мория!.. Мечта гномов Северного края!.. Наши предки стремились к богатству и славе — они вгрызались в горные недра, добывая драгоценные камни и металлы, пока не выпустили на поверхность земли замурованный в огненных безднах ужас».

Позднее некоторые гномы вернулись туда — с тех пор о них не было ни слуху ни духу. Гномы сполна поплатились за свое упорство и трудолюбие, ибо, разворошив горные недра, они пробудили к жизни силы тьмы. На том же Совете у Элронда Гэндальф сообщает своим новоиспеченным братьям по Кольцу, что извечный враг, черный Чародей из Дул-Гулдура, он же Саурон, — как мы помним, в «Сильмариллионе» он вроде бы сгинул безвозвратно, — вновь ожил и собирается с силами. Затем Гэндальф читает зловещим голосом надпись на Кольце, и слова его гулко раскатываются по залу:

«...и содрогнулись могучие стены замка, и подернулось дымкой яркое солнце...»

Однако ж это отнюдь не последнее роковое наваждение — далеко впереди маячит грозный призрак Саруманова Изенгарда, некогда возведенного нуменорцами: исходящая оттуда угроза — в конце 2-го тома — разбудит онтов. А пока известно только, что в Изенгарде затаились волколаки да орки, и оттуда денно и ночью валит дым.

И здесь самое время вспомнить еще об одном проявлении ужаса — загрязнении рек, повальной вырубке деревьев и клубящихся дымах. Все

это — результат злодеяний, исходящих из Мордора, оплота самого зла. Толкиен, наблюдавший собственными глазами за тем, как «модернизируется» милая его сердцу старая добрая английская деревня, говаривал: «Вот вам и Мордор — он вокруг нас». По его глубокому убеждению, физическое истребление уголков природы было равнозначно духовному растрелению или, хуже того, открытому насаждению зла. Это — своего рода проклятие, обернувшееся загрязнением и гибелью природы в «Оскверненной Хоббитании». И тут Толкиен выступает в роли своеобразного эколога–духовника, для которого норма существования традиционного мира подразумевает чистоту воздуха, водных источников, да и всей природы в целом. На Совете у Элронда Гэлдор говорит:

«...Враг, как мы уже не раз убеждались, властен даже над первозданной природой».

Впрочем, Саурон и его тайный соперник Саруман рассчитывают и на помощь «новообращенных» зверей. Так, например, за братьями по Кольцу неусыпно следят птицы:

«...когда они проносились над лощиной, их тень на мгновение закрыла солнце, и тишину вспорол громогласный карк, тут же заглушенный хлопаньем крыльев»

Арагорн с Гэндальфом догадываются, что каркающие полчища будут следить за ними в оба, а значит, им, путникам, опасно даже разводить огонь.

Большой хаос охватывает и природу: как это зачастую случается у Толкиена, она сопротивляется, когда ощущает, что на нее воздействуют силы зла. Так, пытаясь одолеть Карадрасский перевал, путники попадают под сплошной снегопад, и дальнейшее продвижение оборачивается для них сущей пыткой:

«Небо сплошь затянули тучи, и путников накрыла черная тьма. Лица обжигал ледяной ветер. К полуночи извилистая, чуть заметная тропка вывела путников на узкий карниз — справа от них, в круговерти ветра, угадывалась пустота глубокой опасности, а слева вздымалась отвесная стена... Вскоре Фродо почувствовал на лице холодные уколы редких снежинок, а потом началась сильная метель».

Путники понимают — происходит что-то странное, ведь здесь снега не бывает даже зимой. Боромир даже вопрошает:

«Так, может быть, это лиходеystво врага?.. У нас поговаривают, что в Изгарных горах он повелевает даже погодой. Правда, они принадлежат ему, а Мглистый хребет—далеко от Мордора. Но могущество врага постоянно растет».

На что Гимли коротко замечет:

«Длинные же он отрастил себе руки, если способен перебросить метель из северных земель в южные».

И Гэндальф тут же вторит ему:

«Длиннее некуда».

Ужас охватывает путников, когда им чудится, что скалы кругом издают странные звуки, а затем «...камни с грохотом падали в черную пропасть; временами раздавался тяжелый грохот, и сверху низвергались огромные валуны».

Боромир встревожен уже не на шутку, но Гимли, стараясь ободрить его, говорит, что «эльфы назвали Карадрас Кровожадным задолго до появления врага».

Продвигаться вперед становится почти невозможно — Толкиен вдруг превращает гору в живое существо, как он это порой делал с деревьями и могильными холмами:

«...путников оглушил раскатистый грохот, и откуда-то сверху посыпались камни, взвихрившие облако снежной пыли... Гора, казалось, успокоилась, как бы удовлетворенная отступлением пришельцев: начавшийся было камнепад иссяк, а тучи, закрывавшие перевал, рассеялись».

В заключение Толкиен коротко замечает: «Багровые ворота оказались закрытыми».

И братьям по Кольцу ничего не остается, как идти дальше через подземелья Мории — путем не менее опасным, чем через горы.

Но, чтобы проникнуть в Морию, нужно знать пароль. И тут, едва они входят в заветные ворота, как длинное щупальце, точно у спрута из «Тружеников моря» Гюго, обвивается вокруг ноги Фродо, хранителя Кольца. Впрочем, об этой странной, чудовищной твари мы упоминали в «Бестиарии». Затем путники проникают, выражаясь словами Боромира, в самую Черную Бездну. И вскоре попадают в Летописный чертог, где узнают зловещую историю Мории и сталкиваются с не менее страшными тварями. Это, тут же смекает Гэндальф, орки, а с ними черные урхи из Мордорских земель и гигантский пещерный тролль. Завязывается бой — Фродо бьется храбро, как и его товарищи, — затем происходит легендарная стычка Гэндальфа с Барлогом — самая ужасная схватка в произведениях Толкиена. Не случайно Гэндальф, предчувствуя беду, отрешенно вздыхает:

«А я и так до смерти устал».

Гэндальф низвергается в бездну вместе с Барлогом — но лишь затем, чтобы возродиться в новом качестве и ступить на более высокую духовную

ступень. Пошатнувшись на краю бездны, он только и успевает крикнуть друзьям, чтобы они скорее бежали прочь. Потеряв своего верного собрата и незаменимого проводника, они, убитые горем, даже не скрывают слез.

После короткого, но поистине сказочного отдыха в Лориэне, у Владычицы Галадриэли, на этом чудо-островке, затерянном среди бушующего моря, они спускаются по реке Андуйн. И снова перед ними возникают унылые картины природы:

«Восточный берег взбугрился холмами, которые простирались до самого горизонта — бесформенные, бурые и совершенно безжизненные...»

А за ними простираются неоглядные гиблые заболоченные пустоши — ни деревца, ни камня, которые скрашивали бы убийственно монотонный ландшафт:

«Враг ли отравил их каким-нибудь лиходейством... этого не знал даже Арагорн; они издревле были мертвыми и пустынными».

Впрочем, гиблые захолустья у Толкиена простираются сплошь и рядом, и все это — результат воздействия вездесущих пагубных сил зла. И хоббитов на их торном пути подстерегают все новые испытания, одно страшнее другого:

«Жуткие сны и страшные пробуждения сливались в один тоскливый ужас, и где-то далеко позади все слабее мерцала надежда».

К счастью для хоббитов, пленившие их «здоровенные, черномазые и косоглазые орки» вскоре сталкиваются с «бледнокожими», сиречь ристанийскими всадниками во главе с Эомером, чей гордый озаренный лик обрамляли длинные светлорусые пряди.

Глава четвертая

Видения сумерек

Мир Толкиена пребывает в тревожном ожидании сумерек. По убеждению самого Толкиена, изначально мир был прекрасен, однако с появлением злых духов, а проще говоря, со временем красота его мало-помалу поблекла. И пагубное действие времени кажется тем более необъяснимым, что мир Толкиена населен Валар (по-нашему — мифологическими богами) и эльфами, а те и другие — бессмертны. И при этом страдают ностальгией. А ностальгия есть свойство человеческой натуры, и объясняется она тем, что человек смертен, и об этом ему известно. Однако Мелкору и нуменорцам претит чувство ностальгии, потому-то они и превращаются в контрпосвященных — иначе говоря, безжалостных сатанистов. Они не могут смириться с тем, что жизнь их ограничена во времени, хотя живут они куда дольше, чем люди (сотни и сотни лет); и это вызывает у них протест.

Однако, оказывается, эльфы с Валар по собственной воле стали жертвами неумолимого времени. С одной стороны, величественные творения Валар уничтожает Мелкор, а с другой, сами творения отторгают своих создателей. Смертные постепенно теряют всякий интерес к Валинору, и Валар покидают Средиземье. Такое впечатление, будто злой рок, Ананке, если вспомнить древнегреческую традицию, нависает над бессмертными. Впрочем, они будут жить и дальше — только в ином мире. И это вполне соответствует как главным темам в древнегреческой традиции, так и умозрению немецких мыслителей и поэтов-романтиков. Так, еще Гесиод⁽¹¹⁸⁾ писал об очарованных островах, куда герои попадают после того, как до конца исполняют свое предназначение. А следом за ним и Гельдерлин⁽¹¹⁹⁾ говорит о богах, что «может, и парят у нас над головами, но только в мире, именуемом другим».

Хайдеггер⁽¹²⁰⁾ писал о забвении, уготованном всякому живому существу, а Ренан⁽¹²¹⁾ создал образ пурпурного савана, под которым покоятся усопшие боги. Нерваль, небезызвестный *Laudator temporis acti* (напомним — Воспевающий былые времена) в нередко свойственном ему состоянии души сокрушается о том, чего нет и чему уже не быть никогда:

«Так, не вдруг уничтожили они, разорвав в клочья, вечную память о красоте, и народы, постепенно обессилев, утратили и стремление к

совершенству».

Итак, как явствует из сказанного выше, упадку подвержены не только люди, но и боги с героями, а если вернуться в мир Толкиена, то не-люди: ибо те же Валар, боги, или духовные сущности, один за другим покидают этот мир и уходят в Валинор; те же эльфы, в конце «Властелина Колец» отходят в Серебристую Гавань, а оттуда — на Заокраинный Запад. Что до гномов и хоббитов, их не так уж много, к тому же и те, и другие таятся от Громадин. Так что остаются только люди с их «странными качествами», а Толкиен их откровенно недолюбливает, поскольку они больше других детей Илуватара подвержены тлетворному влиянию Мелкора, которого Саурон, утвердивший свое могущество над нуменорцами, называет не иначе как избавителем.

Антропофобия Толкиена особенно явственно ощущается в сумеречных видениях, где люди остаются единственными актерами на сцене, именуемой Средиземьем. Так, в конце «Сильмариллиона», в главе «Кольца Всевластья» он пишет, что «люди росли числом и все больше обращались ко злу... И Саурон в тайне надеялся, что Валар, сокрушив Моргота, снова забыли про Средиземье».

Упадок ощущается даже во «Властелине Колец». С одной стороны, единственный в Братстве Кольца, кто совершает одну роковую ошибку за другой, так это человек — Боромир. С другой стороны, среди людей становится все меньше достойных воинов. Так, на поле решающей битвы выходят всего лишь несколько тысяч ратников, которым, по плану Арагорна, предстояло отвлечь внимание врага от хранителя Кольца. У врага же на службе куда больше человеческих ратей, чем у Гэндальфа с Арагорном. А единственными достойными представителями других народов — эльфов и гномов — выступают, соответственно, только Леголас и Гимли. И это — лишнее доказательство того, что канули в Лету те героические времена, когда нолдор и гномы сражались бок о бок против «проклятья Мандоса». И если причина тому — грехопадение людей, то знамением упадка и наступления сумерек служит рассеивание народов, созданных воображением Толкиена и его предшественников.

Первыми со сцены уходят Валар — как пишет Толкиен в «Сильмариллионе», «затем, чтобы вернуть свет и укрепиться на земле своей».

И это вполне соответствует понятию «*deus otiosus*» — «праздного бога», чей образ проходит красной нитью через все творчество уже упоминавшегося нами Мирчи Элиаде. Под *deus otiosus* подразумевается бог, отринувший людей со всеми их чаяниями. В определенном смысле он

напоминает ницшеанского «мертвого бога». При этом если понятие «мертвого бога» соответствует исчезновению бога в иудео-христианской морали, оно также близко понятию удаления и молчания богов, о чем говорили европейские мыслители, черпавшие вдохновение в древнегреческой культуре.

Стало быть, Валар — те же самые *del otiosi*, «праздные боги», отдавшие Средиземье на поправление Мелкору, князю мира сего, что только укрепило его могущество. Впрочем, он сам нарек себя таковым, а другие боги даже не пытались этому воспротивиться; пожалуй, один только Тулкас, бог силы и войны, дальний родственник Марса и Тора, возгласил тогда:

«Восстанем же разом! Разве не слишком долго почивали мы на лаврах и разве не обрели прежнюю силу? Неужто какой-то одиночка сможет сокрушить нас, как когда-то?»

Точно так же и Йаванна вопрошает Валар:

«Неужто оставим мы земли, что им предназначены, на запустение, дабы зло воцарилось там вовеки? Неужто бросим их во тьме, а сами останемся под светом? Неужто позволим, чтобы боготворили они Мелкора как повелителя своего, тогда как Манве по-прежнему восседает на вершине Теникетили?»

Похоже, Валар, если воспользоваться терминологией, принятой в системе физического воспитания, более слабые и менее достойные соперники перед лицом Мелкора. снискавшего своими «забавами» любовь и почтение части рода человеческого. Слабость Валар ощущается уже в начале «Сильмариллиона». В самом деле: ведь «Мелкор превосходил прочих Айнур и в знании, и в силе... Разлад в душе Мелкора переродился в смятение, из коего возникла новая тема; звук борьбы все нарастал и, в конце концов, сделался столь пронзительным, что многие Айнур, смутившись, перестали петь, и тогда-то Мелкор восторжествовал над ними».

И снова Валар — или Айнур — оказались небоеспособными, не решившись, что называется, поставить Мелкора на место, которое тот заслуживал. То же самое и Эру, Создатель, — он по-философски будто оправдывает или, по крайней мере, утешает Мелкора:

«Ты, Мелкор, когда-нибудь постигнешь самые тайные свои помыслы и уразумеешь, что они лишь часть целого, малая доля общего величия».

Такое определение зла, подобное, с другой стороны, лейбницевско-тегелянскому определению добра, конечно же, не по нраву Мелкору, привыкшему творить только для себя и к тому же вознамерившемуся — но

не сумевшему — превзойти своего Создателя.

Преупеяние Мелкора, неудачи эльфов, совращенных Феанором, и неблагоприятные деяния людей вынуждают Валар уйти прочь из мира, где отныне правит хаос. Пожалуй, только на Ульмо и возлагает последнюю свою надежду Илуватар, когда побуждает его к действию:

«Разве не видишь ты, что в крохотном уделе своем, будто восстав из глубин времени, Мелкор зарится и на твои владения? Он уже вызвал лютую стужу, хотя покуда и не смог осквернить красоту твоих источников...»

Ульмо, бог водных источников, морей и океана, слывет самым энергичным из Валар, а стало быть, и главным вероятным противником Мелкора, ставшего правителем Арды на той — прежней земле. Подобно Гитлеру или Сталину, выражаясь современным геополитическим языком, если это применимо к творчеству Толкиена, Мелкор хозяйничает в «Хартленде»⁽¹²²⁾, а Ульмо правит в «Римленде»⁽¹²³⁾, то есть, в данном случае, морями и океаном, омывающими этот самый Хартленд. И, будучи богом-хранителем морского владычества, он, как истый англосакс, неподвластен варварскому тоталитаризму — фашистскому или советскому.

Ощущая ответственность за свое позорное бегство от захватчика Мелкора, Валар запираются еще крепче:

«Решили они прочнее закрепиться на своей земле — и возвели кругом гигантские стены... и поставили войско у входа в крепость, со стороны Валмарских равнин, дабы в нее никто не проник — ни эльф, ни человек, ни зверь, ни птица, ни какое-либо иное существо».

Подобная самоизоляция богов соответствует тому, что Генон в «Царе Мира» — книге, во многом созвучной с произведениями Толкиена, — называет сокрытием высшего начала. Будучи сокрытым, оно становится незримым и неосязаемым. Но сокрыто это самое сокровенное высшее начало не на западе, а на востоке — в Агарте; хотя при этом Генон упоминает и про «белый остров», который, как принято считать, «лежит в дальних северных краях и считается обителью блаженных... В кельтских же традициях он известен главным образом как зеленый остров — пристанище святых и все тех же блаженных».

Впрочем, уточняет Генон, сокровенное высшее начало «сокрывается» только с наступлением калиюги, или, по Гесиоду, железного века; в самом деле, «современная эпоха — время сумеречное и смутное, и покуда оно не завершится само собой, сокровенное знание тем более должно оставаться сокрытым...»

Лишь по окончании Тридцатилетней войны⁽¹²⁴⁾ и заключении

Вестфальского мира, продолжает Генон, «истинные розенкрейцеры⁽¹²⁵⁾ покинули Европу и подались в Азию».

Этот сокровенный уход очень напоминает бегство Валар. Впрочем, надо отметить, что, по Генону, сокровенное вовсе не значит восточное — в географическом смысле. И в качестве примера Генон приводит Туле⁽¹²⁶⁾, сокровенное место (Атлантида, второе после Гипербореи потайное место), где была сокрыта Первозданная традиция.

Однако вернемся к Толкиену и его «Сильмариллиону», из которого, среди прочего, явствует следующее:

«Тогда же песни предрекли исчезновение Валинора и появление очарованных островов, и что в прибрежных водах тех островов заведутся диковинные призраки».

Здесь Толкиен явно намекает на кельтский Сид — сказочный потусторонний мир, «что распростерся сетью по Туманным водам, дабы никто не смог подойти к нему со стороны моря».

Как напоминают известные кельтоведы Кристиан Гийонварк и Франсуаза Леру, «чтобы попасть в иной мир, необходимо переплыть океан или погрузиться на дно священного озера или источника... Во всяком случае, где бы ни находилась эта чудесная страна, человеку, полагаясь только на свои собственные силы, попасть туда невозможно».

То же самое и с прибежищем Валар: как отмечает Толкиен, «случилось так, как и предсказывал Мандос в Армане: Благословенный край отныне был закрыт для нолдор и всех посланцев, что спустя время повадились на запад; никто из них не сумел и близко подойти к Валинору, кроме одного — единственного легендарного, величайшего морехода», — читай Эарендила.

Стоило Валар убраться прочь, как Мелкор взялся за свое черное дело с удвоенной силой:

«Валар отныне жили в мире за горами; озарив Средиземье светом, они оставили его надолго, и ежели теперь кто и мог противостоять могуществу Мелкора, так это отважные нолдор».

И они за это поплатились:

«Воздух над Средиземьем сделался тяжелым, гибельным, все живое стало портиться и быстро увядать».

Как бы то ни было, отмечает Толкиен, в отличие от эльфов, «люди боялись и не любили Валар».

Это замечание тем более важно, что оно объясняет, отчего именно произошел разрыв между Валар и людьми. Да и самих людей никогда не связывали между собой узы дружбы, как эльфов или даже гномов,

порожденных Ауле. Люди в некотором смысле разумны, хотя в смысле духовном они явно слабы, что и объясняет их нередко порочное религиозное поведение, проявляющееся в обрядах жертвоприношения, грубом и жестоком отношении друг к другу... и даже в наше время. В этом—то, кстати, и кроется главная причина нелюбви Толкиена к людям: хотя люди и обладают необычными качествами, пороков у них хватает с лихвой.

Сумерки спускаются над Валинором после того, как гибнут два лучезарных дерева — Лаурелин и Тельперион. Мелкор принес их в жертву к вящей радости чудовищной паучихи Унголиант. И к этой трагической истории мы еще вернемся. А пока оба чудовища — Мелкор и Унголиант вершат зло не таясь, тем более что им уже никто не мешает, и они, понятно, торжествуют. Ну а дальше происходит самое для нас интересное:

«Так на Валинор опустились сумерки», но страшнее всего то, что померкший свет снова уже не зажечь, — такое не по силам даже Валар. Разве только если они объединились бы с надменнойнейшей из нолдор, который отошел от них дальше других, — Феанором. А между тем мрак над миром все сгущается.

Впрочем, единственный, вернее единственная, кому по силам спасти священные деревья, — Йаванна, Валие—созидательница. Но она может это сделать только с помощью Сильмариллов, ограненных Феанором. Йаванна объясняет:

«Свет Древ угас — отныне он теплится лишь в Феаноровых Сильмариллах... Даже сильнейшие создания Илуватара способны на великое свершение всего только раз, один—единственный раз. Я подарила миру Свет Древ, и сделать подобное в этом мире мне уж не под силу. Но, будь у меня хотя бы искорка того света, я все же сумела бы вдохнуть жизнь в деревья, покуда корни их еще не увяли совсем».

Но Феанор отказывается ей помочь — и таким образом невольно, но довольно серьезно вредит Арде и эльдар:

«То, о чем меня просят, я ни за что не сделаю по доброй воле... Ежели я случайно выпущу из рук камня, подобных им мне уже никогда не сотворить, а уж коль мне суждено их разбить, то пусть заодно разобьется и мое сердце».

Следуя терминологии «Бхагавад—гиты», Феанор привязан к плодам своих деяний так же, как позднее Тургон привяжется к своему собственному детищу — граду Гондолину, что приведет к его краху и гибели. Впрочем, надо тут же оговориться, что, даже пойдя Феанор навстречу Йаванне, это все равно не спасло бы деревья, поскольку к тому

времени Мелкор успел похитить Сильмариллы: ведь не случайно сам Феанор когда-то нарек его Морготом — Черным Врагом мира.

Утрата Сильмариллов сродни потере Грааля и, как следствие, отрыву от первозданной традиции. Это только ускоряет наступление сумерек, и воспрепятствовать тому не в силах ни Валар, ни сам Илуватар. Но утрата и уничтожение Сильмариллов — всего лишь одно из злодеяний Мелкора, вынуждающего Валар отступить и запереться в Валинорской цитадели.

В пятой битве, Нирнаэт–Арноэдиад, то есть Битве Бессчетных Слез, Моргот сокрушает эльфов, хотя уничтожить их подчистую он не в состоянии, ибо пока еще силен Тингол и крепок град Гондолинский. Моргот добился победы в результате предательства людей:

«Если б не отступничество людей, Моргот нипочем бы не победил, хотя на его стороне были волки, Барлог и Дракон... большая часть ратников с востока повернули вспять и обратились в бегство, унося в сердцах своих горечь измены, а сыновья Ульфанга вдруг переметнулись на сторону Моргота и набросились на сыновей Феанора сзади».

Последствия не заставили себя долго ждать:

«С той поры эльфы отвратились от людей, за исключением Трех Родов Эдаинских».

Поражение прекрасных, бессмертных эльфов, искусных в пении и ремеслах, стало еще одним знамением, предвестившим скорое наступление сумерек в Арде. Полная же победа будет за Морготом лишь после того, как падут Дориат с Гондолином.

Гондолин падет вследствие предательства коварного Маэглина, о чем мы говорили в главе «Проклятие и измена», а Дориат станет жертвой губительных чар Сильмариллов. Ибо всех, кто в их власти, подобно Феанору и его сыновьям, навлекшим своею клятвой неисчислимые беды на нолдор, ожидают тяжелые времена. Так происходит и с Тинголом, пожелавшим завладеть камнями. Эльф Тингол, женатый на майа (полубогине) Мелиан, как-то признается Берену:

«Я тоже желаю владеть запретным сокровищем Но горная твердь, сталь и огонь, коими управляет Моргот, надежно охраняют камни, а они для меня дороже верховной власти... Пусть же рука твоя возьмет хотя бы один Сильмарилл из венца Моргота, тогда Лучиэль вложит свою руку в твою. Тогда ты по достоинству оценишь мое благородство, ибо будешь владеть всем, чем владею я, даже если в Сильмариллах заключена судьба мира».

Рассказчик тут же объясняет слова Властителя Тингола, ставшего жертвой собственной беспечности:

«Так предрек он гибель Дориату, а сам угодил в проклятую западную Мандосу».

Прозорливая супруга пытается предостеречь, однако уже ничто не может остановить ход судьбы:

«О Повелитель, слепое лукавство управляет тобою, но мои глаза пока что не обманывают меня, и я предвижу — добром для тебя замыслы твои не кончатся, улыбнется ли Берену удача или нет. Все едино ты обречен — и ты, и дочь твоя Дориат же ожидает участь не менее печальная, чем другие великие царства».

Таков уж закон для всех благоденствующих царств: малодушие, алчность и беспечность монархов рано или поздно приводит их к гибели. Да и потом, остановить время невозможно даже в мире Толкиена, а значит, все красоты его обречены на увядание.

Дальнейшие события оборачиваются отнюдь не во благо Дориату, угроза нависает и над владениями Тингола:

«Лучиэнь замолчала, и с той поры уже никто не слышал в Дориате ее дивного пения. Горестная тишина легла на леса, мрачные тени сгустились и над королевством Тингола...»

Чуть погодя Толкиен отмечает, что беда постигла Дориат постольку, поскольку он стал жертвой «горестной тишины», воцарившейся после ухода менестреля Даэрона, влюбленного в Лучиэнь, впрочем, без всякой взаимности, создателя рун, которого безответная любовь повела по «неведомым стезям».

Вскоре даже Мелиан отворачивается от своего супруга,

«молвив, что гибельный путь, коим предпочел он идти, ему надобно пройти до конца, а там будь что будет».

Волк Кархарот, прислужник Моргота, проглотивший Сильмарилл, становится непобедимым и опустошает царства. Тогда-то Лучиэнь и выбирает участь смертной. Отца же ее убивают гномы. Вот уж действительно, никак не могла предвидеть Мелиан, что случится самое худшее и что судьба превратит двух ее любимых существ в смертных.

С годами Тингол действительно все больше становится подвластным чарам Сильмарилла, которым он владеет, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью. Помимо чудесного Сильмарилла, сотворенного эльфами, Тингол владеет и другим чудом — Наугламиром, сотворенным гномами. Однако гномам надобно здорово постараться, чтобы вернуть себе Наугламир, поскольку по своей беспечности они утратили его так же, как эльфы утратили Сильмариллы. Тингол же говорит с ними чересчур надменно, обзывая вырожденками, и гонит прочь. И вот «вожделенную страсть свою

гномы сменили на слепую ярость. И встали они и набросились на обидчика своего и убили его на месте».

Но худшее еще впереди. Двум гномам удастся ускользнуть от кинувшихся за ними вдогонку эльфов, хотя следом за тем они навлекают на себя гнев своих сородичей. Тогда-то в душе Мелиан и случается разительная перемена:

«И поняла она, что размолвка ее с Тинголом чревата бедою великой — скорой гибелью Дориата... Смерть Тингола преобразила Мелион. Она уже была невластна над лесами Нелдоретскими и близлежащими землями, и волшебная река Эсгалдуин уже говорила с нею по-иному. Дориат распахнулся перед врагами».

И Мелиан, Валие по крови, возвращается в страну Валар, лежащую за океаном. Тогда войско гномов, или, по Толкиену, наугримов, опустошило Менегрот, дворец и сокровищницу Тингола. А другой Сильмарилл добудут Берен с Лучиэнью, приблизив свою смерть, ибо не под силу смертным укротить его испепеляющий жар.

Падение Гондолина тоже стало результатом грубой неосмотрительности. Туор, сын Гуора, взявший в жены дочь Властителя Тургона и толкнувший тем самым Маэглина на предательство, прибывает в Гондолин с доброй помощью морского бога Ульмо. Он тотчас же предупреждает Тургона, что «проклятие Мандоса того и гляди свершится и что все творения нолдор будут уничтожены».

Тургон предупреждали в этом и прежде — он отлично помнит слова, похожие на то, что сказано в «Бхагавад-гите»:

«Не прикипай к творениям рук своих, ни к прихотям сердца своего, а помни, что истинная надежда нолдор витает в западной стороне и что явится она из-за моря».

Но, увы, к его несчастью и на беду Гондолина, «гордыня обуяла сердце его, Гондолин чудился ему столь же прекрасным, как Эльвен-Тирион. а особым предметом гордости его были неприступные валы Гондолина с потайными укрытиями, и ни один Вала не мог убедить его, что это не так».

Таким образом, гондолинцы верят, что крепость их — неприступная твердыня и проникнуть в нее не сможет ни одна живая душа. Но перед изменой Маэглина не устоять твердыне — Гондолин будет вскоре осажден и разрушен.

И вот тут-то «Сильмариллион» превращается в настоящую эпопею ужаса: поочередные поражения нолдор, гибель Дориата и Гондолина, измены, безрассудная клятва Феанора — все это будто знаменует торжество зла.

Напомним, что эльдар оказались во власти зла после того, как Феанор с сыновьями дали страшную клятву «никогда не чинить худа Морготу, а напротив, помогать ему всеми силами».

Феанор восстает против Валар, к которым принадлежит злейший его враг Моргот. Но, как порой бывает, он ненавидит не само зло, а того, кто ему потворствует. Подобное отношение — а оно в определенной мере сродни преклонению перед фашизмом (в той самой мере, в какой фашизм можно считать революционной волей, нацеленной на установление абсолютного порядка), — как раз и проявляется в клятве, которую он дает вместе с сыновьями:

«И поклялись они преследовать мстью своею до самых пределов мира всякого Валу, демона, эльфа и человека, равно как всякое еще только нарождающееся существо и любое создание, плохое или хорошее, что грядет в мир, ежели завладеет оно хотя бы одним Сильмариллом».

Хуже того:

«от клятвы такой никто не в силах освободиться, ибо она неизменно тяготеет и над тем, кто верен ей, и над тем, кто попытается ее нарушить».

Вот почему оставшиеся в живых сыновья Феанора готовы сражаться с кем угодно, хоть с самими Валар.

Однако все имеет свой конец — даже сумеречный мир «Сильмариллиона», к счастью, обречен на гибель, и аккурат в то самое время, когда Морготу мнится, будто он достиг абсолютной победы.

«Он думал, что навеки разделил нолдор и сильных Западного мира и что Валар в своем Благословенном краю позабыли, что творится за внешними его пределами, где он крепил свое могущество, ибо для того, кто не ведает жалости, милосердие кажется странным, немыслимым».

Однако Моргот просчитался: его бесчисленные полчища будут разгромлены воспрявшими духом и силами Валар. И как тут снова не вспомнить Гитлера, предводительствовавшего из неприступного логова своими безжалостными вояками; как не вспомнить того самого Гитлера, которому было невдомек, что сражаться можно не только ради того, чтобы грабить и убивать. Но, как бы то ни было, зло невозможно искоренить полностью: остается Саурон, советчик одержимых нуменорских правителей, вознамерившихся сокрушить Валар на море, которые вскоре разобьют их в пух и прах. Опустошенное же Нуменорское королевство очень напоминает Атлантиду, и Толкиен этого даже не скрывает

«Изгой же, стоя на морском берегу и время от времени обращая взоры свои на Запад, вспоминали Мар-ну-Фалмар, сокрытую под волнами, и канувшую в пучину Аккалебет, или Атланта, как называли ее по-своему

эльдар».

Между тем видения сумерек преследуют Толкиена, несмотря на то, что пали и великие, и проклятые царства.

По его убеждению, мир устал, и люди пали жертвами этой усталости, предвестницы смерти, чем они и будут оправдывать самые бездумные свои деяния.

Однако истинная сущность сумерек в другом: настоящие сумерки грозят поглотить мир Толкиена целиком. Это — сумерки воображения, фантазии и сюрреалистических грез: они-то, кстати сказать, и ввергают нас в бездну отчаяния — мнимого и вместе с тем остро ощутимого. В самом деле, «те, кто подались еще дальше, обошли землю кругом и вернулись туда, откуда ушли, и сокрушенно молвили: вот, все дороги сошлись».

И тут Толкиен делает странное, неожиданное замечание: «мир стал круглым».

Став же таковым, он лишился чарующей красоты бесконечности и лишил страждущих мечты о дальних странствиях. И то верно:

«мудрейшие люди говорили, будто существует прямой путь, и откроется он лишь тем, кому суждено найти его... хотя мир и выгнулся дугой, древняя западная дорога, памятная стезя, тянется прямо, как стрела, — точно незримый гигантский мост, переброшенный через опоенное ветрами и светом поднебесье... Ведет она к Тол Эрессеа, Одинокому острову, а может, и к Валинору, где покуда еще жили Валар, наблюдавшие за превратностями судеб мировой истории».

Искренне полагая, что читатели верят в его Историю мира, *In illo tempore*, то есть еще тех времен, Толкиен прибавляет, что в мире стали рождаться легенды о мореходах и просто людях, пропавших на море, которым якобы посчастливилось отыскать прямой путь — сокровенную стезю дальних странствий — и, пройдя по нему, созерцать Белую гору, «изумительную и грозную», перед тем как умереть.

Однако это еще не последний конец мира Толкиена, сумевшего мастерски попенить наш мир своим, используя для этого все основные элементы, составляющие нордические и христианские традиции. Настоящий конец «Сильмариллиона» наступает много позднее — по завершении эпопеи «Властелина Колец», когда происходит вот что:

«Уплывали за море Элронд и Галадриэль, ибо кончилась Третья Эпоха и с нею могущество древних Колец, стихли песни, иссякли сказания трех тысячелетий. Внешние эльфы покидали Средиземье...»

Эти строки возвращают нас в те времена, когда многие думали, будто земля совсем не круглая и что существует на ней немало других путей —

сокровенных, открытых для отважных мореходов вроде кельта Майль-Дуна, обращенного христианской традицией в святого Брендана. Строки эти подводят своеобразный итог великой дилогии Толкиена. В «Сильмариллионе» Толкиен создал Предначальный Мир, существовавший, другими словами, до Адама, поскольку его герои еще не познали первородного греха. К тому же они совершеннее людей, переходящих на сторону Моргота и Саурана. И мир этот исчез, подобно легендарной древнегреческой Атлантиде и мифическому кельтскому Сиду, подобно Садам Гесперид и Гиперборее — центру Первозданной традиции, по Генону, о которой до наших дней дошли лишь смутные воспоминания, доступные пониманию разве что блаженных. Пожалуй, только для таких вот «блаженных» читателей Толкиена и открыт прямой путь в Поднебесное Царство.

Итак, мы остановились на том, что на мир «Сильмариллиона» опускаются сумерки. И теперь нам остается наблюдать, как сумеречная тьма подступает к миру «Властелина Колец» — эпопеи куда мене эзотерической, замысловатой и перенасыщенной всевозможными перипетиями по сравнению с «Сильмариллионом»; но и здесь до поры до времени сохраняются дивные оазисы — сокровенные острова, через которые пролегает многотрудный путь собратьев по Кольцу и где, вопреки своему желанию, они никогда не задерживаются надолго.

Уже в самом начале «Властелина Колец» мы узнаем, что «теперь эльфы... покидали Средиземье: у них была своя судьба».

Эльфы передают эстафету другим героям — тем же магам и хоббитам; им-то отныне и предстоит бросить вызов черному колдуну Сауруну. Повстречавшись как-то с эльфом Гаральдом, хоббиты узнают, что им угрожает серьезная опасность, и понимают, что таинственные преследователи, идущие за ними по пятам, не отступятся, пока их не схватят. Среди прочего Гаральд сообщает хоббитам, что их Хоббитания — оплот не самый надежный, поскольку, «вы же не сами по себе живете, а если и отгородились от мира, то мир-то от вас не отгораживался».

Так что и благословенная Хоббитания, чем-то похожая на малый Дориат или Гондолин (как и Забрэндия, куда все чаще забредают таинственные странники и бродяги), не сможет остаться в стороне от всемирных волнений, которые, по Толкиену, приносят одни лишь невзгоды. И вот традиционную добродетельную оседлость он обращает в движение, нацеливая на поиски лучшего в худшем, а не наименьшего среди двух зол.

Во «Властелине Колец» всюду ощущается присутствие сокровенного — искусства, ремесел и знания, утраченных вовсе или

сохранившихся в потайных глубинах памяти: пленяющий хоббитов стародревний лес, где хозяйничает таинственный Том Бомбадил, населенные умертвиями могильные курганы, Лориэн, где правит красавица Галадриэль, и царство гномов Мория — все это знаки, или вехи на запутанном пути братьев по Кольцу. По поводу утраченных искусств и ремесел гном Гимли, старый товарищ и спутник Бильбо, с грустью замечает:

«У нас есть на редкость искусные мастера. Но наши оружейники уступают древним. Многие старинные секреты утеряны».

В том же духе высказывается и полуэльф Элронд, великий владыка Раздола:

«Я свидетель всех трех эпох Средиземья и участник бесчисленных битв с врагом, кончавшихся страшными для нас поражениями или поразительно бесплодными победами...» — как будто, если вспомнить слова Шекспира, в истории только и происходит что много шума из ничего.

Ностальгия, пронизывающая «Властелина Колец», ощущается и в других местах книги: так, проходя вместе с собратьями по Кольцу земли Остранны, эльф Леголас слышит жалобы камней, оплакивающих лесных эльфов, которые неожиданно покинули их:

«Они ограничили нас, вдохнули в нас жизнь и навеки ушли. Они ушли навеки, — сказал Леголас. — Давно нашли Вековечную Гавань».

А пребывание братьев по Кольцу в Лориэне, в гостях у Галадриэли, больше походит на остановку паломников в сакральном месте после долгого путешествия–посвящения. Фродо попадает в мир более чистый и светлый, и чувства его обостряются до предела. Так, «ему вдруг почудилось, что он уходит из сегодняшнего мира, как будто шаткий мостик был перекинут через три эпохи и вел к минувшим Предначальным дням. И Фродо не мог отделаться от мысли, что вокруг него оживает прошлое.. Здесь оно было живым и реальным... Лориэн жил так, будто зло еще не родилось».

Чуть погодя Толкиен, как истинный философ–созерцатель, куда более прозорливый, чем Рембо, добавляет:

«Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимою о лете — в неизменной жизни Благословенного края прошлое и будущее сливались воедино».

Затем Фродо, которому, как и Арагорну, уже никогда не будет суждено вернуться в этот дивный край, видит и запоминает дивный «яшень с матово–серебряной бархатистой корой и шелковой шелестящей золотой листвой», чтобы навсегда сохранить его образ в памяти. Дальше любовь

Толкиена к деревьям побудит его написать великолепную историю поистине диких существ — онтов, полудеревьев–полулюдей, которые сыграют самую, пожалуй, главную роль в захвате Изенгарда, грозного оплота Сарумана. Ну а пока Владычица Галадриэль, вторя словам Элронда, горестно замечает:

«Мы переправились через горы еще до того, как пали первые западные твердыни, и с тех пор обреченно, без надежды на победу, однако не отступая, сдерживали зло».

А вот какой во время прощания с Лориэном предстает перед глазами Фродо эта властительница, воплотившая в себе один из самых очаровательных женских образов в творчестве Толкиена:

«Владычица не казалась могущественной и грозной, хотя была повсегдашнему красива. Она неожиданно представилась хоббиту (как и всем, кто сталкивался с эльфами сейчас) неизменно юной и вечно прекрасной жительницей давно ушедшего прошлого».

О подобных образах остаются одни лишь воспоминания. Хотя, по словам Гимли, воспоминания совсем не то, чего желает душа.

После Лориэна Братство по Кольцу, лишившееся к тому времени общества Гэндальфа, — он, напомним, сгинул в бездне Мории — распадается. И следом за тем два хоббита, Пин с Мэрри, которым суждено прославиться ратными подвигами и среди людей, и среди своих соплеменников, встречаются с онтами. В этих легендарных, в прямом, этимологическом смысле слова, диких существах Толкиен выразил свое величайшее сострадание деревьям, обреченным на гибель. Он помнил иву, на которую лазал еще мальчишкой, и как ее, в конце концов, срубили, несмотря на его решительные протесты. Словом, его любовь и даже почтение к деревьям была сродни древнему друидскому культу.

Однако онты — совсем другая история. Онты — настоящие живые существа: они разговаривают и ходят, и сокрушаются о былом, потому что уж больно тревожат их нынешние смутные времена. Коротко говоря, то, что онты такие же существа, как эльфы и гномы, не вызывает никаких сомнений у всякого, кто попадает в чудесный мир Толкиена. Так, самый главный онт, Древень, объясняет Пину с Мэрри:

«Мы, онты, издревле назначены древопасами. Теперь нас маловато осталось».

И тут же прибавляет:

«В те давние времена отсюда до Лунных гор тянулся сплошной лес, а это была всего лишь его восточная опушка».

Ну а потом, сокрушается Древень, объявился Саруман с орками и все

пошло прахом: лес стал гибнуть на корню, и спасти его онтам одним было не под силу. Да и сами онты теперь будто деревенеют, теряя былую самобытность и живость. Так, омертвление деревьев, весьма похожее на очерствение человеческих душ, грозит полным исчезновением и онтам. Тем более что их покинули онтицы.

И вот тут—то начинается один из самых волнующих рассказов в «Двух Твердынях» — 3-м томе «Властелина Колец». Древень рассказывает хоббитам печальную историю ухода и исчезновения онтиц.

Как известно, Толкиена связывали особые отношения с его женой Эдит, поскольку, как истинный британец, он отдавал больше предпочтения мужской дружбе и обществу. И в злополучной истории онтов он в метафорической форме пытается объяснить, отчего между мужчинами и женщинами порой фозникают неодолимые барьеры.

Дело в том, что духовно онтицы заметно отличаются от онтов, потому что больше всего желают, чтобы был порядок, довольство и мир; поэтому они разводят новые сады, возделывают новые пашни и постепенно отдаляются от онтов, и уже видятся с ними все реже. Онтицы трудятся не покладая рук — и делаются сутулыми и смуглыми, волосы у них выцветают на солнце. И вдруг в один прекрасный день они возьми да исчезни совсем. Онты пускаются за ними вдогонку — но все тщетно:

«Туда и сюда мы ходили — не было их нигде, очень нам стало горько».

Таким образом, быть может стремление онтиц к свободе сродни эмансипации современных западных женщин? В какой—то степени — да, и это настолько очевидно, что даже не нуждается в пояснении. Между тем «наших онтиц как и не было, только и остались у нас в памяти, и отросли у нас длинные седые бороды».

А тут еще одна напасть — Саурон, грозящий иссушить на корню все леса.

Потом Древень поет хоббитам песню, в которой он от имени всех онтов призывает онтиц вернуться:

«Скорей, скорей возвращайся ко мне, в веселый весенний край!»

И все же главное теперь — собрать войско, пробудив древних воителей от затянувшейся спячки.

Тропа войны, на которую онтов толкнули объявившиеся в их краях орки и, невольно, хоббиты, привела «древопасов» к самой великой победе в истории «Властелина Колец», ведь только им оказалось под силу разрушить несокрушимую твердыню Сарумана, притом почти без потерь.

Однако некоторое время спустя тема победы — на сей раз в разговоре Гэндальфа с Теоденом — звучит уже совсем по-другому. Так, перед битвой

за Изенгард Теоден признается:

«Ведь даже если мы победим, все равно много дивного и прекрасного исчезнет, наверное, из жизни Средиземья».

И Гэндальф вторит ему тоном, не оставляющим ни малейшей надежды на будущее:

«Лиходейство Саурана с корнем выкорчевать не удастся, и след его неизгладим. Но такая уж выпала нам участь...»

Итак, даже великая победа не может изменить гибельный ход истории, отсрочив конец времен в мире Толкиена. Подобно Галадриэли, Древень и Теоден сознают, что времени у них впереди совсем мало. Ведь даже Валар, не раз сокрушавшим Мелкора, не удалось искоренить зло без остатка: оно неизменно возрождалось из его пепла. Конец мира предопределен еще и тем, что, будучи сведенным к обыденности, он уже никогда не обретет былого величия и непостижимой чарующей таинственности. Не случайно в радостный для всех час Древень с грустью подмечает:

«Леса—то вырастут... Вырастут, разрастутся. А онты — нет. Где у нас малыши?»

Зато людей «развелось» слишком много... Древень всего лишь пересказывает на свой лад мысль Толкиена, которую он как-то записал в своем дневнике:

«Милый этот дом стал необитаем — ни спать, ни работать там отныне невозможно: кругом шум и выхлопные газы. Мордор — вокруг нас».

Эта фраза содержит в себе еще один ключ к пониманию рассуждений Толкиена о Мордоре. Мордор, самая сущность зла, — это современный мир, отвергаемый Честертоном, Лавкрафтом, По, Пеги, Бернано и многими другими. Это мир, осененный сумерками, в которых исчезли все традиционные ценности и которые принесли с собой скверну, суетный гомон и смуту. Толкиену выпало жить как раз в то время, когда наступление техно-модернистского ужаса казалось особенно очевидным и неумолимым.

И предотвратить эту роковую неизбежность нельзя было никакими силами...

Однако не одни только онты с Толкиеном сокрушаются по поводу сумерек, поглощающих былую красоту. По прибытии в столицу Гондора, Минас-Тирит, Пиппин и Гэндальф видят те же сумерки, омрачившие прежнее величие людей.

Поначалу Пиппин восхищается дивным Минас-Тиритом. А потом вдруг выясняется, что на самом деле «город хирел год от года, и народу обитало здесь вполовину меньше прежнего, а и прежде было не тесно... проезжали они мимо дворцов и хором, где над дверями и арками были

искусно высечены древние рунические надписи — как догадывался Пин, имена и прозвания бывших владельцев; но теперь там царила тишина, никто не всходил по широким ступеням, ничей голос не раздавался в опустевших покоех, ничье лицо не появлялось в ослепших окнах».

Подобное запустение сродни нынешнему демографическому кризису западного мира, коснувшемуся традиционных городов и провинций. Это самое запустение и удручает Пиппина. Тем более после того, как гондорец Берегонд, сообщивший Пину пароли, без которых хоббиту было бы не пройти по городу, и давший ему в провозятые своего сына, Бергила, замечает:

«Детей у нас тут всегда было маловато, а теперь остались только мальчишки постарше, которых и силком не вывезешь, — вроде моего сына».

Дальше Берегонд уточняет:

«Был там другой город... столица Гондора; наш-то Минас-Тирит — всего-навсего сторожевая крепость. Там, за Андуином, развалины Оспилята, который давным-давно захватили и сожгли враги».

И тут снова вспоминаются строки Шатобриана:

«Ко мне будто снизошел Дух воспоминаний и в раздумье опустился подле меня. И захотелось мне узнать, могут ли ныне живущие народы наделить меня добродетелями или хотя бы пороками своих усопших предков...»

Гондор предстает перед нами как проклятое место, и олицетворением его служит Боромир, ставший единственным отступником среди братьев по Кольцу; а кроме того — отец его Денэтор, который лишится рассудка, возомнит себя соперником Саурана и замыслит сокрушить Гондор и убить другого своего сына — Фарамира.

Охваченный гневом и ревностью, Денэтор говорит Гэндальфу, сокрушаясь по тяжело раненному Фарамиру:

«Нет, ему уже не помочь... И сражаться незачем. Чего ради растягивать ненужную жизнь? Не лучше ли умереть вместе с ним заодно?»

Отчаяние Денэтора, вскормленного гордыней, пробудилось в нем после того, как он заглянул в Палантир и оказался во власти Черного Властелина. Между тем в этот-то роковой час Гэндальф и являет всем свое истинное величие, нацелив его единственно на то, чтобы собрать рати и дать последний решительный бой врагу, чьи полчища превосходят их силой раз в десять.

Что до Фарамира, он тоже отчаивается, и причину его отчаяния позднее находит Арагорн; как известно, Денэтор недолго любил Фарамира,

ибо считал, что сын его целиком подвластен Гэндальфу, к тому же он считал, что он не настолько храбр, как сводный его брат Боромир; а тут еще «смертельная усталость, душа не на месте из-за отца... еще рана, а главное — Черная Немочь...»

Тяготы, на которые люди обрекли сами себя, по-своему истолковывают двое других братьев по Кольцу — Леголас и Гимли, эльф и гном. Вот что, к примеру, говорит Гимли:

«Так и все дела людские — весной им мешает мороз, летом — засуха, и обещанное никогда не сбывается».

И хотя Леголас тут же замечает ему, что добрый посев может взречь неожиданно и что «людские свершения долговечнее наших», Гимли возражает — все это—де несбыточные людские мечтания.

И не случайно окончательная победа над Сауроном, как и все другие победы у Толкиена, отдает горечью: связано это и с тем, что Средиземье покидают Галадриэль и Элронд. Прозорливый же Саруман на прощание им предрекает:

«Вы обречены, вы своими руками погубили себя. В скитаниях я буду тешиться мыслью, что, разрушив мой дом, вы низвергли свой собственный».

Слова Сарумана оправданы ходом всей истории толкиеновского мироздания, завершающейся упадком эльфийского царства и уходом эльфов из Средиземья. Да и Теоден, как мы помним, тоже понимал, что после победы жизнь уже никогда не будет такой, как прежде, ибо отныне ее всегда будет омрачать всемирная сумеречная тень. Наступление сумерек ознаменовано еще и тем, что Арвен, супруга Арагорна, как и сам он и как задолго до нее Лучиэль, обречены на смерть. Через сто двадцать лет великой славы, когда долгая их жизнь подходила к концу, «ей стало горько при мысли, что она приняла дар смерти».

Хотя, по словам самой же Арвен, принимать этот дар горько, она и Арагорн покидают этот мир с грустью, но не с отчаянием. И смерть Арагорна, последнего Нуменорского властителя с древнейших времен, больше похожа на сон. Вот как прекрасно она описана на последних страницах «Властелина Колец»:

«И погрузился он в сон. И осенила его красота несказанная, ввергшая в изумление всех, кто явился поглядеть на него: ибо в выражении лица его смешались очаровательная юность, доблестная зрелость и величественная старость. Он долго лежал вот так, являя собой дивный образ Властителя людей, озаренный лучами славы, не померкнувшей с крушением мира».

Это выражение, «крушение мира», напоминает *On illo tempore* —

времена до Адамова грехопадения, если вспомнить Бытие, или до омрачения Валинора, если взять историю мира по Толкиену. В этом выражении заключена неутолимая печаль, насквозь пронизывающая эту историю; однако печаль не должна порождать отчаяние, как у Денэтора, ибо отчаяние есть величайший грех перед Провидением.

---

notes

СНОСКИ

«Героическая фэнтези» (от англ. *heroic fantasy*) — одно из направлений фантастической литературы, так называемая «чистая», или «ненаучная» фантастика, рассказывающая о невероятных приключениях в вымышленных мирах (на легендарных планетах или в мифическом прошлом), где ловкие, крепкие телом и духом герои (защитники добра) противоборствуют колдунам, одержимым силами зла, и прочей нечисти; классический пример — «Конан–Варвар» Эдгара Берроуза (*здесь и далее примеч. перев.*).

Лавкрафт, Говард Филлипс (1890–1937) — американский писатель–фантаст, автор многочисленных поэм, эссе и шести десятков рассказов в жанре «ужас».

Нерваль, Жерар де (наст. имя *Жерар Лабрюни*, 1808–1855) — французский поэт–романтик и романист.

In illo tempore (*лат.*) — «В те времена».

Мерлин — легендарный волшебник, поэт и провидец времен короля Артура.

«Экскaлибур» — меч легендарного короля Артура, обладающий чудесной, сверхъестественной силой.

Экхарт, Иоганн (по прозе. *Мейстер Экхарт*, ок. 1200–1327) — доминиканец, апологет немецкой средневековой мистики.

Эдда (Старшая Эдда) — древнескандинавский сборник мифологических и героических песен, бытовавший в устной традиции германских народов.

Элиаде, Мирча (1907–1986) - французский культуролог и писатель румынского происхождения.

«Калевала» — карело–финский эпос о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева.

Моррис, Уильям (1834–1896) - английский писатель, живописец и график.

Речь идет о повести «Хоббит, или Туда и Обратно».

Кюневульф (750–800) — англосаксонский религиозный поэт.

Местр, Жозеф де (1753–1821) — французский политический деятель, писатель и философ.

Берк, Эдмунд (1729–1797) — английский политический деятель, философ и писатель.

Геном, Рене (1886–1951) — французский философ.

«Песнь о Нибелунгах» — немецкий героический эпос, сложившийся около 1200 года.

Блуа, Леон (1846–1917) - французский писатель.

Беллок, Джозеф Хилари Питер (1870–1953) — английский историк, поэт и романист.

Честертон, Гилберт Кит (1874–1936) — английский поэт, романист, публицист и критик.

Вилье де Лилъ–Адам, Огюст, граф де (1838–1889) — французский писатель.

Бернано, Жорж (1888–1948) — французский писатель.

Здесь и далее цитаты из романа «Властелин Колец» приводятся в переводе В. Муравьева.

Дюрер, Альбрехт (1471–1528) - немецкий живописец и график.

Мьюир, Эдвин (1887–1957) — английский поэт и критик.

Токвиль, Шарль Алексис Клерель де (1805–1859) —французский историк и политический деятель.

Моруа, Андре (наст. имя *Эмиль Эрцог*) (1885–1967) - французский писатель, публицист и историк.

«Бхагавад-гита» — памятник религиозно-философской мысли Древней Индии, часть 6-й книги «Махабхараты».

Ананке — олицетворение судьбы в древнегреческой мифологии.

Рагнарёк — «судьба (гибель) богов»; в скандинавской мифологии гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой богов и хтонических чудовищ.

Калиюга — в индуистской мифологии и древней космологической традиции обозначение 4-го периода времени, когда добродетель приходит в полный упадок, жизнь людей становится коротка, полна зла и грехов, они истребляют друг друга в войнах; цари грабят подданных, праведники бедствуют, а преступники процветают; в человеческих отношениях царят ложь, злоба, алчность.

«Small is beautiful» (*англ.*) — «Малое — значит красивое».

Контркультура — общее обозначение разнородных по идейно–политической ориентации ценностей определенных групп молодежи («новые левые», хиппи, битники, йиппи и др.), противопоставляемых официальным ценностям общества.

«Aurea mediocritas» (*лат.*) — «Золотая середина», формула практической морали, одно из основных положений житейской философии Горация, нашедшей выражение в его лирике; употребляется также для характеристики посредственных людей.

Чосер, Джефри (1340–1400) — английский поэт.

Громадина — то есть человек.

Кретьен де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) — французский поэт, автор рыцарских романов в стихах, овеянных духом артуровских легенд.

Просечень знаменовал у хоббитов середину зимы и конец года (30 декабря — 1 января).

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ-идеалист.

Гальфрид Монмутский (1100–1154) — англо–нормандский историк.

«Ланселот» — рыцарский роман Кретьена де Труа, повествующий о подвигах одного из рыцарей и ближайших сподвижников короля Артура.

Вас, Роберт (1110–1180) — англо–нормандский поэт.

Бестиарий — в Средние века описание и аллегорическое истолкование зверей.

Ведическая традиция — от «вед», древнейших памятников индуистской религиозной литературы.

Гаруда («пожиратель») — в индуистской мифологии царь птиц, ездовое животное (вахана) бога Вишну.

Наги — в индуистской мифологии полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами.

Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — ок. 1220) — немецкий поэт–миннезингер, автор стихотворного рыцарского романа «Парцифаль».

Персиваль — герой последнего, незаконченного романа Кретьена де Труа «Персиваль или Сказание о Граале», относящегося в 1180 году.

«Carmen galli» (*лат.*) — утренняя песнь.

Грасиан, Балъпасар (1601–1658) — испанский моралист и эссеист, ярый иезуит.

Сканда — в индуистской мифологии предводитель воинства богов.

Ситуационизм — авангардистское направление в литературе и изобразительном искусстве, возникшее в конце 50-х годов XX века; выросло, в частности, из сюрреализма и особенно ярко выразилось в радикализме французской молодежи во время бурных студенческих волнений 1968 года.

Берсерк — неистовый и неуязвимый древнескандинавский воин.

Галаад — герой артуровских легенд, сын Ланселота.

Имеется в виду эпопея английского писателя *Томаса Мэлори* (1408–1471).

«Мерлин» — роман в прозе нормандского трувера *Робера де Борона* (XII–XIII), одного из создателей так называемого «бретонского цикла».

Арджуна — герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

От онтологии — учении о бытие как таковом, то есть о фундаментальных принципах бытия, наиболее общих сущностях и категориях сущего.

Гуны — в древнеиндийской мысли свойства вещи, ее наиболее существенные характеристики.

Зиккурат — гигантская многоступенчатая культовая башня в архитектуре Древней Месопотамии.

Джива (*санаср.*, букв. — живущий, живой, живое существо, душа) — понятие индуистской философии, одна из основных сущностей или субстанций; ему присущи сознание, вечность, способность к деятельности; он обладает нравственностью, знанием, верой, неограниченной энергией (силой) и бесконечным блаженством.

Платонизм — направление позднеантичной философии I в. до н. э.; важный его элемент — противопоставление чувственного мира миру идей.

Фридрих I Барбаросса (ок. 1123-1190) — император Священной Римской империи.

Людовик Святой — французский король Людовик IX (1214–1270).

Restitutor orbis terrarum (*лат.*) — «Спаситель круга земель», то есть всей земли, всего известного мира.

Имеется в виду Сантьяго-де-Компостела — испанский город, где по преданию был погребен апостол Иаков; со средневековья и до наших дней — место паломничества христиан.

Юлиан Милосердный, святой — герой средневековой легенды, снискавший прощение за убийство своих родителей у Христа, явившегося ему в образе прокаженного, которого он не побоялся перенести через реку.

Христофор (букв, «христоносец») — герой–мученик христианских преданий, переправивший через бурный поток ребенка — Христа, а с ним, символически, и весь мир, и того, кто сотворил этот мир.

Гильгамеш — герой месопотамской мифологии.

Ибн Аль-Араби (1165–1240) — арабский мыслитель, поэт, мистик.

Аваллон (от *валлийск.* afal, «яблоко») — в кельтской мифологии «Остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещаемый на далеких «Западных островах».

Шариат — свод религиозно–этических и правовых предписаний ислама.

Тарика — путь познания Бога в исламе.

Кухулин («Пес Куланна») — в ирландской мифоэпической традиции герой и главный персонаж многочисленных саг героического цикла.

Дорога в Дамаск — путь, на котором человек находит свое истинное призвание (согласно евангельскому преданию, по пути в Дамаск святой Павел уверовал в Христа).

Status quo (*лат.*) — существующее положение.

Dei ex machina (лат.) — «Боги из машины»; своеобразный драматургический прием, применявшийся иногда в античной трагедии: запутанная интрига получала неожиданное разрешение во вмешательстве бога, который посредством механического приспособления появлялся среди действующих лиц, раскрывая неизвестные им обстоятельства и предсказывая будущее.

Силы — в кельтской мифологии божественные существа, обитавшие под землей в холмах, пещерах, расщелинах скал, а также на чудесных островах в океане.

Каббала — мистическое течение в иудаизме.

Берахот (букв. «Благословения», «Славословия») — благодарственные и хвалебные молитвы в иудаизме.

Ганбо — герой бретонского цикла.

Каратак — британский король (I в.).

Алардин — верный соратник Каратака

Ваджра — в ведийской и индуистской мифологии палица бога Индры; в буддийской мифологии символ прочности и неуничтожимости.

Дагда — кельтское божество, владелец чудесного котла, воскрешающего мертвых.

Скатах — в ирландской мифоэпической традиции одна из трех чудесных наставниц Кухулина, обучавшая его боевой доблести и мудрости.

Кадм, Персей, Ясон — герои древнегреческой мифологии.

Имеются в виду ангелы Господни.

Гиг — лидийский царь (ум ок. 648 г. до Р.Х.).

Климент Александрийский (ок. 150-215) — святой, христианский миссионер, теолог и сочинитель; глава Александрийской богословской школы.

Вотан, Зигфрид и Брунгильда — бог, герой и героиня–богатырша, валькирия, германо–скандинавского эпоса и одновременно «Тетралогии» Рихарда Вагнера, музыкально–драматического цикла из четырех частей: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Сумерки богов».

Тифон — в греческой мифологии божество света, ставшее чудовищем.

Ехидна — в греческой мифологии чудовище, полудева–полузмея.

Песнь песней — общепринятое название ветхозаветной Книги Песнь песней Соломона.

Малларме, Стефан (1842–1898) - французский поэт–символист.

Имеется в виду *Бернар Клервоский* (1091–1153) - французский теолог–мистик, основатель монастыря в Клерво, вдохновитель Второго крестового похода.

Библейское название Красного моря.

«Рене» и «Атала» — повести французского писателя–романтика Франсуа Рене де Шатобриана (1768-1848), в которых он анализирует душевные движения романтического героя–страдальца, тоскующего по красоте и очарованию былых времен, ушедших безвозвратно.

Laudator temporis Acti (*лат*) — Воспевающий былые времена.

Демиург (*философ.*) — творческое начало мироздания в философии Платона.

Эвтерпа — муза лирической поэзии в древнегреческой мифологии.

Иония — древняя область в Анатолии.

Катарсис — по Аристотелю, очищение духа при помощи «страха и сострадания» как цель трагедии.

Брахма — в индуистской мифологии высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов индуизма.

Самилданах (ирл. «искусный во многих ремеслах») — одно из прозвищ Луга (гэльск. «сияющий»), бога света в кельтской мифологии.

Гефест — в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела.

Вулкан — в римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени.

Церера — древнейшая италийская и римская хтоническая богиня плодородия подземного мира, насылавшая на людей безумие; она же богиня материнства и брака.

Прозерпина — латинская форма имени древнегреческой богини царства мертвых *Персефоны* («девушки», «девы»).

Фрейя (др. — *исл.* «госпожа») — в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви, красоты.

Минос — в греческой мифологии один из сыновей Зевса и Европы, один из судей в загробном царстве.

Парка — в римской мифологии одна из богинь судьбы.

Норна — в скандинавской мифологии одно из низших женских божеств, определяющих судьбу людей при рождении

Вальхалла (*др. — усл.* «чертог убиенных») — в скандинавской мифологии находящееся на небе, в Асгарде, принадлежащее Одину жилище эйнхериев — павших в бою храбрых воинов.

Тристан — рыцарь-герой средневековой кельтской (вероятно, бретонской) легенды «Тристан и Изольда» о вечной страстной любви, не подвластной даже смерти.

Гиперборейская, то есть имеющая отношение к гипербореям, — к народу, живущему на Крайнем Севере, «за Бореем», и относящихся, согласно греческой мифологии, к числу народов, близких к богам и любимых ими.

Шакти (др. — *инд* «сила») — в индуистской мифологии творческая энергия божества, персонифицированная в образе его супруги.

Гесиод (ок. 700 до н. э.) — первый исторически достоверно установленный греческий, а следовательно, и европейский поэт.

Гельдерлин, Фридрих (1770-1843) — немецкий поэт, воспевавший гуманистические идеалы (свободу, красоту) и глубоко преклонявшийся перед древнегреческой культурой.

Хайдеггер, Мартин (1889-1976) — немецкий философ, один из основоположников немецкого экзистенциализма.

Ренан, Жозеф Эрнест (1823-1892) — французский писатель и философ.

«Хартленд» (*англ.* «сердце страны») — центральная или важнейшая часть страны или государства.

«Римленд» (*англ.* «окраина») — окраинные или пограничные земли страны или государства.

Тридцатилетняя война (1618–1648) - противоборство между габсбургским (католическим) блоком, во главе с католическими князьями Германии Габсбургами, поддержанными папством и Речью Посполитой, и антигабсбургской (протестантской) коалицией, возглавляемой германскими протестантскими князьями, в которую входили Франция, Швеция и Дания; окончилась в 1648 году полным крахом планов Габсбургов и заключением Вестфальского мира.

Розенкрейцеры — члены религиозного, мистико–философского общества, близкого к масонству, в XVII—XVIII веках в Германии и других европейских странах, включая Россию.

Тулe — согласно античным географам, в частности Пифею, остров у Полярного круга, в 6 днях плавания к северу от Британии — возможно, один из Шетландских островов (Фула) или северо-западная оконечность Норвегии.